

история / география / этнография

Блистательный Химьяр
и плиссировка юбок

Лев Минц

Б

листательный
Химьяр
и плиссировка
юбок

Лев Минц

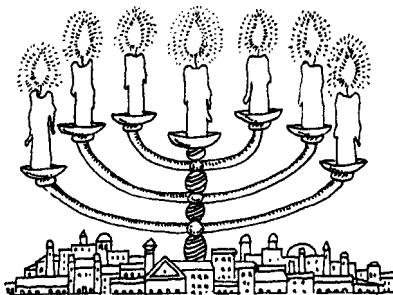
Ломоносовъ

Б

листательный
Химьяр
и плиссировка
юбок

Не вполне ученые заметки
о еврейской географии, истории,
этнографии и социологии
с элементами лингвистики

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 392
ББК 26.8
М62

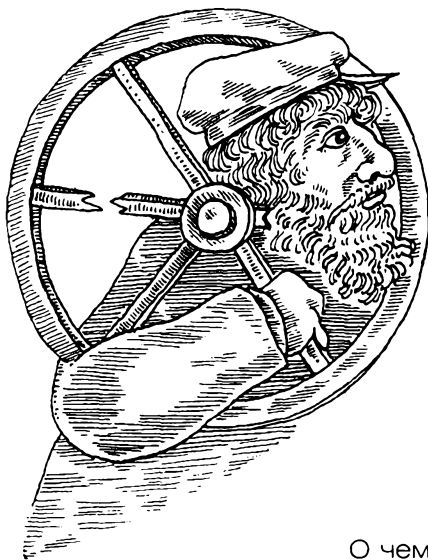
Иллюстрации И. Тибиловой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-105-2

© Лев Минц, 2011
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2011

Самое краткое предисловие

О чем эта книга, почему она так называется, о вреде невежества и пользе элементарных знаний

Есть вещи, о которых все знают всё и которые подолгу с удовольствием обсуждают, когда больше не о чем поговорить. Это, наверное, футбол, экономика и еврейский вопрос. Ну, положим, «вопрос» — это сильно сказано. Просто о евреях тоже все известно, прежде всего об их грехах и недостатках или — наоборот — о достоинствах и страданиях: тут все зависит от того, кто рассуждает, главное — сомнений у рассуждающего, как правило, не бывает.

Считается, однако же, что о футболе с наибольшим знанием могут судить тренеры, футболисты или футбольные обозреватели; об экономике, хоть и задевает она почти всех, — экономисты.

Следуя этой логике, можно сделать умозаключение, что на еврейскую тему

должны квалифицированно рассуждать евреи. И это умозаключение будет неверным.

Простите, о чем может судить человек, для которого вся история евреев после библейского периода, с коим он знаком — в лучшем случае! — по популярным книгам вроде «Библии для детей», сводится к отрывочным сведениям о «черте оседлости», главе «Погром» в превосходной детской книге «Белеет парус одинокий» и несколькими очень плохими телеспектаклями? Да и спектакли эти все почему-то поставлены только по «Тевье-молочнику», отличной книге, но мы-то видим так, «как режиссер видит»! А режиссер видит согласно своим представлениям, сформировавшимся на отрывочных сведениях о «черте оседлости», — в общем, смотри выше (включая очень плохие телеспектакли, которые он тоже видел и теперь творит свой).

Мы далеки от желания осуждать или осмеивать кого-то. Так уж сложилось — и не будем долго разбирать почему. Мы пойдем другим путем.

Вряд ли вы сможете заниматься высшей математикой, если не знакомы с таблицей умножения. Вам не прочитать ни одной книги, если вы не учили азбуку, в данном случае — алефбейс. Но можно, почесав в потылице, взять этот алефбейс в руки и постараться его усвоить.

Для самого-самого начала: узнать, что обозначают еврейские выражения и словечки, которые вы, возможно, употребляете, но — клянусь вам! — не знаете их значений. Конечно, лучше было бы выучить язык идиш, но в силу целого ряда причин куда перспективнее и престижнее сейчас выучить иврит. Кстати, и легче — он живой, а идиш живой сейчас услышишь редко. Но все-таки услышать можно, если постараться. Зато местечка-штетла нигде уже и не увидеть. Нет этого местечка. А в нем была весьма своеобразная и очень четко организованная жизнь, которая, изменившись, перешла в жизнь современную...

Людей, живших в штетле, можно еще встретить.

А часто ли вы встречали людей, живших в Нарбонне? Подданных герцогства Наксосского? Царей блистательного Химьяра? Ведь не вся же еврейская история протекала под Киевом и зависела от настроения урядника!

Так вот: был и блистательный Химьяр, была и «плиссировка юбок».

А какое отношение к нашей теме имеет словосочетание, заключенное в кавычках, вы узнаете дальше.

Глава I,

где рассказывается о событиях древности, хотя и не столь уж глубокой, о княжествах у озера Тана, о повелителях огня, о том, может ли еврей быть бароном и крепостным и почему он вряд ли работал палачом, а также о весьма странной профессии

Храм города слоновой кости

Элефантина — так по-гречески назывался город на южной оконечности небольшого острова на реке Нил, в нескольких километрах от Первого порога.

«Элефант» — по-гречески слон, потому и неудивительно, что арамейское его название звучит как Иев — «Город Слоновой Кости». Это название дали евреи. И не случайно. Во-первых, они обретались там в изрядном количестве, а во-вторых, люди практические, они обратили внимание на то, что слоны на острове отсутствуют, зато слоновую кость привозят из близлежащей Нубии большими партиями, и торговать ею — дело выгодное. На острове стояла крепость-город, и ее задачей было охранять египетские пределы от возможных вторжений нубийцев, каковая задача и была возложена на еврейских наемников (или воинов-интернационалистов), коих пригласил в VII веке до нашей эры фараон Псамметих II.

Надобно заметить, что задолго до того, как евреи освоили искусство денежных оборотов и зубо врачевания, они были хорошо известны по всему тогдашнему Ближнему Востоку как умелые и опытные воины с воинской специализацией «охрана госграниц». Это, кстати, не противоречило и их коммерческим устремлениям: работа на таможне и всякая там растаможка входили в их прямые обязанности.

Так что, когда в следующем веке Египтом правили уже не фараоны, а персы, еврейский гарнизон продолжал выполнять свои обязанности. Евреи в Элефантине в то время делились на две категории: «баал-дегел» — солдат и «баал-кирья» — горожанин.

Именно в Элефантине произошло событие, вообще-то в еврейской истории немыслимое: постройка храма. Как известно, у евреев Храм один. Судя по всему, евреи Элефантины были хорошими воинами и толковыми коммерсантами, но в религиозных вопросах были людьми темноватыми.

Храм их был построен богато: с каменными колоннами и плитами из камней, крытый кедровым деревом и с пятью воротами на бронзовых петлях. Служили в нем коганам и приносили на алтаре жертвы.

На заклание шли прежде всего бараны, но, на беду, местное египетское население поклонялось богу Хнуму, которого изображали в виде барана или человека с бараньей головой. И принесение в жертву аналогов божества не могло не раздражать египтян. Но поскольку военная сила была в руках евреев, а египтяне были всего лишь покоренным народом, сами они с еврейским храмом поделать ничего не могли и подавали жалобы персидским наместникам.

Тут надо сказать, что персы не мешали своим разноплеменным наемным войскам соблюдать свою религию, но так, чтобы это не мешало уставным обязанностям. Посему в декрете, скажем, царя Дария военнотружущим еврейского вероисповедания предписывалось отмечать Песах и четко расписывался ритуал праздника — с тем, чтобы в эти дни воинский долг исполняли другие интернационалисты на персидской службе. К примеру, арамеи или гре-

ки. Если какие-нибудь ритуалы могли помешать воинской службе, следовало получить на их проведение разрешение у персидской администрации, чтобы она могла подменить наряды и караулы.

Так вот, персидский наместник, получив жалобы баранолобивых египтян, запросил мнение иерусалимского первосвященника и персидского наместника Иудеи. Поступил ответ, что никакого храма с жертвоприношениями у евреев, кроме Храма, не может быть. И в 411 году до нашей эры элфантинский храм был разрушен. Элфантинские евреи обратились с жалобой к иерусалимскому первосвященнику и были озадачены тем, что он даже не ответил на столь греховный вопрос. Однако они продолжали служить верой и правдой, пока город наконец не пришел в упадок, и жители покинули его. Но это произошло не скоро: в раннехристианскую эпоху.

Но была эпоха и дохристианская. И одним из главных еврейских центров тогда была Вавилония.

События, о которых мы хотим рассказать, происходили в те времена, когда арабами назывались только жители пустыни, оседлые же люди говорили по-арамейски, и евреи не были в том исключением. Жило их тогда в Междуречье Евфрата и Тигра (а уж если по-еврейски, то бейн нхар Прату-нхар Хидекель) видимо-невидимо в огромном количестве деревень и городов. Считайте, что другие люди там были в меньшинстве. Кстати, ивритское слово «бавлим» — «вавилоняне» обозначает именно евреев, живших на этой территории.

Начало еврейским поселениям в Вавилонии положил царь Навуходоносор, переселившийся в начале VI века до нашей эры многие тысячи евреев. Когда почти через полвека персидский царь Кир завоевал Вавилонию и разрешил евреям вернуться на родину (которая тогда не носила эпитета «историческая», ибо все еще было живо в памяти), вернулась меньшая часть. Места в Вавилонии уж больно были благодатные. Кажется, произошла одна из типичных ошибок еврейской истории, когда удобства чужого дома возобладали на бедность дома своего. Даже

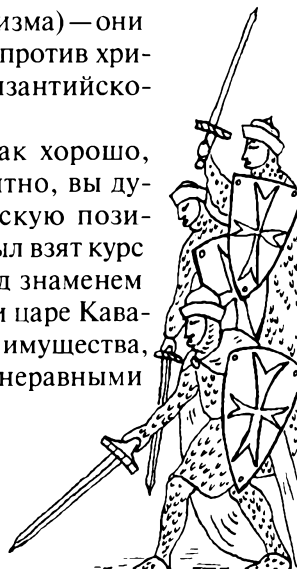
к восстанию Маккавеев вавилонская община отнеслась безучастно.

Страна тем временем переходила из рук в руки: пришли греки, пришли парфяне, пришел — далеко еще не исламский — Иран. Положение евреев не подвергалось изменениям. Большая часть их занималась земледелием, многие — особенно в городах — весьма удачной торговлей. Не очень их коснулись ни Иудейская война против Рима, ни восстание Бар-Кохбы. Разве что беженцы появлялись после этих потрясений, и, надо отдать должное, принимали их прекрасно и помогали чем могли.

Правил евреями — бавлим экзиларх — это по-гречески, а по-арамейски — реш-галута — «глава изгнанников». (В нашей довольно безграмотной нынешней прессе его назвали бы «руководителем диаспоры».) Реш-галута представлял общину перед местной властью и пользовался солидным авторитетом.

Но ничто не вечно под луной. И в Иране к власти пришла династия Сасанидов, а для тех государственной религией был зороастризм, известный также как огнепоклонничество. В частности, религия эта запрещает хоронить покойных в земле, а у евреев другой вид похорон не принят. Много есть и других расхождений. И евреи испытали на себе религиозные преследования. Не такие, правда, сильные, как впоследствии, но малоприятные. Были и более легкие периоды, было и ужесточение гнета, но больше не против евреев, а против манихеев (некой смеси христианства с индийскими учениями и элементами зороастризма) — они казались царям Ирана наиболее опасными — и против христиан, которых подозревали в сочувствии к византийскому врагу.

Все равно жить было можно, хоть и не так хорошо, как прежде. А вот совсем плохо стало... Вероятно, вы думаете, «когда цари Ирана заняли антиеврейскую позицию»? Если так, то вы ошибаетесь. Наоборот. Был взят курс на полное равенство всех жителей империи под знаменем нового учения — маздакизма. Случилось это при царе Каваде I, когда жрец Маздак провозгласил общность имущества, земель, жен и всего прочего, что делало людей неравными

друг другу. Кроме того, отменялись и все религии как ложные и не соответствующие идеям равенства и братства. Вам это ничего не напоминает?..

И ведь нашлось множество людей — и среди евреев тоже, — которые во все это поверили и стали служить новому учению со всей истовостью бердичевского красного комиссара. И стали внедрять реформы как на землях, населенными евреями, так и другими народами. Длилось это почти пятьдесят лет в V–VI веках нашей эры. Реш-галута Мар-Зутра собрал военную силу, достаточную для того, чтобы оборонять еврейские районы в течение семи лет. Но был сокрушен. Начались зачистки и нормализация. В междуречье направлены были самые проверенные и крутые комиссары. И вы, увы, понимаете сами, кого среди них хватало. Во всяком случае, известно, что в некоторых селах еврейки предпочитали бросаться в реку, чтобы не стать «общими женами».

Потом новое учение иссякло и выродилось, и никто в него толком уже не верил, хотя внешне соблюдали должные обряды. Только часть очень идейных товарищей продолжали свято верить, но власти у них уже не было. Этот период до боли похож на известные нам времена. Вернулся зороастризм, наступил исламский период. Но все это было гораздо позже, и об этом отдельный рассказ.

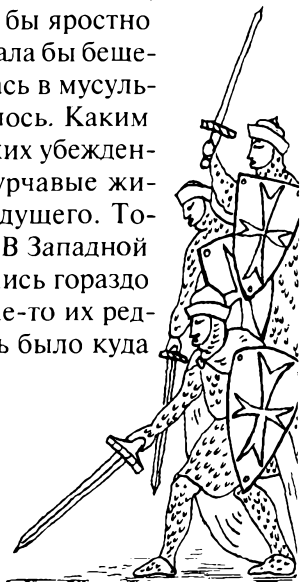
Историки, веками пытающиеся разгадать тайну существования Атлантиды, идут, с нашей точки зрения, неверным путем. Есть всего лишь один надежный способ проверить реальность существования той или иной страны. Если она существовала, то в ней обязательно была еврейская община со своей собственной историей. Об этом должны были обязательно сохраниться записи — в переписке с евреями других стран или в генизе каирской синагоги. Нет таких записей — значит и страны не было...

Положа руку на сердце: много ли вы знаете о Византии? Для большинства современных людей она представляется чем-то вроде Атлантиды: красивые легенды, «византийские интриги» и пресловутый «щит на воротах Цареграда», вроде бы приколоченный в X веке полуполюгендарным Олегом.

А ведь была, существовала с IV по XV век на Востоке великая держава, откуда на Русь (и не только) пришло православие, пришли многие искусства и науки. И зародыши такого антисемитизма (точнее сказать, юдофобии), что и по сей день не расхлебать...

Возникла Византия (точнее, Восточная Римская империя) в результате постепенного распада единой Римской империи на Западную и Восточную части. Византийцы продолжали называть себя римлянами (или ромеями), но государственным языком у них стал греческий. Территория же несоизмеримо превосходила современную Грецию, включая в разные времена и Балканы, и Малую Азию, и Палестину со все еще многочисленным немирным еврейским населением, и Сирию, одной из первых ставшую христианской, и Египет. При Юстиниане Великом византийские войска покорили даже Италию, Пиренейский полуостров и Северную Африку.

И везде существовали еврейские общины: ведь в позднем Риме иудаизм (несмотря на все еврейские восстания и «иудейские войны») считался религией, допускаемой законом. Ну а закон, конечно же, был пережитком и родимым пятном языческих времен. Благочестивого императора Константина и его не менее благочестивую матушку Елену занимало превращение Палестины в страну исключительно христианскую. Действительно, странно как-то получалось: Святая, понимаете ли, земля, а живут на ней неудобно даже сказать кто... Арабы еще в тех краях не появились, а появившись они со своими претензиями, первой бы яростно возмутилась христоролюбивая Сирия. И продолжала бы бешено возмущаться до тех пор, пока не превратилась в мусульманскую. Примерно так в общем-то и получилось. Каким оплотом ислама стала теперешняя Сирия, в каких убежденных мусульман превратились ее носатые и курчавые жители!.. Но — тогда это все было еще делом будущего. Тогда просто хотелось очистить страну от евреев. В Западной Европе лет через семьсот такие вопросы решались гораздо проще: изгнать — и дело с концом. Но в Европе-то их редко бывало больше сотни душ на город, и гнать было куда как легче.

Во времена, о которых мы повествуем, евреи хорошо владели оружием, а уж за Эрец Исраэль — Землю Израильскую — бились с неукротимостью львов.

Но можно было пойти и другим путем — цивилизованным, византийским: придавить, ограничить, да так, чтоб сами разбежались. И сын Константина, Констанций (тоже, по всему виду, юноша благочестивый), запретил евреям вступать в Иерусалим. Точнее говоря, обновил полузабытый древнеримский закон, введенный после Иудейской войны и восстания Бар-Кохбы. Естественно, вместо благодарности он в 351 году получил восстание — с вырезанием христианского населения и прочими эксцессами, которых мы, люди века гуманного и цивилизованного, одобрить, естественно, не можем. Но, кажется, в IV веке никто иначе не поступал... Восстание было подавлено с наименьшей бесчеловечностью.

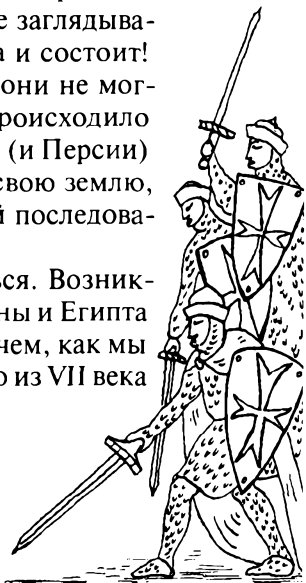
История евреев в Византии представляется нам как непрерывная череда усиления антиеврейского законодательства. В V веке император Феодосий собрал воедино все антиеврейские законы, да еще запретил строить новые синагоги. (Бедняга! Он не знал, что в отличие от христианского храма синагогой может служить любое помещение, хоть и не так упорядоченно, как настоящая синагога.) Император Юстиниан в VI веке относился к евреям еще хуже. У него, впрочем, были веские причины, кроме нормальной зоологической вражды: усилилось иудейское во многом царство в Химьяре, стало угрожать интересам Византии; христиан там еврейский царь Зу-н-Навас немилосердно прижал. И, если уж положить руку на сердце, не без оснований подозревал Юстиниан своих еврейских подданных в том, что химьярскому царю они сочувствуют больше, чем ему. Ну, с Химьяром разобрались, натравив на него христианскую единоверную Эфиопию, помогши ей снаряжением и разведанными. (Опять-таки справедливость требует вспомнить, что и на славян византийцы натравливали печенегов и наоборот, а в нужный момент могли за еврейского хагана Хазарии выдать свою православную принцессу. Политика, знаете ли, дело тонкое. И грязное. А уж византийская...)

Тут только следует внести ясность. В отличие от средневековой Европы, лет этак через шестьсот, где с евреями, жившими очень малыми общинами в городах, можно было делать что угодно, Византия имела дело с евреями другого типа. Центр в Эрец Исраэль имел огромное влияние на всех евреев империи, во многих других местах евреи жили очень большими массами и на удар отвечали ударом, а то и двумя. Скажем, во время восстания в Антиохии убили патриарха и паству его сильно проредили. И так было не в одном месте. Другие же евреи массами уходили в Хазарию, стремительно выраставшую в мощного и непримиримого врага Византии.

Когда же к власти пришел император Ираклий — VII век, — по Византии ударили персы (до Хомейни было далеко: мусульманами они не были). Евреи перешли на сторону персов и помогли им захватить Иерусалим. Это не помешало персам причислить евреев к числу побежденных и обложить налогом, хотя и существенно более легким, чем христиан, но все равно непосильным и — для бывших только что союзниками — оскорбительным. Тут тайные агенты Ираклия стали распространять среди евреев сведения, что император им все простит, если они выступят против персов. Евреи поверили, и персы были изгнаны. А потом начались погромы...

Тут мы на мгновение остановимся. В любом не слишком дружественном евреям труде эта история с ударом по Византии, а потом — с Византией — по бывшим союзникам приводится как образец предательской сущности еврейского племени. словно в европейскую историю не заглядывали, которая сплошь из такой дружбы до гроба и состоит! Но дело в том, что с еврейской точки зрения они не могли изменить ни Византии, ни Персии: дело происходило в Эрец Исраэль и неподалеку, а права Византии (и Персии) на эту землю — незаконны. Евреи отстаивали свою землю, и с кем вступать в союз, против кого и в какой последовательности — это их дело.

Византия между тем продолжала сокращаться. Возникновение ислама и арабское завоевание Палестины и Египта улучшили положение там евреев. (Потом, впрочем, как мы знаем, это привело к тягчайшим конфликтам, но из VII века

этого всего не было видно... А уж несуществующим властям несуществующей Византии и вообще от этого не легче.)

В VIII—IX веках Византию охватила тяжкая борьба между иконопочитателями и иконоборцами. Первые — понятны; вторые же утверждали, что почитание икон равносильно язычеству. Борьба велась не на жизнь, а на смерть. И естественно, что обе стороны (но иконоборцы чаще) прибегали как к последнему аргументу к Священному Писанию, книге, что ни говори, еврейской.

Оттого оппоненты любили именовать их евреями — в чисто ругательном, разумеется, смысле. Как вы еще христианина хуже обзовете? Евреи же в старинных древних спорах православных между собою участия не принимали: своих забот хватало. Иконоборцы, естественно, от этих грязных обвинений оборонялись яростной антиеврейской риторикой, чем стремились доказать свою приверженность христианству.

В 1453 году Византия окончательно пала под ударами турок.

Евреи остались...

Но история их в значительной мере переместилась в бывшую Западную Римскую империю: в Европу.

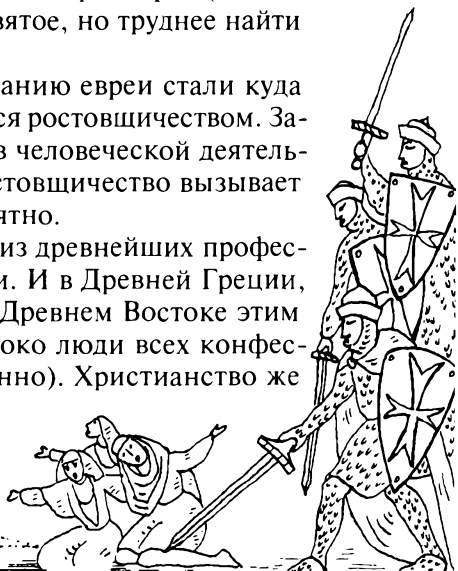
До самых Крестовых походов — а они тянулись, считай, двести лет — евреи составляли в Европе особое сословие, положение которого скорее вызывало зависть, нежели презрение. Свободные в личной жизни и передвижениях (весьма далеких, которые нормальному европейцу и не снились, хотя бы потому, что он о таких дальних странах и не ведал), объединенные практически по всему миру, евреи держали в своих руках — прежде всего — торговлю с загадочным и богатым Востоком. А в каждой стране, где они проживали, они имели особые отношения с правителем (это мог быть король, князь, герцог, в конце концов, епископ, ибо в те времена князья церкви бывали и князьями светскими), и это охраняло их и от черни, и от бандитствующих мелких феодалов, и от завидующих местных коммерсантов. Что же касается владык, то хотя грамотны они были далеко не все, зато отлично понимали выгоду, приносимую еврейскими общинами в виде налогов.

Крестовые походы всю эту картину разрушили. Во-первых, убивать врагов Христовых и принуждать их к крещению — дело благочестивое, и этим элементом благочестия крестоносцы обделены не были. Во-вторых, владельцы Европы вдруг увидели, как в случае народного движения шатается их собственная власть. Выгодны тебе евреи или не выгодны, заяви-ка об этом публично, и вмиг власть твоя лишится законных оснований, ибо в момент, когда весь народ, современным языком говоря, в едином порыве, как один человек (Что там дальше? Кажется, «с чувством глубокого удовлетворения»...) идет громить басурман за далекие моря, ему мешают обрушить справедливый гнев прямо здесь! А не из них ли ты сам?.. Правда, во многих местах Европы самые кровавые погромы удалось предотвратить, а точнее говоря, ослабить их результаты. Так сказать, походы походами, а лишать себя самой доходной части бюджета не позволю.

На двести лет, пока на дорогах Европы хозяйничали отряды крестоносцев, передвижение еврейских караванов по ним стало невозможным. Двести лет — всего лишь один небольшой этап в многотысячелетней истории еврейского народа. Но двухсот лет совершенно достаточно, чтобы утратились навыки, забылись старые связи, которые налаживаются десятилетиями, но рвутся в недели. А потом хоть бы и возобновились! Европейское купечество само познало Восток, открыло — проломило! — туда пути, и конкурент был ему совершенно не нужен. Тем более — враг веры. (Единоверцу шею свернуть — тоже дело святое, но труднее найти этому юридическое обоснование.)

Лишенные средств к существованию евреи стали куда как больше, чем до этого, заниматься ростовщичеством. Заметим с грустью, что из всех видов человеческой деятельности, включая работорговлю, ростовщичество вызывает меньше всего симпатий. Что и понятно.

Кстати, ростовщичество — одна из древнейших профессий, уж куда старше журналистики. И в Древней Греции, и в Древнем Риме, а тем более на Древнем Востоке этим ремеслом занимались весьма широко люди всех конфессий (у кого были деньги, естественно). Христианство же

(да и иудаизм, а также ислам) относится к этому занятию отрицательно. В тех, естественно, случаях, когда дело касается единоверцев. (А у индусов, скажем, или у буддистов и конфуцианцев-китайцев, к примеру, это работа как работа.) Но неверным это презренное занятие позволено. Такими «неверными» в Европе и были евреи.

Человек, дающий вам в долг одну сумму, но требующий назад другую — бóльшую, а в случае неуплаты отбирающий ваше имущество, становится предметом вашей ненависти. Плевать вам на то, что он — прекрасный отец, замечательный муж и вообще человек благочестивый.

Власти светские тоже относятся к нему с презрением и даже с отвращением, но налоги с него брать не забывают. Их заботливость доходит до того, что специальными указами они устанавливают, что «десятину» — налог размером в десятую часть — еврей-ростовщик обязан платить церкви, когда состояние христианина переходит в его руки.

Историки, занимавшиеся экономическим положением еврейских общин средневековой Европы, выяснили, что ростовничеством профессионально занимался относительно небольшой процент евреев. Большая же часть после Крестовых походов влачила жалкое существование, перебываясь мелочной торговлей вразнос и ремеслами, не престижными среди христиан: починкой и продажей старой одежды, к примеру. А многие не имели и этих средств и существовали на пожертвования богатых членов общины. Тех же ростовщиков.

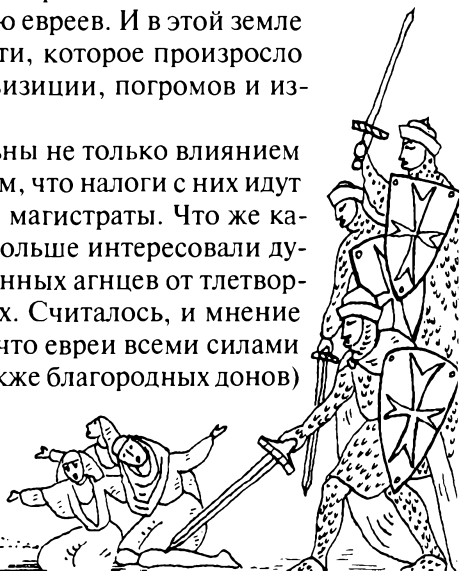
Но в сознании европейцев стабильно закрепился образ: еврей-кровосос...

В то время как в Западной и Центральной Европе еврейская жизнь (имеется в виду экономическая) после Крестовых походов угасала, а Восточная Европа только ждала своего часа, чтобы получить еврейский вопрос и связанную с ним головную боль, еврейство Испании оставалось просто оазисом для евреев. Вообще-то в обыденном сознании Испания и евреи объединены двумя шаблонами: с одной стороны, расцвет еврейской культуры и жизни в «арабской» Испании, а с другой — преследования инквизицией марранов

и изгнание евреев из страны. Так оно, в сущности, и было. Но это не все. Даже очень не все. Ибо помимо процветания в мусульманских странах Иберийского полуострова евреи испытали и религиозные гонения со стороны фанатичной династии Альмохадов, которые и заставили большую их часть переселиться в христианские государства севера Испании. И был расцвет в католической Испании — экономический и культурный. Причем этот расцвет пришелся как раз на годы после упадка за Пиренеями. Как не раз бывало в еврейской истории, стоило ослабеть одним звеньям общей цепи, которая и есть еврейский народ, немедленно усиливались другие. И цепь — несмотря ни на что! — оставалась прочной и связующей.

В отвоеванных у магометан городах новые правители предоставляли евреям свободу вероисповедания, позволяли оставаться в своих кварталах (только вместо слова «алхам» они стали называться худариями, от испанского «худо» — иудей). Кварталы эти отнюдь не стоит понимать как гетто, куда людей загоняют. Евреи сами хотели жить в худариях. В них они сохраняли свое общинное устройство и судебную автономию. Кстати, хударии не были тесными и перенаселенными: иной раз худария превосходила остальную часть города площадью. Евреи подчинялись непосредственно королю, платили налоги в его казну, а монарх зачастую даровал евреям за заслуги и услуги землю (к северу от Пиренеев это давно уже считалось невозможным). Считается, что в XI—XII веках треть всех земельных угодий страны была собственностью евреев. И в этой земле начинало разбухать зерно ненависти, которое произошло потом обильными колосьями инквизиции, погромов и изгнания.

Да и города были резко недовольны не только влиянием евреев на королевский двор, но и тем, что налоги с них идут прямо в королевскую казну, минуя магистраты. Что же касается церкви, то отцов духовных больше интересовали духовные же вопросы: изоляция невинных агнцев от тлетворного воздействия врагов Христовых. Считалось, и мнение это было широко распространено, что евреи всеми силами хотят отвратить простой народ (а также благородных донов)

от истинной веры. При этом предполагалось, что если их обратить в правую веру, то они перевоспитаются. По происхождению еще никого не преследовали. Но до поры до времени...

Короли между тем охотно предоставляли евреям службу при дворе — она, кстати, становилась наследственной. Королей и грандов тоже понять можно. Выражение «тайны мадридского двора» тоже ведь не на пустом месте появилось: дворы кишели интригами и заговорами. Тут еврей был прямо-таки незаменим: не гранд, не епископ — следовательно, в их заговорах участвовать не будет, да и очень заинтересован в стабильности, то есть в нынешнем короле. Тот, следующий, может быть, еще гаже будет...

...Не удержусь от сравнения из другой страны и другой эпохи. В самый разгар кадрового антисемитизма в Центре где-нибудь в Средней Азии в обкоме, а то и в республиканском ЦК всегда находилось место одному-двум евреям, причем в близости от партпадишаха. Принцип, заметьте, тот же: падишахи не доверяли всем русским, считая, что они более преданны Москве, а не лично партийному хану; не доверяли они также всем единоплеменникам, уроженцам других областей и кишлаков, полагая, что они плетут заговоры. Еврей же, никоим образом не претендовавший на престол, был и полезен, и удобен. И еще служил иллюстрацией по теме «Дружба народов».

Итак, Испания с Португалией служили как бы оазисом. Но зубы дракона были уже посеяны...

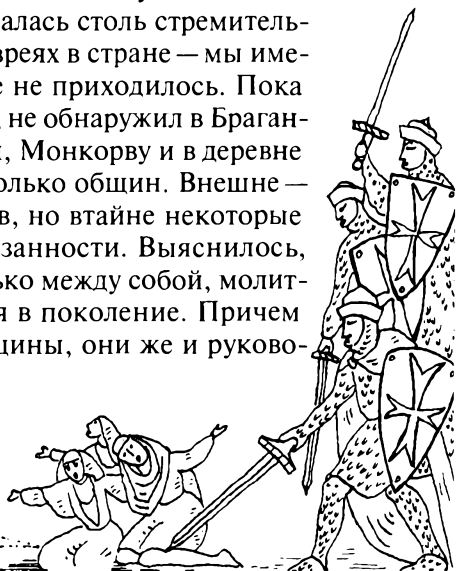
И это привело к появлению «последних евреев в мире»...

Не следует понимать это выражение как трагический сигнал: евреев еще в мире достаточно. Даже трудно и сосчитать. Так бывает, что некоторые люди в зависимости от того, что требует настоящий момент, то объявляют себя евреями, то резко против этого протестуют. К примеру, в Эфиопии числилось в последние времена тысяч тридцать евреев-фалаша, а когда положение в стране стало совсем невыносимым, оказалось, что еще триста тысяч именуют себя фалашмура, то есть потомками некогда обращенных в христианство, и требуют себя признать фалашами и немедленно вывезти в Израиль.

Впрочем, наш разговор не об Эфиопии, а о Португалии. Точнее — о северной провинции Траж-уж-Монтеш, что дословно переводится как «За горами». Действительно, провинцию отделяют от остальной страны высокие горы. Край этот из тех, что в России называют «медвежьими углами». Несколько склонные к преувеличениям португальцы любили говорить, что в Траж-уж-Монтеш кончается белый свет. Свет, конечно, не кончался: дальше Испания (правда, тоже отделенная горами), а там дальше, за Пиренеями, Франция. Но и сейчас в провинцию ведут не лучшие, по португальским меркам, дороги, а в средние века там можно было спрятаться почти как в России за Уралом.

С 1497 года, когда в Португалии тысячи евреев были насильно крещены, многие семьи продолжали в глубокой тайне сохранять веру отцов. Делать это было очень трудно, ибо святая инквизиция была начеку. Отцы-сыщики шныряли по городам, допытываясь у соседей подозреваемых, к примеру, а не предпочитает ли такой-то и такой-то баранину свинине. Любого доноса было достаточно, чтобы человека схватили. Под пыткой любой признавался в чем хочешь. И тогда его передавали светским властям с тем, чтобы «с ним поступили милостиво и без пролития крови». На костре и вправду кровь не проливают.

Португалию — как и Испанию — охватила такая «охота на ведьм», что составлены были списки «новых христиан» с тем, чтобы и в самом отдаленном поколении они оставались под подозрением. Эти списки были уничтожены лишь в 1768 году. Но при этом началась столь стремительная ассимиляция, что вроде бы о евреях в стране — мы имеем в виду тайных — говорить более не приходилось. Пока в 1917 году горный инженер Шварц не обнаружил в Брагансе и поселках Вила-Реал, Ковильян, Монкорву и в деревне Аргоселу в Траж-уж-Монтеш несколько общин. Внешне — да и не только внешне — католиков, но втайне некоторые из них соблюдали ритуальные обязанности. Выяснилось, что эти люди совершали браки только между собой, молитвы передавали устно из поколения в поколение. Причем хранителями традиций были женщины, они же и руководили тайными молениями.

Члены этих общин были убеждены, что они — последние евреи в мире...

После того как Шварц, сам еврей, рассеял это заблуждение, некоторые из них вдруг почувствовали неодолимое желание открыто вернуться к вере своих предков. Капитан португальской армии Артуру Карлуш де Барру Башту в начале 20-х годов официально объявил о том, что возвращается к вере, которую его предки исповедовали до 1497 года, и призвал всех «новых христиан» (вообще-то 500 лет для «новизны» срок слишком большой) сделать то же самое. Сначала многие (но далеко не большинство) откликнулись на призыв капитана, даже создано было несколько общин, но довольно быстро они распались. Что ни говори, а 500 лет в отрыве от всего еврейского никуда не выкинешь. Да и, как выяснилось, католиками эти люди — особенно крестьяне из горных деревень — стали много большими, чем сами предполагали. Вроде бы и скрывать теперь, как оказалось, было нечего. Не переходить же в настоящий иудаизм, чтобы тайно отмечать католические праздники?..

Из-за этой тайны обогатилась португальская кухня.

Успокойтесь, дорогой читатель, мы не собираемся предлагать вашему вниманию кулинарный труд!

Хотя некоторого кулинарного оттенка наш рассказ не лишен. Но лишь потому, что крепко связан с еврейской историей. Как известно, наличие еврейской общины просто необходимо любому государству, если оно нормальное. И следы деятельности этой общины прослеживаются в самых разных сторонах жизни государства, причем зачастую самых неожиданных. Вот как в данном случае: казалось бы, при чем тут евреи? Где евреи, а где кулинария? Профессия повара, обслуживающего широкие массы иноверного населения, никогда среди евреев особо популярной не была. Тем более в стране, где любимое мясо — свинина и очень уважаемы резко не кошерные морепродукты.

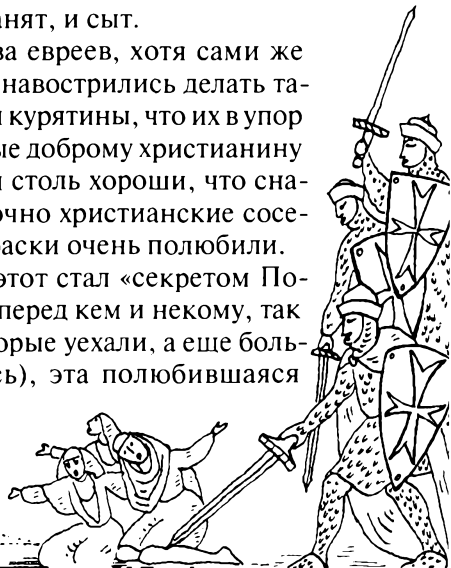
Однако по порядку. История евреев в Португалии складывалась не самым удачным образом и завершилась изгнанием их из страны — примерно так же, как в соседней Испании (Португалия и была некоторое время ее частью). И так же, как в Испании, власти были всерьез и надолго

заняты слежкой за «новыми христианами». То есть за теми евреями, которые приняли христианство для виду, чтобы не быть изгнанными. Следует помнить, что святая инквизиция просуществовала в Португалии куда дольше, чем в других странах Европы. Методы слежки были продуманны и разнообразны: от элементарного «стука» со стороны соседей до почти современного «сбора информации по месту жительства и в трудовом коллективе». Некоторые же методы были несправедливо забыты, скажем, такой квалифицированной организацией, как наш КГБ. Не хочу клеветать на эту дееспособную контору, но, кажется, содержимым кастрюль на кухне она не занималась. Незачем было.

А вот трудолюбивые и неутомимые португальские святые отцы, наоборот, любили сунуть нос в чужие кухни. Как известно было святым отцам, евреи свинины не едят. Известно было также, что они любят баранину, птицу и рыбу в чешуе. Поэтому было вполне логично зайти как бы просто по-дружески в подозрительный дом и заглянуть в кладовку: висят ли в ней окорока и прочие свинокопчености. Или узнать у мясника: покупает ли сеньор такой-то у него свинину? Или только баранину? И часто ли? (При этом, конечно, надо было, чтобы сам мясник не был под подозрением: а то выяснится, что свиные туши рубить поручает помощнику...) Иной раз можно было в дом и не заходить, а только во двор нос сунуть: Португалия страна южная, и многие продукты в ней вялят и сушат прямо на воздухе. Ну а если ничего подозрительного, тоже не беда: всегда можно перекусить — вроде бы и работой занят, и сыт.

Но недооценили отцы коварства евреев, хотя сами же о нем толковали без устали. Евреи навестились делать такую ветчину и колбасу из гусятины и курятины, что их в упор нельзя было отличить от тех, которые доброму христианину надлежит есть. И на вкус они были столь хороши, что сначала согладалаи, а потом и беспорочно христианские соседи эти псевдоветчину и псевдоколбаски очень полюбили.

Впоследствии же, когда секрет этот стал «секретом Полишинеля», ибо таить было уже не перед кем и некому, так как евреев в стране не стало (некоторые уехали, а еще больше совершенно ассимилировались), эта полюбившаяся

сньедь вошла в португальскую народную кухню и даже стала одним из предметов ее гордости.

В общем-то, учитывая, что во время Второй мировой войны столь негостеприимная к евреям в Средние века Португалия проявила себя на редкость гостеприимно, принимая еврейских беженцев и помогая им убежищем в своих посольствах (как в Венгрии), это и неплохо.

Временами возникали еврейские государства или квазигосударства, но в любом случае страны — побольше или поменьше, — где евреи чувствовали себя хозяевами. К примеру, Наксос — остров, точнее, островок в Эгейском море, в архипелаге Киклады. Вся-то его площадь — квадратных километров четыреста; здесь выращивают виноград, оливки, пасут овец. Есть еще крупное месторождение наждака, что считалось ценным в Средние века, но, честно говоря, наждак и тогда не был золотом и алмазами. Так что и в ту далекую эпоху — XVI—XVII века — на этот островок никто глаз не клал. Островок населяли несколько тысяч греков — подданных турецкого султана, ибо и вся Греция, и все Восточное Средиземноморье принадлежали Оттоманской империи.

В те не столь уж далекие времена каждый, кто был кем-то значимым, обязан был обладать своей землей. Не важно, мал был этот клочок или велик. И когда турецкий султан Селим II пожаловал остров своему личному другу Иосифу Наси, маррану, родившемуся в Португалии и переселившемуся в тридцатилетнем возрасте в Стамбул, это было воспринято как огромная честь и знак доверия. С островом (и соседними островками) Иосиф Наси получил еще и титул герцога Наксосского — именно европейский титул, не имевший аналогов в турецкой сословной иерархии.

Мусульмане-придворные таким выдвижением еврея не возмущались, зато страны Запада, с которыми вел переговоры новоиспеченный герцог, как бы они ни относились к носителю титула (а вообще-то нехристи-турки были для них не совсем людьми), принимать его обязаны были со всем положенным герцогу почетом. С Западом Иосиф Наси вел переговоры постоянно и чаще всего к пользе Тур-

ции и — он никогда этого не забывал — евреев. Ему в этом помогали: большая осведомленность в европейских делах, личное знакомство с множеством европейских государственных деятелей и разветвленная сеть торговых (по совместительству — политических) агентов. И на политику Турции он оказывал сильнейшее влияние, причем — в момент ее наивысшего могущества.

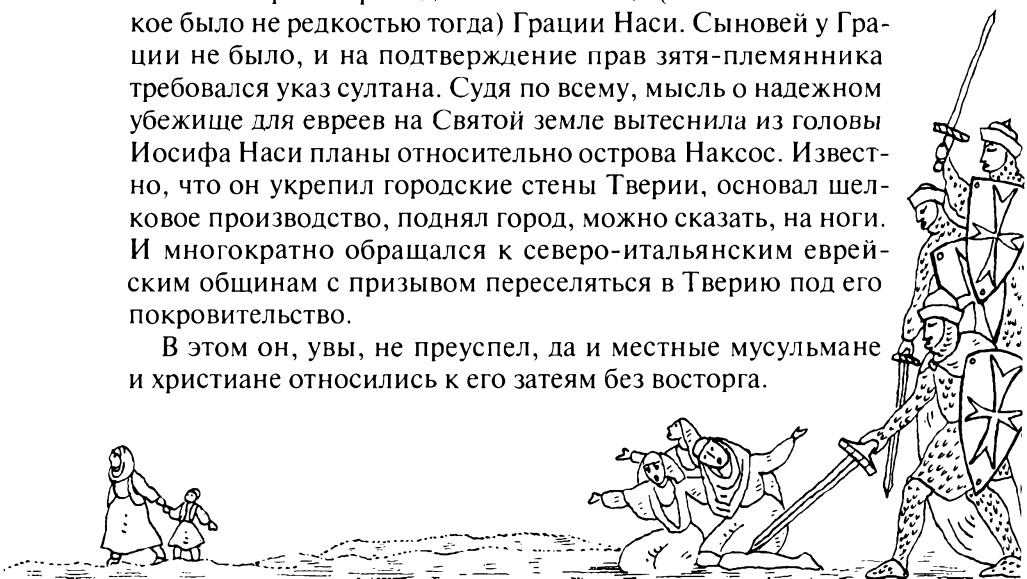
Отсутствие места не позволяет нам в подробностях рассказать его биографию. Ограничимся тем, что скажем, что родился он в семье придворного врача-маррана при Лиссабонском дворе. Имя его тогда было Жоао Микаш. Он объездил всю Европу; он — увы, безуспешно — пытался взять у венецианцев концессию на один из островов, чтобы создать там убежище для марранов.

Обрезание он совершил в тридцать лет в Стамбуле и тогда же принял родовое имя Наси. Иосиф Наси.

Мы не знаем, хотел ли он создать в своих владениях спокойную гавань для евреев; известно лишь, что сам он на острове почти не бывал, а управлял им из своего поместья под Стамбулом. При этом островитянам-грекам он облегчил жизнь настолько, что после смерти его добром поминили во всех четырех островных церквах.

Какие планы он имел относительно своего герцогства, нам так и не узнать, ибо султан подтвердил его «концессию», причем наследственную, на город Тверию и семь деревень вокруг в Эрец Исраэль. Такая концессия с титулом «Правитель Тверии» принадлежала его теще (она же тетя — такое было не редкостью тогда) Грации Наси. Сыновей у Грации не было, и на подтверждение прав зятя-племянника требовался указ султана. Судя по всему, мысль о надежном убежище для евреев на Святой земле вытеснила из головы Иосифа Наси планы относительно острова Наксос. Известно, что он укрепил городские стены Тверии, основал шелковое производство, поднял город, можно сказать, на ноги. И многократно обращался к северо-итальянским еврейским общинам с призывом переселяться в Тверию под его покровительство.

В этом он, увы, не преуспел, да и местные мусульмане и христиане относились к его затеям без восторга.

Ходили упорные слухи, что султан хотел сделать Иосифа Наси королем Кипра. (Подтверждения на этот счет нет.) Но Кипр еще надо было отвоевать у Венеции, что и произошло, но ценой таких потерь, что влияние Иосифа сильно пошатнулось. Султан, правда, в милостях не отказывал, и титул герцога и правителя Тверии за Наси оставался до смерти.

Может, и к лучшему, что не получился на Кипре еврейский король. Как посмотришь на то, что на Кипре делается сейчас между греками и турками, так и скажешь: «Нет, все же к лучшему...»

Евреи в богиню Афродиту, которой посвящен был древними греками Кипр, не верили, но остров им нравился: чудный климат, близко от Эреца, дивные возможности для коммерции, а в древние времена и для сельского хозяйства, особенно же — виноградарства и овцеводства, привычных для древних евреев. Поэтому евреев было на острове очень много. По-еврейски остров называется Кафрисин, а кафрисинское вино служило одним из ингредиентов фи-миама, воскуряемого в Храме.

Появились на Кипре евреи во II веке до нашей эры. Иудея в тот период боролась с эллинистической Сирией, и Рим поддерживал ее и направлял кипрским властям ноты с требованиями уважать права и самобытность еврейской общины. (Как все-таки хорошо начинались у евреев дела с Римом! И как плохо закончились...) До сих пор на Кипре находят во множестве иудейские монеты времен династии Хасмонеев. Даже Ирод I выдал свою внучку за Тимия, знатного кипрского еврея, что свидетельствует о процветании кипрской еврейской общины. Будь этот Тимий забытым парнем из гетто, не видать бы ему царской внучки как своих ушей.

И христианские апостолы Павел и Варнава Кипрский проповедовали в местных синагогах, но не преуспели. Что и не забыли евреям припомнить. У греческого населения они преуспели больше, а это не могло не отразиться на межобщинных отношениях.

В правление императора Траяна, столь отличившегося при взятии Иерусалима и разрушении Храма, кипрские ев-

реи вместе с евреями Египта, Кирены и Месопотамии восстали против Рима. Главным городом острова тогда был Саламис. Повстанцы разрушили его и перебили 240 тысяч греков. Греками называли тогда не только этнических греков, но всех язычников, а также местных христиан; среди них могли быть и еврей-отступники. К тому же источники могут и преувеличить число убитых...

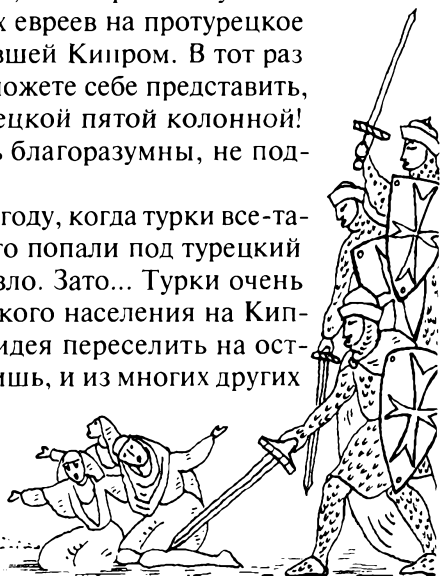
После подавления восстания — тоже весьма жестоко — уцелевшим евреям запрещено было селиться на острове. Впрочем, через некоторое время евреи вновь появляются на Кипре (такая уж это нация!), а к III веку нашей эры восстанавливают там синагоги.

В VII веке община на Кипре была снова велика, даже не одна, а три: евреев как евреев; караимов, которые с евреями враждовали и спорили, кто из них еврей настоящий (караимы считали, что только караимы), а кто мнимый; и еще была какая-то странная община евреев-еретиков, не соблюдавших шабад. (Тут, правда, возникает вопрос: а почему они евреи?)

Но не будем залезать слишком глубоко в кипрскую историю. Правила там четыре века — до конца XV — династия Лузиньянов. Ее короли благосклонно относились к евреям, а церковные власти — неблагосклонно. И евреям, среди которых было немало богатых людей, было то лучше, то хуже в зависимости от того, кто перевешивал: король или церковь.

Иосиф Наси, герцог Наксосский, о котором мы уже говорили, пытался подбить кипрских евреев на протурецкое восстание против Венеции, правившей Кипром. В тот раз туркам взять остров не удалось, и можете себе представить, как бы обошлись с еврейской турецкой пятой колонной! Тут евреям повезло, что оказались благоразумны, не поддавшись на уговоры герцога.

А Кипру повезло попозже, в 1571 году, когда турки все-таки завоевали остров. Нет, в том, что попали под турецкий гнет, им, конечно, сильно не повезло. Зато... Турки очень хотели снизить процент христианского населения на Кипре, и у герцога Иосифа возникла идея переселить на остров евреев из Цфата (а потом, глядишь, и из многих других

мест). Но цфатские евреи на это не пошли: не бросать же Эрец Исраэль! И идея умерла, не родившись. А ведь иначе пришлось бы бедным грекам сейчас иметь дело не только с турками в их непризнанной республике Северного Кипра, но и с евреями (интересно, как бы называлось их государство на Кипре?).

В общем, повезло грекам. Между нами, евреям — тоже.

Еще евреям долго везло в стране Нарбонне.

Мы не знаем, были ли евреи в королевстве короля Артура. Мы даже не знаем, существовала ли такая страна или это сказки, халеймес, так сказать, фар киндер. Но если это не совсем халеймес, пусть даже все королевство состояло из двух деревень (одна из них — стольный град Камелот), то тогда евреи там обязательно были. Иначе что это за страна? Страна Нарбонна (в том, что ее можно было называть страной, имеются сомнения) существовала в реальности. А ее статус государства подтверждает судьба ее еврейской общины. С этой точки зрения Нарбонна была страной в полной степени.

Если уж быть точными, скажем, что это — город и окружающие его угодья с деревнями на юге Франции в восьми километрах от Средиземного моря. Что значит «юг Франции»? Сегодня юг Франции, а вчера — север Испании. А когда не было ни Франции, ни Испании, евреи там уже жили, и это доказывают могильные плиты (числом одна) на еврейском кладбище. Кстати, это тоже типично: есть очень много стран, где евреи жили задолго до прихода коренного (нынешнего) населения. В разных конфликтных ситуациях им это, впрочем, не помогало...

Когда Испанией правили вестготы, город был просто частью этой страны. Когда ею правил король с варварским именем Вамба, евреев стали притеснять, на что они ответили участием в феодальном восстании. Это было оправданно, ибо многие евреи Нарбонны были в тот период землевладельцами и крепостниками. После подавления восстания мстительный Вамба изгнал евреев из города. Но ненадолго, ибо сам вскоре умер. При правлении в Испании арабов ничего особенного с нарбоннскими евреями не происходило: жили то лучше, то хуже. Однако сыграли важную

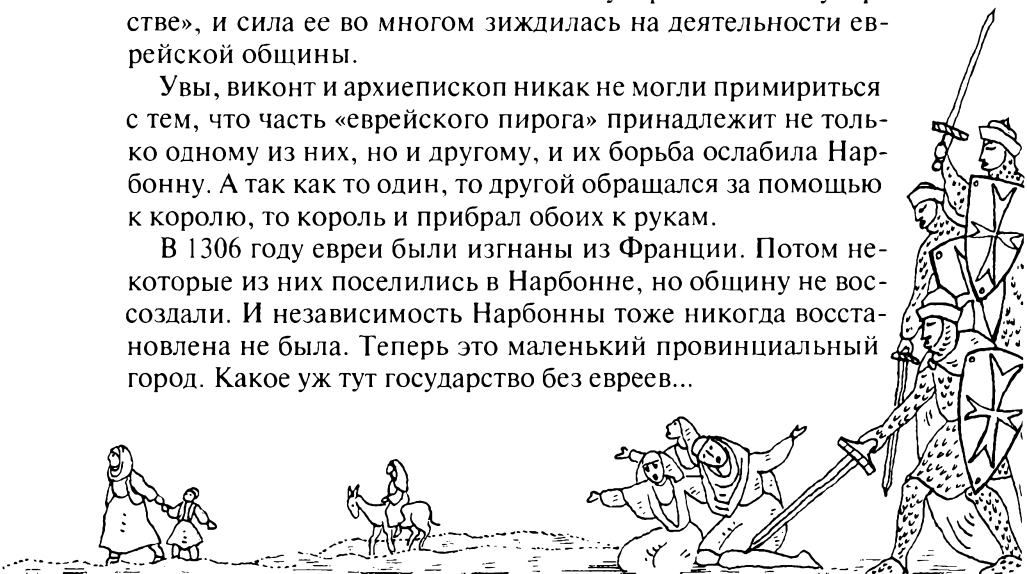
роль в разгроме и изгнании арабов, помогая королю Пипину Короткому, за что он наделил общину важными и редкими в тогдашней Европе привилегиями. Опять евреи пополнили ряды феодалов, солеваров, мельников и — чего не было в остальной Европе — могли нанимать (и угнетать крепостных) христиан. Главное же — Пипин Короткий был королем франков, а значит, Нарбонна стала частью Франции. Но на особых правах, редких даже в период феодальной раздробленности.

Нарбонной владел местный виконт, и в его внутренние дела не мог вмешиваться король. Скажем, король Людовик IX проводил антиеврейскую политику. А местный виконт ее осудил и участия в ее проведении не принял. Причина острой любви виконта к евреям крылась в отличных налогах, которые община исправно платила. Вот он, облик средневекового феодала, подумаете вы, за деньги готов забыть о Боге! Но не меньшую любовь к евреям стремился проявить и здешний архиепископ, а уж он-то о вере забыть не мог: она входила в его профессиональные обязанности. Оба владельца, светский и духовный, защищали еврейскую общину и от попыток погрома, и от крестоносцев. Нарбоннские евреи умели себя защитить и сами и числились в составе городской полиции.

Нарбоннское подданство защищало евреев в их поездках в те страны Европы, где евреев преследовали: даже в Испании ничего поделаться с этим не могли. Нарбонна была влиятельным и сильным «государством в государстве», и сила ее во многом зиждилась на деятельности еврейской общины.

Увы, виконт и архиепископ никак не могли примириться с тем, что часть «еврейского пирога» принадлежит не только одному из них, но и другому, и их борьба ослабила Нарбонну. А так как то один, то другой обращался за помощью к королю, то король и прибрал обоих к рукам.

В 1306 году евреи были изгнаны из Франции. Потом некоторые из них поселились в Нарбонне, но общину не воссоздали. И независимость Нарбонны тоже никогда восстановлена не была. Теперь это маленький провинциальный город. Какое уж тут государство без евреев...

Блистательный Химьяр

Ордос-мелех, известный в христианском мире как царь Ирод, был евреями ненавидим — прежде всего за приверженность эллинской культуре и верноподданность Риму.

О том, в какое ругательство его имя превратилось у христиан, нечего и говорить: одно вифлеемское избиение младенцев чего стоит! Так что тут выражение «У ты, ирод!» (с маленькой буквы, как нарицательное) вполне оправданно. Между тем он украсил Иерусалим многими прекрасными сооружениями, основал город Кесарию — роскошный по тем временам, отстроил Храм и всячески заботился о процветании вверенного ему государства. А что при этом был жесток, членов собственной семьи истреблял — так кто на Востоке (и не только), особенно из царей, поступал иначе? В войско свое он набирал наемников — фракийцев и галлов: так спокойнее и с бунтовщиками не сговорятся. Зато из евреев набирал солдат для отдаленных гарнизонов. Поскольку Ирод пекся и о безопасности торговли Иудеи, а шла она через тогдашний Эйлат (чуть к востоку от современного, но ныне уже за иорданской границей), куда приходили корабли с Востока (уже не Ближнего, а из Индии, к примеру), надо было укрепить позиции у самого входа в Красное море из Индийского океана. Так был послан ограниченный контингент в Южную Аравию. Было это в 25 году нашей эры, и с этого начинается история евреев в Южной Аравии.

Эта история тесно слита с историей могучего и блистательного государства Химьяр, последнего доисламского государства Аравии и уж точно последнего еврейского государства в этом районе.

Судя по всему, Иродовы воины, перестав выполнять возложенные на них царем функции, обосновались на новом месте, служили наемниками то одному, то другому местному царьку, и, как правило, с выгодой для себя. Следует признать, что они породнились с местными жителями, ибо жизнь есть жизнь. И множество местных людей приняло их веру. Короче говоря, еврейская община превратилась

на юге Аравии в одну из самых мощных сил — и в военном отношении, и в экономическом.

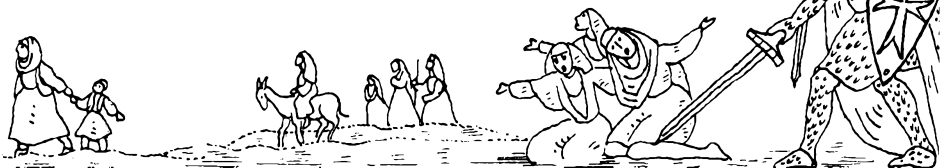
В 117 году племя химьяр, расширив свою территорию и покорив окрестные племена, создало царство, вошедшее в историю под названием Химьярского. Уже к IV веку в Химьяр входила вся Южная Аравия. Царство описывали многие чужеземные путешественники, и среди эпитетов преобладали такие, как «блистательный Химьяр». Очевидно, евреи там процветали; во всяком случае, когда в Химьяр стали проникать христианские миссионеры из Эфиопии, изгнали их оттуда именно евреи. Но в стране остались местные христиане, обращенные эфиопскими монахами. И цари Химьяра считали их эфиопской пятой колонной.

Зато евреи были столь лояльны, мощны и заведомо антихристиански настроены, что только на них и следовало опираться. Что цари и сделали. А потом приняли Закон Моисеев сами. Первым царем-евреем стал Аб Кариб Асад. Он еще более расширил границу царства.

Но ничто не существует в мире само по себе. Пришла в упадок Римская империя, а с ней ослабела международная торговля. (Напомним, богатство и блеск Химьяра во многом зиждились на том, что химьяриты держали в своих руках морские пути с Востока.) Стало меньше денег — сократилось земледелие: поддерживать систему орошения — дело дорогое. Чаше стали возникать конфликты — и чаще всего с христианами. Часть еврейских племен откочевала в Хайбар (о нем мы расскажем отдельно).

В VI веке царь Юсуф (Иосиф) Зу Навас начал такое преследование христиан, что возмущение пронеслось по всему восточному христианскому миру. Особенно неистовствовали во гнев сирийцы. Они требовали перекрыть караванные тропы между югом Аравии и Эрец Израэль.

Зу Наваса обвиняли в том, что он сжигает христиан тысячами во рвах. Так это было или не так, но имя царя вошло в лексикон восточных христиан почти как имя Ирода. В Химьяр вторглись эфиопские войска, и война шла с переменным успехом. Захватчиков изгнали, но сам царь погиб: окруженный врагами, он прыгнул на коне в пропасть.

И в еврейские легенды вошел как герой и мученик. Как известно, люди и их деяния воспринимаются по-разному своими и чужими...

Обескровленный тяжелой борьбой Химьяр был захвачен Византией, под правлением которой евреи вряд ли могли жить спокойно и беззаботно. Потом страну захватили персы. Потом пришел ислам. Но это уже совершенно другая история...

Еврейский город Ясриб

Среди слов, заимствованных арабским языком из еврейского — арабами это признается, — есть несколько очень важных.

«Курбан» — жертва. «Дин» — вера, суд, и от этого корня происходит слово «медина». Дословно его можно было бы перевести как «место, где творят суд». По-еврейски оно обозначает прежде всего государство: «Медина́т Исраэль», к примеру. По-арабски же оно приобрело значение «укрепленный замок», «город — резиденция правителя», где как раз и творится суд, а то и расправа. Где издаются законы.

...В древности этот город назывался Ясриб (иногда в литературе можно встретить написание Ятриб, через «т»).

Теперь этот город именуется Мединой. Это второй священный город ислама в Саудовской Аравии, и неверным нет в него доступа.

Говорят, что первое еврейское поселение здесь восходит ко временам войн с амалекитянами. В самом начале нашей эры жило здесь двадцать племен — или кланов, если хотите, — и все они исповедовали Закон Моисеев. Если разбираться по-научному точно, то часть племен была еврейского происхождения, часть — смешанного, а часть — арабского. Это были арабы, осевшие в Ясрибе, уверовавшие в Единого Творца и принявшие Тору. Даже сейчас можно обнаружить здесь развалины башен и стен этого времени — дело в том, что каждое племя населяло свой квартал и укрепляло его. А за пределами городских стен все так же хорошо знали границы полей и пастбищ своих и чужих.

Жили здесь и язычники, имелись и христиане: тоже все по своим кварталам. В город-государство — а Ясриб был несомненным государством, и правители его были чаще всего евреи, — стекались кочевники, оседали и по большей части принимали иудаизм. Язык у всех был один и тот же (не так уж сильно отличавшийся от иврита, но все-таки не иврит), зато письменностью обладали только евреи. И это придавало им сил и уверенности. Самые мощные еврейские племена были Банну-Надир, Банну-Кайнука и Банну-Курайза.

Другие арабские племена и кланы иудаизма не принимали, оставаясь в язычестве. Они находились в вассальной зависимости от евреев. Число их прибывало, что не вовремя оценили правящие евреи. И когда еврейский царь Файтун потребовал от вассалов выполнения права первой ночи — самой унижительной из феодальных обязанностей, — арабский клан Хазрадж поднял восстание. И победил, ибо к нему примкнули другие вассалы, истомленные неприятными повинностями. Хуже того: некоторые еврейские кланы, вместо того чтобы проявить солидарность — это надежное оружие евреев и пролетариата, — сохранили нейтралитет, в лучшем случае — недружелюбный. В результате уже в VI веке, как свидетельствуют еврейские записи, многие евреи обязаны были выступать при любом военном столкновении как вассалы. Эта обязанность не была унижительной, но свидетельствовала о подчиненном положении.

В следующем веке в город-государство прибыл Мухаммед, которого привлекло распространенное в оазисе единобожие. Но лишь малая часть ясрибских евреев признала его пророком. Другие принялись его осмеивать, упрекая в плохом знании Писания.

За это, когда победила вера Мухаммеда — после длительных войн с теми же евреями, племена Надир и Кайнука были изгнаны из города. А в 627 году после военного столкновения перебиты были все мужчины племени Курайза. Женщин же и детей обратили в рабство. Поскольку рабство в Аравии носило патриархальный характер, потомки их стали нормальными членами общества и хорошими обыкновенными мусульманами. А город переименовали в Мединат-ан-Наби, то есть Город Пророка. Оба слова за-

имствованы из еврейского языка, и арабы этого не отрицают...

В ста пятидесяти километрах от Медины (той, что раньше была еврейским городом Ясриб) в той же исторической области Хиджаз находится город Хайбар. Он расположился на нагорье Харрат—Хайбар, месте очень благоприятном для сельского хозяйства, что вообще-то редкость в Аравии. Потому местность эта издавна была густо заселена. И не кем-нибудь, а евреями, причем различить, кто был потомком поселенцев времен Моисея или Давида, а кто принадлежал к местным кланам, принявшим веру Моисееву, более чем трудно. Важно то, что в VI—VII веках евреи составляли основное население области Харрат—Хайбар. Даже само название Хайбар производили от имени Хевера, жена которого Яээль убила некогда ханаанейского полководца Сисру, вторгшегося в Иудею. Жило здесь немало и арабских языческих племен.

Каждое еврейское племя (или клан, если угодно) имело свой замок — очень хорошо укрепленный, с запасами продовольствия и оружия на случай осады, со сложными источниками водоснабжения, секретными подземными ходами и прочими тайнами Востока. Земли Харрата были разделены между племенами. Увы, из-за этих земель и источников воды племена — как это ни горько сказать, даже еврейские! — часто враждовали между собой. Чего им делать не следовало бы: крепла сила ислама на Аравийском полуострове, мусульмане были едины, а до пресловутого «арабского единства», когда каждый делает пакости другому, а дружно кричат только об уничтожении Израиля, было еще далеко.

Но в 625 году нашей эры перекочевало в Хайбар племя Бану-Надир — евреи, изгнанные из Ясриба (теперь уже Медины) Мухаммедом. Им принадлежали крупные угодья в Харрат—Хайбаре. И Бану-Надир попытались сплотить хайбарские племена для борьбы и обороны. Это им удалось, и Хайбар превратился в еврейскую цитадель. Последнюю на Аравийском полуострове.

В 628 году войска, ведомые Мухаммедом, вторглись в Хайбар, но получили мощный отпор и перешли к такти-

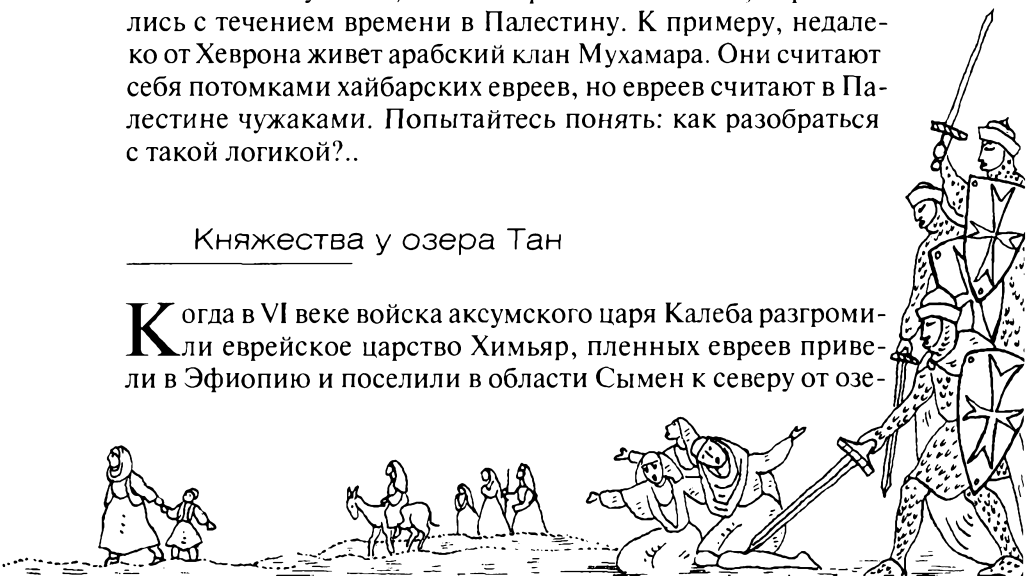
ке раскола. Тут надо отметить, что не всем старейшинам еврейских племен пришелся по вкусу союз с язычниками. Язычникам же не особо нравилось высшее положение евреев в общем союзе. Среди евреев тоже не оказалось должного единства — каждый клан предпочитал оборонять свои земли и свои замки. Так они и были разбиты по одиночке. Лишь один замок продержался два месяца, пока предатель из местных не навел нападавших на источник воды и они не отвели воду от замка. А без воды в условиях Аравии долго не продержишься. (В других местах, впрочем, тоже.)

Вождь Бану-Надир был казнен. Дочь его Сафию, чей муж пал в сражении, Мухаммед взял себе в жены. И, надо сказать, она стала его верной женой, за что члены ее рода получили привилегии. У евреев конфисковали земли и раздали мусульманам, но позволили бывшим владельцам обрабатывать эти земли — как арендаторам. Землевладелец и арендатор на Востоке — это небо и земля. У сородичей Сафии, однако, земли не отобрали. Но преемник Мухаммеда халиф Омар вспомнил сказанное перед смертью его предшественником, что во всем Хиджазе нет места для двух религий. И повелел изгнать евреев. Кроме сородичей Сафии, которые потом приняли ислам. Заметьте, что о язычниках вообще не было разговора: ислам дает им на выбор только смерть или обращение в мусульманство. Евреи в свои времена в их дела не вмешивались...

Тут есть одна забавная деталь. Некоторые кланы, исповедовавшие иудаизм, а затем принявшие ислам, переселились с течением времени в Палестину. К примеру, недалеко от Хеврона живет арабский клан Мухамара. Они считают себя потомками хайбарских евреев, но евреев считают в Палестине чужаками. Попробуйте понять: как разобраться с такой логикой?..

Княжества у озера Тан

Когда в VI веке войска аксумского царя Калеба разгромили еврейское царство Химьяр, пленных евреев привели в Эфиопию и поселили в области Сымен к северу от озе-

ра Тана. Подобное, как считалось, укрепляло государство: в благодарность за сохранение жизни, землю и различные привилегии бывшие враги становились верноподданными и готовы были защищать владыку. Селили таких людей обычно в местах, где власти не были уверены в лояльности местного населения. Но так уж получилось, что проживавшие в области Сымен племена агау сохраняли свою дохристианскую (и как они считали, иудейскую) религию. Новопоселенцы быстро нашли с ними общий язык (в данном случае — выучив язык агау), упорядочили их веру и смешались с ними.

Обращаю внимание читателей на то, что это только одна из теорий о происхождении эфиопских евреев. Есть и другие, совсем не похожие. Но нас сейчас интересует не это. Интересует нас то, что в этом мировом захолустье появились и просуществовали много столетий еврейские княжества с еврейскими князьями и князьками — то зависящие от христианских императоров Эфиопии, то воюющие с ними. Происходило это во время, когда пали последние еврейские цитадели в Аравии и в Европе, а в исламском мире евреи постепенно теряли свои права.

В XIV веке негус (император) Амда Сейон (не удивляйтесь, это переводится как Столп Сиона — имена всех эфиопских негусов всегда имели благочестиво-еврейское звучание, и сами они происходили из Соломоновой династии) воевал с «людьми, подобными евреям», в Сымене, Саламте, Вагаре и Сагаде. И не завершил эту борьбу христианнейший Столп Сиона, и длилась она триста лет, и окончилась лишь в XVII веке.

Если императорские войска одерживали победу, побежденным предлагали креститься и тем сохранить земли и титулы (многие еврейские князьки ради этого готовы были на все), а нехристи земель лишались и могли их только арендовать (зачастую у феодала-христианина, вчерашнего еврея). Поэтому многие кланы евреев уходили в менее населенные места и захватывали земли у местных племен (такие времена были, да и места такие!).

В XVII веке евреи под предводительством князя Гедеона приняли участие в мощном восстании племен области Гон-

дар. Восстание было подавлено — не без помощи португальских наемников, приглашенных вообще-то для сокрушения мусульман, с чем они тоже неплохо справились. Выбор был поставлен все тот же: крещение или смерть. Князь Гедеон предпочел смерть. По словам эфиопских хроник, негус печально спросил его:

— Как же ты посмел поднять руку на сына Соломонова?..
И, не дождавшись ответа, махнул рукой палачу.

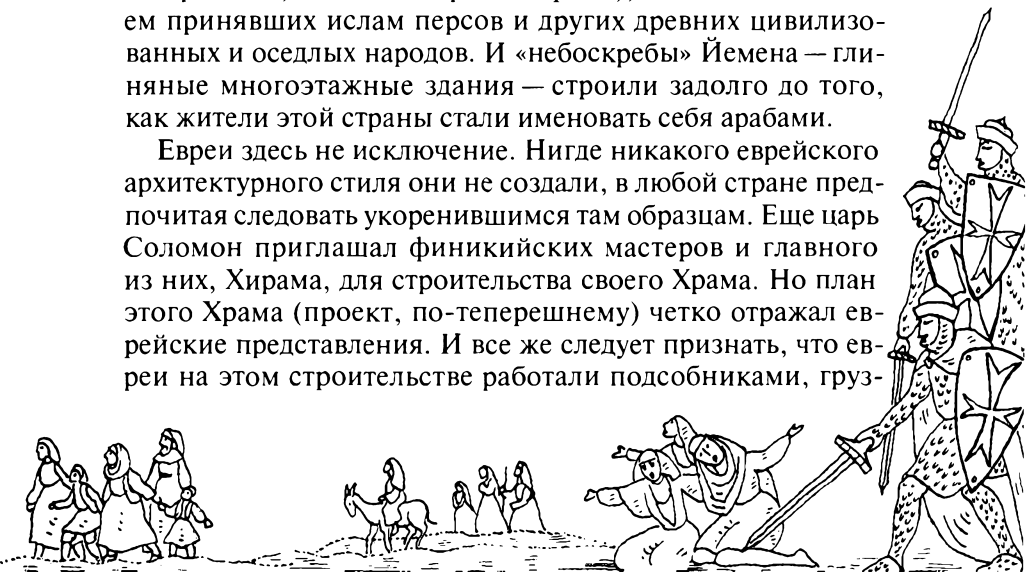
Каменных дел мастера

Пожалуй, не найдется в истории человечества кочевых народов, которые, осев, создали бы нечто выдающееся в архитектуре.

Так уж повелось, что кочевники либо присваивают себе архитектурное наследие покоренных оседлых народов, либо не поднимаются в своем строительном искусстве выше глинобитных мазанок-саклей. Ну а если хотят — уже укрепившись на обретенной земле — оставить собственный впечатляющий след в мировой культуре, приглашают иноземных мастеров.

К примеру, бедуины — настоящие арабы (от слова «арава» — «степь») — строить не умели, и вся та исламская (довольно однообразная, но пышная) архитектура, черты которой вы обнаружите в любой мечети любой страны (хоть в Германии, хоть на острове Борнео), является созданием принявших ислам персов и других древних цивилизованных и оседлых народов. И «небоскребы» Йемена — глиняные многоэтажные здания — строили задолго до того, как жители этой страны стали именовать себя арабами.

Евреи здесь не исключение. Нигде никакого еврейского архитектурного стиля они не создали, в любой стране предпочитая следовать укоренившимся там образцам. Еще царь Соломон приглашал финикийских мастеров и главного из них, Хирама, для строительства своего Храма. Но план этого Храма (проект, по-теперешнему) четко отражал еврейские представления. И все же следует признать, что евреи на этом строительстве работали подсобниками, груз-

чиками (для чего сгоняли крестьян со всего Израиля), охранниками и т. п. Мастерами все-таки были финикийцы.

Все это излагается отнюдь не для самокритики, которая сама по себе вещь, безусловно, полезная, но речь здесь не о том. Ибо в списке «еврейских профессий», где столь органично выглядят красильщики текстиля и ювелиры (а также фотографы, зубные врачи и посредники-факторы) есть также профессии каменщика и плотника. Сразу оговоримся: у некоторых этнических групп. Но зато в тех местах, где они обитали, это не вызывало никакого удивления — «самая еврейская профессия».

В наибольшей степени это относится к эфиопским евреям-фалаша. Хотя до разгрома в XVII веке княжеств у озера Тана подавляющее большинство их было земледельцами, ремесла каменщиков и плотников были у фалаша хорошо развиты: не зря каждое княжество обладало мощными крепостями, к строительству которых чужаки не допускались, чтобы не выведать ненароком оборонных секретов. Эфиопский император Сусениос брал каждую из этих цитаделей с большим трудом, отчего и война его с фалаша затянулась на много лет. Как мы знаем, перед побежденными встал выбор: крещение или утрата прав на наследование земли. Надо сказать, что статус владельца земли в этом (и не только в этом) конце света всегда был достаточно высоким, в то время как человек, обрабатывающий взятые в аренду чужие поля, падает в социальной иерархии на много ступеней. Так вот: часть фалаша стали полукрепостными арендаторами, другая часть предпочла уйти в малозаселенные места — за горы, за леса, чтобы расчистить новые (свои!) поля, а третьи (и их было много) подались в строители. Чуть было не забыл: император оказал милость и уважение особо отличившимся вражеским воинам и тут же включил их в свое войско, даже не потребовав креститься. Но вот получить при отставке землю они могли все равно лишь после обряда крещения...

Страна крепла под твердой рукой императора, а с ней рос и хорошел столичный город Гондар. На строительстве его дворцов и — не удивляйтесь! — христианских храмов работали в основном мастера-евреи.

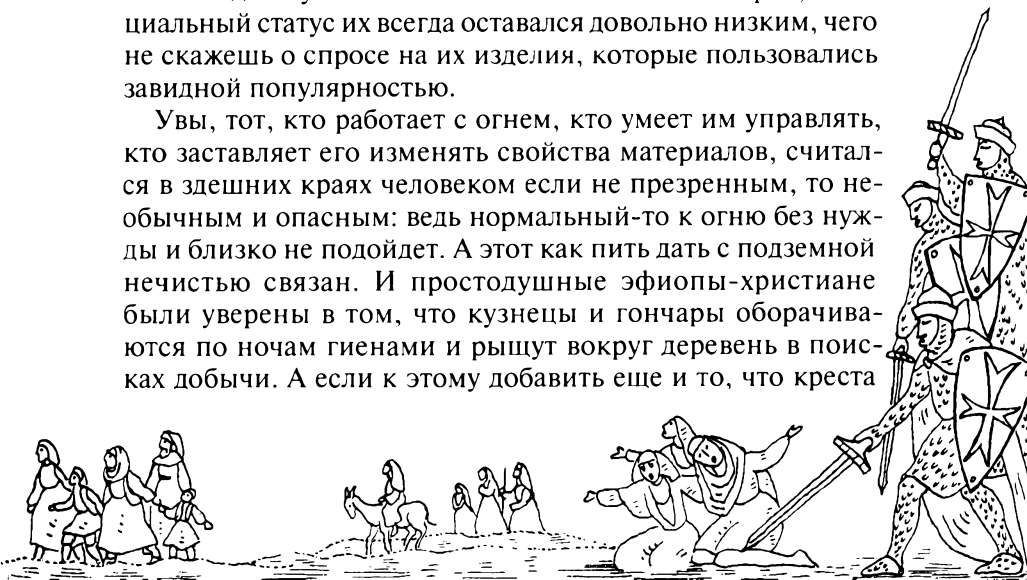
Возникали, естественно, и шекотливые моменты. Евреи, к примеру, отказывались вытесывать каменные кресты, а эфиопские батюшки, в свою очередь, старались не допускать их к сооружению алтарей. И искали для этого христианских мастеров, что было трудно: хороших мастеров можно было еще найти в приморских городах, но те тоже были нехристями — магометанами.

И все-таки выход был найден: разработали специальную службу для очищения храма после того, как соорудившие его неверные покидали святыню. Записаны эти обряды в эфиопских монастырских и храмовых хрониках столь подробно и встречаются столь часто, что вопрос о том, кто были каменных дел мастера, отпадает сам собою...

«Повелители огня» — такие заголовки обожала советская пресса, подразумевая металлургов-сталеваров — гордых, сильных. Их же любили изображать на плакатах. Мы тоже имеем в виду металлургов, хотя и не только их: гончары, к примеру, тоже издревле владеют тайнами огня, без которого их изделия ни за что не превратились бы из вязкой сырой глины в звенящие твердые кувшины и горшки. Но, продолжая перечень «еврейских профессий» (во всяком случае, считавшихся таковыми в определенные эпохи и в разных странах), мы заводим речь, естественно, и о еврейских гончарах, и о еврейских металлургах. Точнее — о кузнецах.

Вот тут-то и пришла пора вспомнить, что среди фалаша всегда было много кузнецов, которые в своих деревнях были людьми уважаемыми. Что же касается гончаров, то социальный статус их всегда оставался довольно низким, чего не скажешь о спросе на их изделия, которые пользовались завидной популярностью.

Увы, тот, кто работает с огнем, кто умеет им управлять, кто заставляет его изменять свойства материалов, считался в здешних краях человеком если не презренным, то необычным и опасным: ведь нормальный-то к огню без нужды и близко не подойдет. А этот как пить дать с подземной нечистью связан. И простодушные эфиопы-христиане были уверены в том, что кузнецы и гончары оборачиваются по ночам гиенами и рыщут вокруг деревень в поисках добычи. А если к этому добавить еще и то, что креста

они не носят, в заблуждениях своих упорствуют (а кто им силу для этого упорства дает?.. Вот то-то и оно!), то и вывод напрашивается простой и очевидный: может, они и люди, но не совсем... Не будем судить эфиопов с излишней строгостью — вспомним, что и русские слова «ковать» и «коварство», «кузня» и «козни» имеют одно происхождение.

Но как бы то ни было, фалашские деревни стали местом, куда жители окрестных христианских деревень ходили заказывать плуги, мотыги, наконечники копий, кинжалы, а также кухонную утварь. Расплачивались зерном — овощи фалаша взращивали на своих огородах, скот пасли свой, только пастбища приходилось арендовать у местного полуфеодала и платить за это либо, так сказать, кузнечно-гончарным обслуживанием, либо выпасом его скота.

Загадочные дёнме

В XVII веке почти весь еврейский мир охватило предчувствие пришествия Мессии.

Среди всех прочих причин не последнее место занимало зверское истребление евреев борцами за самостийность Украины — казаками Хмельницкого. Не зря в языке идиш выражение «ви ин хмельницкис цайтн» — «как во времена Хмельницкого» — означало нечто такое плохое, чего хуже уже и быть не может. До Освенцима и до украинского советского писателя еврейской национальности Натана Рыбака, воспевшего Богдана Хмельницкого, было еще очень далеко.

Поэтому появление Саббатая Цви, объявившего себя Мессией, было с жаром воспринято в еврейских общинах от Йемена до Польши и Германии. Сам Саббатай Цви родился в Смирне (ныне турецкий Измир) и проповедовать начал в родном городе среди местных сефардов.

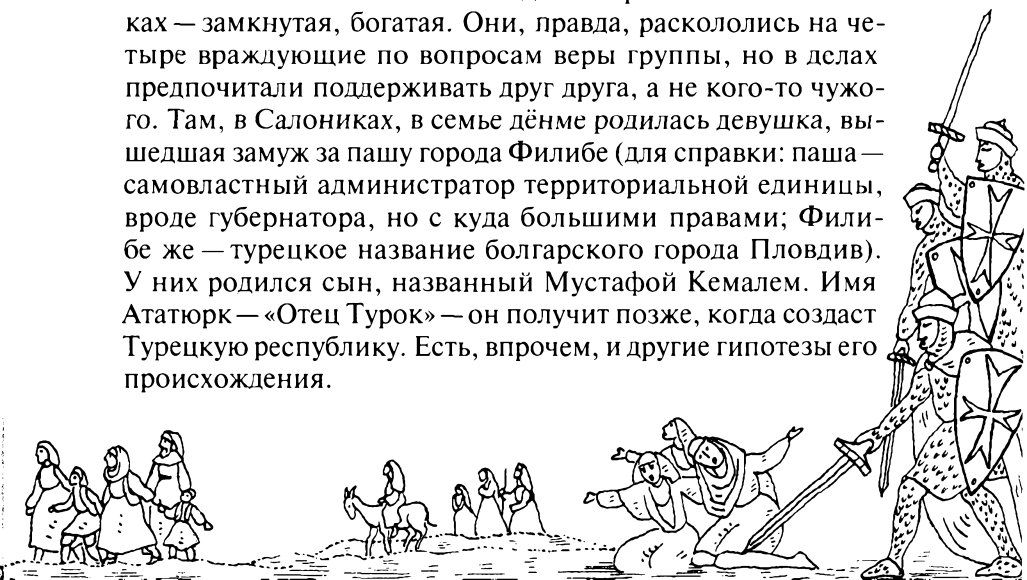
Не наше дело в этой маленькой заметке рассказывать о лжемессии, о борьбе благочестивых раввинов с ним, об его изгнании из Смирны и его путешествиях. Это все совершенно другая тема. Но когда Саббатай принял предложение турецкого султана и обратился в ислам (а альтернативой была смертная казнь), когда он получил высокий

по турецким понятиям пост капы-баши — коменданта входа в султанский дворец, большая часть даже уверовавших в пришествие Мессии темных и малограмотных евреев отшатнулась от него. Но некоторая часть все равно эту веру сохранила.

В общем, нас интересуют те, кто перешел в ислам. Сначала, как им казалось, для вида: будем внешне исполнять требования Корана, а в действительности останемся теми, кем мы были. На первый взгляд, один к одному, как марраны Испании и Португалии. В действительности же — совсем другое. Ибо саббатянцы искажали и оскверняли веру сынов Авраама, Исаака и Иакова так, что их можно было считать кем угодно, но только не евреями.

В целом переход в ислам не был в Турции чем-то уникальным: именно ренегатами из разных народов и конфессий и богателя турецкая земля. И капли турецкой крови не текло в жилах высшего ее сословия. Последователи Саббата, получившие название «дёнме», что по-турецки значит «перевернутые», повели себя несколько иначе, чем другие новые мусульмане. Они ходили в мечеть, били поклоны при намазах, носили магометанские имена, но никогда не вступали с мусульманами в брак. Впрочем, и в брак с евреями тоже. Тут скорее евреи брезговали ими — и как отступниками, и как еретиками в иудаизме. Турки в общем-то тоже видели в них нечто не совсем то. Видеть-то видели, а придраться было не к чему.

В XVIII веке большая часть дёнме проживала в Салониках — замкнутая, богатая. Они, правда, раскололись на четыре враждующие по вопросам веры группы, но в делах предпочитали поддерживать друг друга, а не кого-то чужого. Там, в Салониках, в семье дёнме родилась девушка, вышедшая замуж за пашу города Филибе (для справки: паша — самовластный администратор территориальной единицы, вроде губернатора, но с куда большими правами; Филибе же — турецкое название болгарского города Пловдив). У них родился сын, названный Мустафой Кемалем. Имя Ататюрк — «Отец Турок» — он получит позже, когда создаст Турецкую республику. Есть, впрочем, и другие гипотезы его происхождения.

Надеюсь, теперь читателю понятно, почему исламисты в Турции иногда пишут на постаментах памятников Ататюрку, стоящих во всех без исключения населенных пунктах Турции, «чифут-оглу» — «жиденок»? Если кто из них попадет в руки полицейских или военных — всех как один кемалистов, — он не скоро выйдет из тюрьмы, если вообще сможет ходить. Когда Кемаль-паша пришел к власти, Салоники перестали быть турецкими и перешли к грекам. В турецких погромах, которые начались сразу же, погибла значительная часть дёнме: для греков они были турками, и не просто турками — из их числа был и министр финансов Турции Джавад-паша, и министр полиции Талаат-паша, и еще много кто из тех, кто для турок были героями, а для греков (армян, болгар, сербов) — турецкими палачами. Большинство бежали в Турцию и тут совсем растворились. Но по сей день любой преуспевающий человек в Турции остается на всеобщем подозрении: наверное, он дёнме...

Мальта: остров неволи

То, что на Мальте евреи жили издавна, подтверждает изображение меноры — семисвечника — в одной из катакомб римского периода.

Как и положено средиземноморской территории, Мальта принадлежала римлянам. Точнее: и римлянам. Были здесь и финикийские поселения, где без евреев обойтись не могло. Захватывали Мальту и арабы, что в тот период отнюдь не противоречило существованию и даже процветанию на ней еврейской общины. Арабов сменило Сицилийское королевство, а с начала XIV века пришла испанская Арагонская династия. Даже это не лишило Мальту евреев.

Но в 1492 году евреев с острова изгнали: согласитесь, как-то неудобно, даже невежливо было бы их оставлять, когда из всех других испанских владений их попросили (довольно грубо и настойчиво). И покинули Мальту все 500 евреев. Тоже мне количество, скажет читатель. Хмельницкий в одной Балте перебил куда больше! Хотя и 500 человек жал-

ко. Перебрались они в Италию. Но не тем нам остров интересен...

Так что, когда рыцарский Орден иоаннитов в 1530 году принял управление островом в свои руки, евреев на Мальте и Гоцо не было. К удовольствию защитников католической веры. А потом евреи стали прибывать. И иной раз — в весьма значительных количествах. В цепях.

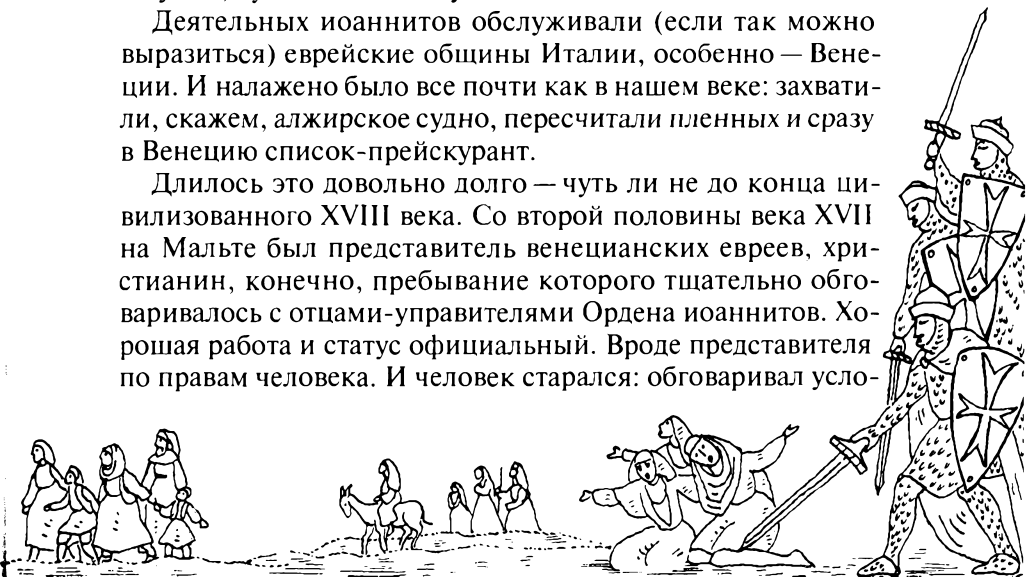
Дело в том, что среди других богоугодных дел иоанниты пиратствовали на море. Тоже работа: кто тогда этим не занимался? По высокой идее они грабить должны были только бусурманские суда, по-современному: мусульманские. Злые языки хронистов и путешественников, правда, утверждают, что и от христианского судна не отказывались — дело больно уж выгодное. И на тех, и на других судах часто бывали евреи. И эта добыча считалась выгодной и полезной. Не скажу, что делали с захваченными христианами — выкуп брали, наверное, как налог в пользу борьбы с нечестивыми. Мусульман делили: богатых и знатных — в цепи, где и сидели бедняги, пока выкуп за них не доставляли любящие друзья и родственники. Бедных продавали в рабство.

За всех евреев всегда полагался выкуп. И он приходил. В те времена путешественники полагались на Бога. А евреи еще и на свою сплоченность. Выкуп попавших в полон соплеменников считался благочестивым и обязательным делом во всех еврейских общинах, где бы они ни находились.

Занимались этим общества, называвшиеся «Пидьоншвуим», буквально: «Выкуп пленных».

Деятельных иоаннитов обслуживали (если так можно выразиться) еврейские общины Италии, особенно — Венеции. И налажено было все почти как в нашем веке: захватили, скажем, алжирское судно, пересчитали пленных и сразу в Венецию список-прейскурант.

Длилось это довольно долго — чуть ли не до конца цивилизованного XVIII века. Со второй половины века XVII на Мальте был представитель венецианских евреев, христианин, конечно, пребывание которого тщательно обговаривалось с отцами-управителями Ордена иоаннитов. Хорошая работа и статус официальный. Вроде представителя по правам человека. И человек старался: обговаривал усло-

вия содержания, чтоб зря людей, хоть и некрещеных, не мучить: все равно выкуп придет аккуратнейшим образом. Он и синагогу открыл, и кладбище основал для тех, кто не дождался. Вот и получается, что при всей неприятности пребывания в неволе облегчить ее возможно.

Теперь вам ясно, откуда появилось мнение, что евреи везде устроиться сумеют?..

Евреи — лорды, бароны и крепостные.

В наше время все вдруг вспомнили о своих дворянских предках. Автора этих строк несколько смущает только то, что такое поголовное дворянство плохо сочетается с малым процентом дворян в населении Российской империи. Поэтому, попав в какую-нибудь компанию, где, как выясняется, вокруг одни дворяне, автор чувствует себя сильно смущенным и любит, выслушав, сказать: «А у меня дед был крепостным крестьянином». Наиболее глупая часть компании смотрит на меня с возмущением: как, дескать, этот хам попал в благородное собрание? Та же часть, что поумнее, сразу понимает, что это не более чем шутка: откуда это среди евреев крепостные крестьяне? Смешно!

Смешнее другое. Крепостные евреи существовали в долгой истории еврейского народа: например, евреи-чабаны в Курдистане. Были и обычные крепостные крестьяне. Правда, не собственно в России, но во всяком случае — в Российской империи. Точнее — в Грузии. Причем в крепостные они шли по доброй воле, хотя и не от хорошей жизни.

Тут только надо прояснить, что такое статус крепостного. Нам-то он представляется по школьным учебникам истории, произведениям классиков русской литературы и — что гораздо хуже — по книгам советских писателей, которые при крепостном праве не жили, но много слышали и еще больше присочинили. Сведения наши вертятся вокруг порки на конюшне, обмена крепостного на собаку, проигрыша в карты и тому подобного. И все это было, хотя относится скорее не к крепостному праву, а к домашнему рабству, которое пышным цветом цвело на Руси, когда о таком

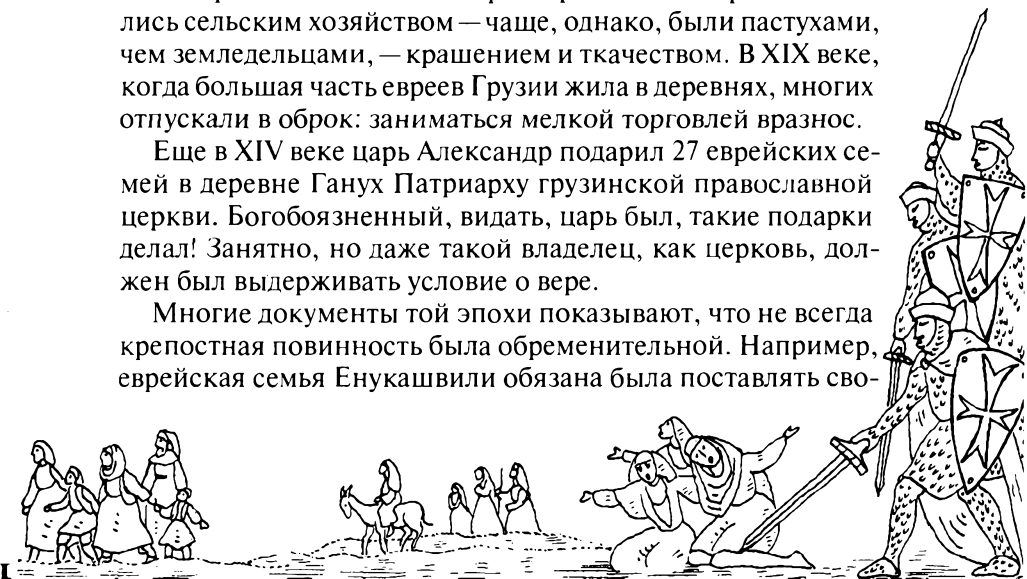
уж забыли в Европе, даже в тех странах, где крепостное право продержалось до середины XIX века (в Австро-Венгрии, например, или в Пруссии). Вот дворовые в России практически были домашними рабами. Не стопроцентно, конечно, убивать их, скажем, было нельзя, а пресловутая Салтычиха закончила жизнь многолетним заточением на цепи и в полной темноте.

Классический же крепостной не был волен распоряжаться своим трудом (столько-то дней в неделю) и местожительством. Его можно было продать, но только со всей семьей и — желательно — с участком. Также можно было и подарить. Ну, конечно, и выпороть, и все такое прочее. В сущности — не позавидуешь. Зато господин обязан был оказывать ему защиту от внешних сил, помощь в случае беды: погорел, скажем, бедняга — надо дать стройматериалы и пару монет. Все равно отработает.

Грузия XV–XVI веков была, как бы теперь сказали, зоной перманентной нестабильности. То Тимур вторгнется, то турки, то персы, чтоб им самим такое испытать, и не раз! Потом страна распалась на три царства и пять владений. Города горят, население сел и городов угоняют. И тут было трудно выжить без покровительства феодала — хоть какая-никакая, а сила. Хоть укрепление имеет, чтоб спрятаться... Ценой за покровительство всегда было признание себя и своих потомков крепостными. Но при этом господин подписывал одно, но важное условие: не принуждать своих крепостных к смене веры. Крепостные евреи занимались сельским хозяйством — чаще, однако, были пастухами, чем земледельцами, — крашением и ткачеством. В XIX веке, когда большая часть евреев Грузии жила в деревнях, многих отпускали в оброк: заниматься мелкой торговлей вразнос.

Еще в XIV веке царь Александр подарил 27 еврейских семей в деревне Ганух Патриарху грузинской православной церкви. Богобоязненный, видать, царь был, такие подарки делал! Занятно, но даже такой владелец, как церковь, должен был выдерживать условие о вере.

Многие документы той эпохи показывают, что не всегда крепостная повинность была обременительной. Например, еврейская семья Енукашвили обязана была поставлять сво-

ему владельцу-монастырю чистого пчелиного воска ежегодно на три с небольшим рубля. Впрочем, известны случаи и похуже.

Русское правительство после присоединения Грузии занималось вопросами помещичьих владений, и так появился документ «Об армянах, татарах и евреях, состоящих во владении грузинских князей» (под татарами имелись в виду азербайджанцы).

С этого документа началась забота российского правительства о крепостных евреях, завершившаяся запретом наделять их землей при отмене крепостного права. Вот если крестьятся...

В конце концов, русский царь — это вам не грузинский князь и обязательств вам давать не обязан...

Евреи крепостные были. Но не во всех странах, а точнее — только в тех, где занимались сельским хозяйством. То есть в Европе их в общем-то не было. А были ли дворяне, этот, так сказать, вечный антагонист и угнетатель крепостного и просто трудового крестьянства?

Очень много лет назад я стал свидетелем спора двух маленьких мальчиков. Один обвинял другого в том, что тот еврей. Причем не из антисемитских побуждений (кажется, генетически у него предпосылок к ним не было; скорее наоборот) — просто тот, другой мальчик назвал третьего мальчика, приятеля первого, евреем. А отрок, обидевшись за своего друга, для которого не нашлось никаких других определений, поинтересовался: а сам-то ты кто? История совершенно обыденная. Не обыденным был ответ подозреваемого: «Да ты что! У меня бабушка — столбовая дворянка!» Замечу, что беседа имела место задолго до вдруг вспыхнувшей всеобщей любви к своим дворянским корням. Мальчики были несомненными пионерами и успели стать потом комсомольцами, а может быть, и дальше пошли.

Спор тут же утих. Бабушка столбовая дворянка еврейской быть не могла. А вообще дворянка, кстати, вполне могла. Дело в том, что столбовые дворяне — это представители этого сословия во многих поколениях, ставшие дворянами только по праву рождения и — в российских условиях — занесенные в Бархатную книгу той или иной губернии.

А можно было быть еще и служилым дворянином, получившим право на дворянство, дослужившись до определенного чина: статского советника на гражданской службе или полковника на военной. (Эти соответствия установлены были во второй половине XIX века, до того могло быть и иначе.)

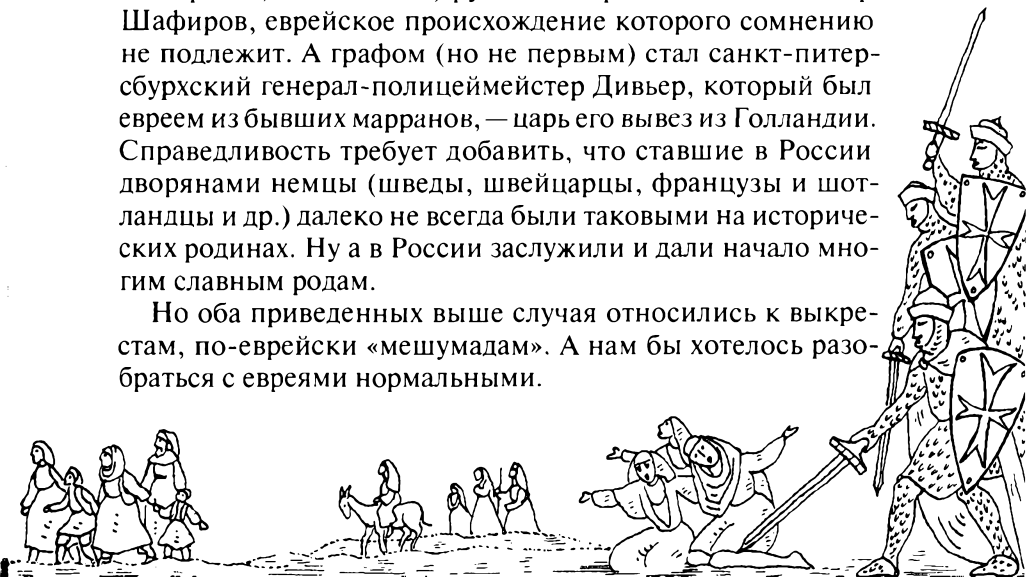
Можно было получить личное дворянство — достаточно было окончить университет, но дети такого человека дворянами автоматически не становились.

Во всей Европе дворянство имело свои истоки в воинах — дружинниках князей и королей. Впоследствии они получали наследственное землевладение — «феод» — и постепенно превращались в класс землевладельцев-помещиков. Следует сразу сказать, что массового набора лиц еврейской национальности в княжьи дружины нигде в Европе не наблюдалось. Примерно так было и в России. Но поскольку рост и укрепление аппарата государства нуждался в чиновниках, финансистах, советниках и прочих, дворянские звания получали и они, ибо это был единственный путь к повышению статуса.

В России титулы «граф», «барон» введены были Петром Великим вместе с курением табака, париками и немецкими штанами чуть ниже колен. Жаловать «князем» и императору было сложно: князь — титул наследственный и почти августейший, сам король лишь первый среди князей. А титулованный противовес княжеским и боярским родам царю-реформатору был просто необходим. И появились на Руси бароны.

Первым, так сказать, русским бароном стал канцлер Шафиров, еврейское происхождение которого сомнению не подлежит. А графом (но не первым) стал Санкт-Петербургский генерал-полицеймейстер Дивьер, который был евреем из бывших марранов, — царь его вывез из Голландии. Справедливость требует добавить, что ставшие в России дворянами немцы (шведы, швейцарцы, французы и шотландцы и др.) далеко не всегда были таковыми на исторических родинах. Ну а в России заслужили и дали начало многим славным родам.

Но оба приведенных выше случая относились к вык্রেстам, по-еврейски «мешумадам». А нам бы хотелось разобратъся с евреями нормальными.

Так вот — некоторая, небольшая, впрочем, их часть смогла преодолеть все рогатки и барьеры на гражданской или военно-медицинской службе и дворянами стала. Гораздо большая — стала личными дворянами, окончив университет.

В доказательство достоверности сообщаемых сведений приведу цитату из «Свода законов Российской империи» (в части о евреях): «Дворяне иудейского вероисповедания подлежат тем же ограничениям, что и другие евреи...»

Первый еврей, не принявший крещения, был возведен в дворянство в Европе в конце XVI века. Произошло это в Италии, что каким-то образом объясняет случившееся. Италия состояла из множества разных государств, и владелец каждого волен был казнить и миловать кого угодно — спрашивать чьего бы то ни было мнения по этому вопросу ему не требовалось.

(В Германии тоже хватало самостийных государств и государей, но формально они признавали власть номинального императора, так что и законы были жестче, и ограничения, принятые на уровне закона, никому в голову бы не пришло нарушать. Да и евреев там недолюбливали очень стойко — почти как нигде. Россия тогда еще с евреями дела не имела...)

Интересно, что это, скажем так, лицо еврейской национальности не было ни банкиром, ни торговцем. Это был перебравшийся из Испании (где от крещения отказался) ученый — астроном и картограф. В Испании его имя было Хайме де Херонда, что, как мы с вами понимаем, по-еврейски звучало, как Хаим из Геронды. Заслуги его в развитии генуэзского мореплавания были столь высоки, а моральные качества таковы, что христианские современники не без удивления писали, что «трудно представить себе человека столь благородного, но при том не носящего креста». Они были совершенно откровенны и искренни. Они действительно в это с трудом могли поверить.

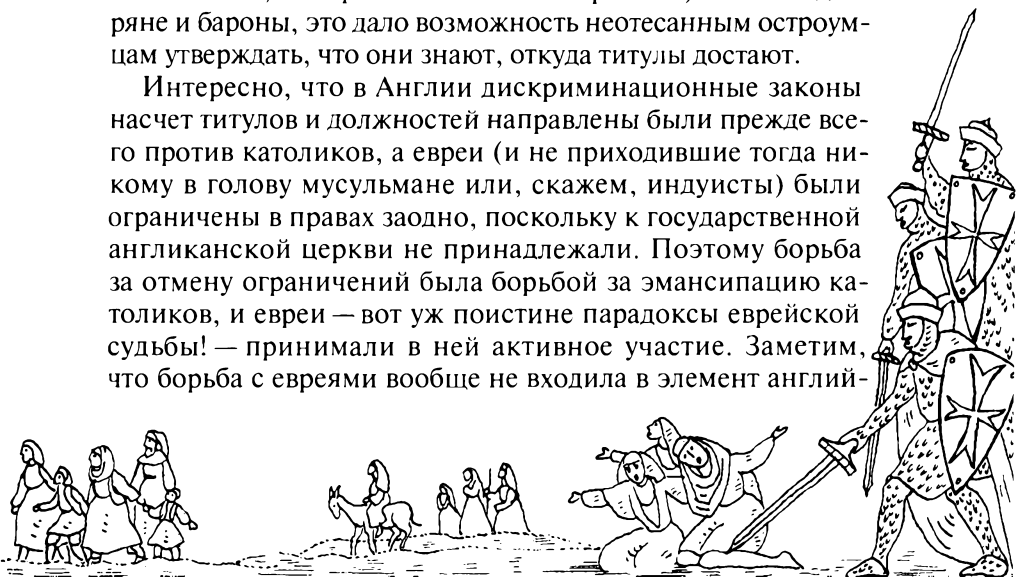
И все-таки расцвет «титулованному еврейству» в Европе принес XVIII век. Причем вот вам парадокс: толчок к этому дала Великая французская революция, отменившая, как известно, титулы и сословия. Она же отменила религиозную дискриминацию (а для начала и религию вообще, кроме Культа Верховного Существа, просущество-

вашего недолго). К евреям стали — по крайней мере теоретически — относиться как к нормальным людям. То есть не то чтобы стали любить, но хоть не так удивлялись, увидев еврея не только в качестве старьевщика и кредитора. У Наполеона уже были и солдаты, и офицеры, и два генерала-еврея: кавалерист Вольф и артиллерист Роттенбур. При Наполеоне графами и баронами становились, как и на Руси при Петре: голова бы работала, да лично преданным надо быть. Так и несколько евреев получили титулы. Правда, временно вернувшиеся Бурбоны все Наполеоновы даяния (не только евреям) отменили, но сами продержались недолго. А уж при Луи-Наполеоне (Наполеоне III) все было возвращено, но теперь титулы, присваиваемые евреям, никого не удивляли.

В Австрии (впоследствии Австро-Венгрии) первый некрещеный получил баронский титул в XVIII веке. Это был барон Хатван, а вот как его звали до того, нам неизвестно. Титул там под пустое место давать было не принято, потому и смотрели на выморочное имущество: кто из носителей титула умер, не оставив наследников. Таковым оказался венгерский барон, владетель деревни Хатван. Деревня пошла в казну, а титул — сами знаете кому.

Правивший страной семьдесят лет император Франц-Иосиф относился к евреям скорее благожелательно, в частности, предпочитал еврейских врачей. И поскольку несколько его проктологов (за долгую жизнь Его Величества их сменилось немало, а потребность только возрастала) вышли в дворяне и бароны, это дало возможность неотесанным остроумцам утверждать, что они знают, откуда титулы достают.

Интересно, что в Англии дискриминационные законы насчет титулов и должностей направлены были прежде всего против католиков, а евреи (и не приходившие тогда никому в голову мусульмане или, скажем, индуисты) были ограничены в правах заодно, поскольку к государственной англиканской церкви не принадлежали. Поэтому борьба за отмену ограничений была борьбой за эмансипацию католиков, и евреи — вот уж поистине парадоксы еврейской судьбы! — принимали в ней активное участие. Заметим, что борьба с евреями вообще не входила в элемент англий-

ского мышления, что и подтверждает аксиому о природной мудрости сынов Альбиона: они себя не считают глупее никого! И правы. В 1829 году евреи добились (мы, конечно, сильно преувеличиваем) равноправия католиков и, вздохнув с облегчением, принялись за себя. (Давно пора было!)

В 1868 году крещеный еврей Бенджамин Дизраэли стал — и очень надолго — премьер-министром Соединенного Королевства. Вообще-то как выкрест он не мог бы стать объектом нашего скромного исследования. Но он всегда гордился своим еврейским происхождением. Правда, в Англии это мало кого волновало.

Только в далекой России Достоевский, узнав об этом, долго не мог спать. Человеческая всеотзывность заставляла его мучиться судьбой попавших в такую беду англичан...

Барон Гинцбург и дворяне Поляковы

Если брать тех евреев, которые удостоились возведения в потомственные дворяне, то рассказать следует о бароне Гинцбурге и братьях тайных советниках Поляковых.

Если быть точными, то первым Гинцбургом, ставшим бароном, был Гораций Осипович (записанный в общине Звенигородка Киевской губернии как Нефтали-Герц). Произошло это в 1868 году. Отец же его реб Евзель (Евзель Гавриилович) возведен был в баронское достоинство лишь в 1872 году. Дело в том, что великий герцог Гессен-Дармштадтский был человеком с большим чувством юмора. А Гинцбург-младший хорошо вел его финансовые дела, за что и был назначен генеральным консулом герцогства в России, а потом и бароном стал. Позже герцог, желая еще как-то его отблагодарить, сказал: «Сделаю-ка я вас дворянином и бароном во втором поколении!» и присвоил титул отцу.

Времена в России были (для России) либеральные, царствовал Александр II, который узаконил титул как потомственный. То есть титул остался гессен-дармштадтским, но признанным в России, что дало право владеть имениями на юге России.

(Чтобы не казалось, что только евреям приходилось добывать титулы столь запутанным путем, вспомним, что один из богатейших людей страны, исконно русский и православный Демидов, предки которого стали дворянами и мультимиллионерами при Петре, тоже очень переживал отсутствие титула. Пришлось купить титул князя Сан-Донато в Италии. Так что князем он вроде бы был, но «италианским», а в родной стране — только простым дворянином-тружеником, правда, очень богатым.)

И отец, и сын были людьми в высшей степени достойными, от еврейства не отрекались, и Евзель добился разрешения построить в Петербурге первую синагогу и возглавил столичную еврейскую общину.

Сыну его Горацию, кроме признания баронского титула, присвоено было звание действительного статского советника (по-военному — генерал-майора; как вы помните, наверное, такой же чин был у отца вождя мирового пролетариата Ильи Николаевича). Награжден он был и высшими орденами. К этим титулам он добавил — после смерти отца — звание главы еврейской общины Петербурга.

А его сыну — барону Давиду — титулов добиваться было ни к чему: он их и так унаследовал (в третьем поколении!). Он занялся наукой — гебраистикой и семитологией. Свою библиотеку он завещал Еврейской библиотеке в Иерусалиме, но осталась она, в силу многих и, увы, понятных причин, в Библиотеке им. Ленина. (В конце концов, у Ленина папа был тоже действительным статским советником...) Само собой, что и пост главы еврейской общины он унаследовал, как и остальные титулы.

Предрасудков по отношению к баронскому семейству Гинцбургов петербургское общество не питало, они дружили со многими выдающимися людьми (к примеру, Салтыковым-Щедриным, Тургеневым, Гончаровым). Может быть, среди прочих причин стоит назвать то, что люди Гинцбурги были потомственно образованными и воспитанными по-европейски.

Увы, представители другого рода — все как один тайные советники (на звезду больше, чем у Гинцбурга) — братья Поляковы до конца жизни говорили по-русски с таким акцен-

том, что становилось ясно: очень хотят от него избавиться, но ничего не получается. Братья Яков, Самуил и Лазарь родились в семье мелкого торговца в большом и шумном городе Дубровно Витебской губернии. Занимались братья разными делами: держали винокуренный откуп, основали Азовско-Донской банк, но прославились и миллиарды сделали на строительстве железных дорог. За что, кстати, честь им и хвала, ибо не без их стараний Россия в конце XIX века превратилась в великую железнодорожную державу. Не хотелось бы, чтобы автора этих строк обвинили в том, что во всех успехах рода человеческого он видит евреев, но в России тех времен слова «железнодорожник» и «еврей» иной раз звучали как синонимы. (Я имею в виду, естественно, не скромных тружеников, скажем, машинистов и кочегаров, а владельцев. Машинисты тоже были, но в синонимическом употреблении слова имели в виду не их. И не Лазаря Моисеевича Кагановича: время железного наркома еще не пришло.)

Так вот, когда Яков первым получил звание тайного советника и соответственно — потомственное дворянство, ни одно дворянское собрание империи не пожелало его к себе приписать. Пришлось, как тогда говорили, дать, и дворяне Области Войска Донского приняли его в свои ряды. Они, право слово, были антисемитами, зато дворянами сами были сомнительными...

С братьями Самуилом и Лазарем таких проблем не возникло. Зато Самуил прославился своим демократизмом. Он сказал чиновникам желдорведомства:

— Что ви язык себе ломаете: Самуил Соломонович да Самуил Соломонович! Гово'ите п'осто: ваше п'евосходительство!

Странноватые профессии,
или Всех быстрее

Не ждите после этого заглавия заметок об успехах еврейских спортсменов. То есть — спортсмены есть, успехи есть, но утверждать, что евреи бегают, прыгают и на лыжах

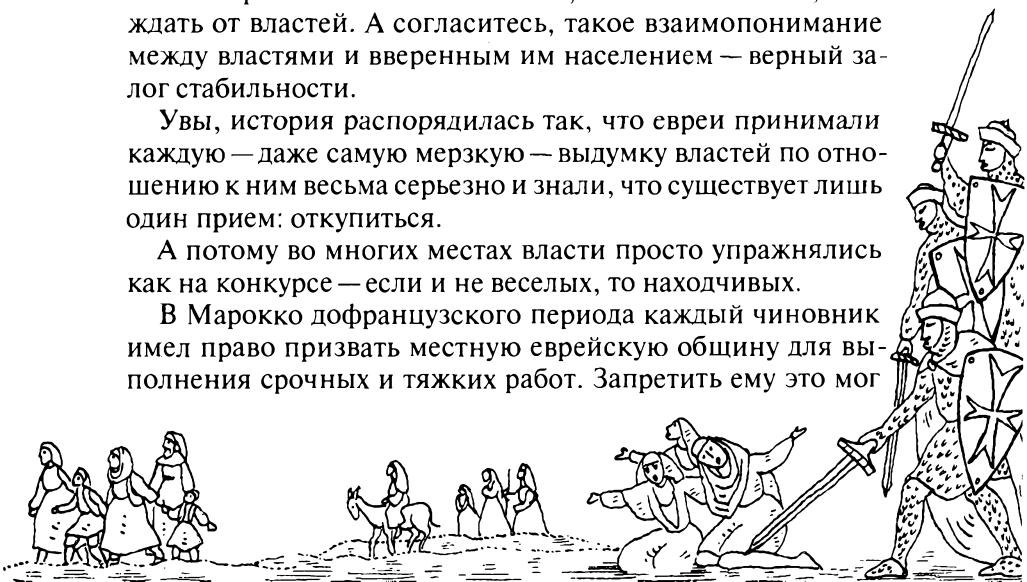
ходят быстрее всех, было бы явным преувеличением. Со всем не об этом мы хотим рассказать.

Тут не обойтись без литературных примеров. Югославский писатель, лауреат Нобелевской премии Иво Андрич (кстати, с очень большой симпатией описывавший балканских — особенно боснийских — евреев) в своем великолепном романе «Травницкая хроника» рассказывает о приезде в город Травник нового пашы. Времена были турецкие, паша представлял собой что-то вроде нашего прежнего секретаря обкома или нынешнего губернатора. Самовластию его тоже не было предела. И составить себе состояние за время правления он тоже стремился. Итак, новый паша, человек очень опытный в своем деле, прибывает в Травник. И первым делом приказывает арестовать глав всех еврейских семей в городе. Человек он не злой, против евреев имеет не больше, чем другие. Но знает, что никто так быстро не платит и так стремительно не распространяет панические слухи, как евреи. И действительно, вечером все арестованные уже были дома, а через черный ход к ним устремились представители всех профессий и конфессий, которые могли предположить, что подобное случится и с ними. Когда на следующий день янычары явились за главами местных армянских и греческих семей, уже был собран выкуп. Начни паша с других, еще неизвестно: так ли быстро можно было бы достичь желаемого результата. С тех пор он правил Травником справедливо и мирно. Евреи щедро делились с горожанами своим опытом, и всем было ясно, чего ждать от властей. А согласитесь, такое взаимопонимание между властями и вверенным им населением — верный залог стабильности.

Увы, история распорядилась так, что евреи принимали каждую — даже самую мерзкую — выдумку властей по отношению к ним весьма серьезно и знали, что существует лишь один прием: откупиться.

А потому во многих местах власти просто упражнялись как на конкурсе — если и не веселых, то находчивых.

В Марокко дофранцузского периода каждый чиновник имел право призвать местную еврейскую общину для выполнения срочных и тяжелых работ. Запретить ему это мог

только чиновник более высокого уровня. Сами понимаете, кому платили (раз в год), чтобы у мелких чиновников не взыграло ретивое. В средневековом папском Риме евреи обязаны были представлять на карнавал нескольких человек для участия в весьма позорных состязаниях с ослиами. Причем деньги на организацию бегов должны были предоставлять евреи же. Не хотите участвовать сами — платите в два раза больше!

Министр внутренних дел России (царской, конечно!) граф Игнатьев, который был человеком цивилизованным, а совсем не травницким пашой, и дружил, можно сказать, с финансистом бароном Гинцбургом, во многом представлявшим еврейские интересы в стране. Так вот, граф имел обыкновение предупреждать барона о антиеврейских замыслах властей. Сам-то он, понимаете, конечно, против таких мер, но что ж он сделать-то может, простой граф и бесправный министр? Обычно барон, договорившись с состоятельными единоверцами, приглашал графа в один из лучших петербургских ресторанов. Там они обычно сходились во взглядах: граф готов был пожертвовать даже своим реноме, чтобы только не допустить подобного свинства. Во взглядах они сходились обычно в отдельном кабинете. Через некоторое время отяжелевший граф начинал посапывать носом. Заметив это, все присутствующие на цыпочках покидали кабинет. Потом один возвращался и тихонько совал в графский карман конверт. И выходил. Если при следующем заходе оказывалось, что его сиятельство еще спят, совали конверт добавочный. Когда же граф просыпался, он с улыбкой говорил барону — тот уже в кабинете оставался с глазу на глаз:

— Сделаю все, что могу. Если бы вы знали, сколько людей непорядочных...

И добивался. Причем история покрывает завесой тайны: действительно ли что-то затевалось или...

Интеллигентный был человек граф Игнатьев. Это вам не паша из боснийского города Травник...

Беня-палач

Словосочетание, вынесенное нами в заголовок, настолько противоестественно для нормального еврейского уха, что мы не решились написать его на общедоступном русском языке, а перешли на ту — далекую от языковых норм — форму идиша, на которую переходили еврейские бабушки, когда не хотели, чтобы их поняли соседи. (Правильнее и литературнее было бы «а кат», «а хэнкер», «а тольен», в конце концов.)

Действительно: слышали ли вы когда-нибудь (и где-нибудь) такую беседу двух еврейских мамаш:

— А Беня кем работает? Я же его вот таким маленьким помню!

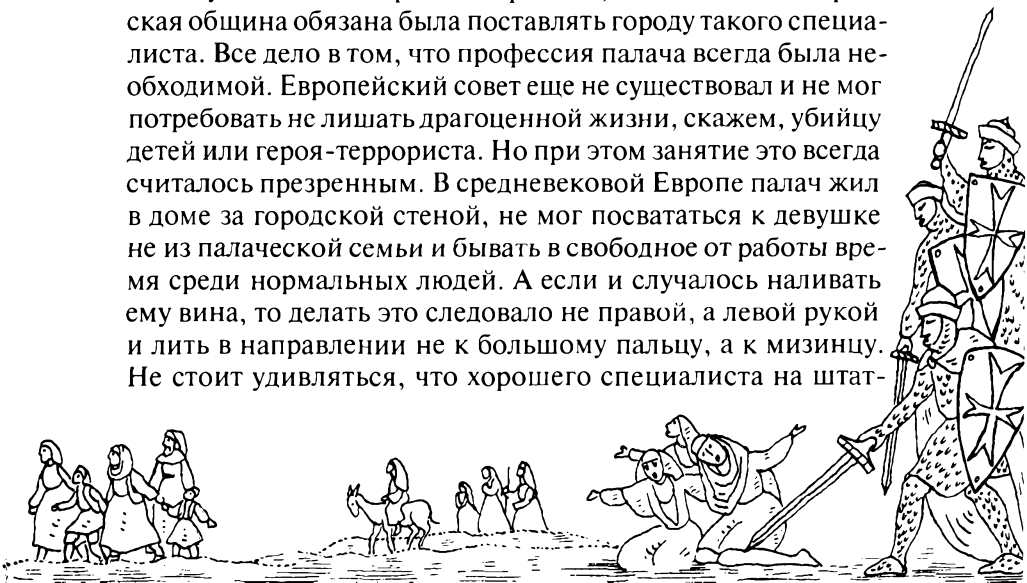
— Ой, Беня, это же ж моя радость! Он работает городским палачом!

— Ой, что вы! А глик от им гетрофен! Мазлтов! (Счастье ему привалило! Поздравляю!)

Нет, вы не слышали и слышать не могли такой беседы. Даже году этак в тридцать седьмом, когда такой Беня вполне мог трудиться «исполнителем», он бы не распространялся об этом перед близкими. И близкие на вопрос «А Беня кем работает?» вряд ли гордо отвечали бы примерно так:

— Борис? Он — чекист. Такой, знаете! Он мне так и сказал: «Никакой мацы в доме! Кончилось это мракобесие!»

Но увы... Были страны и времена, когда именно еврейская община обязана была поставлять городу такого специалиста. Все дело в том, что профессия палача всегда была необходимой. Европейский совет еще не существовал и не мог потребовать не лишать драгоценной жизни, скажем, убийцу детей или героя-террориста. Но при этом занятие это всегда считалось презренным. В средневековой Европе палач жил в доме за городской стеной, не мог посвататься к девушке не из палаческой семьи и бывать в свободное от работы время среди нормальных людей. А если и случалось наливать ему вина, то делать это следовало не правой, а левой рукой и лить в направлении не к большому пальцу, а к мизинцу. Не стоит удивляться, что хорошего специалиста на штат-

ной основе найти было всегда трудно. Хотя, кстати, доходы у палача были довольно приличными: то взятку возьмет, чтобы мук не причинять, то тело казненного продаст врачам для тайных занятий анатомией, да и веревка повешенного денег стоила.

В XII веке на Сицилии, к примеру, именно еврейская община должна была переложить на свои плечи заботу о том, чтобы мастер правосудия все время был на городской службе. Такие же требования встречались и в Южной Франции, и при вестготах в Испании. (А вот в Германии — никогда. Там эту работу на самотек не пускали.)

А теперь успокойтесь, дорогой читатель. Хотя требования эти существовали и законобоязненная еврейская община их исполняла, никогда никакой еврей горпалачом не работал. Ибо — положи руку на сердце — этого не ждали от евреев и те власти, которые требования предъявляли.

Спокон веку власти стран, где евреи имели счастье (или несчастье) проживать, упражнялись в изобретении новых и новых способов вытягивать из евреев деньги. Враги Христовы, как известно, необычайно богаты и деться им никуда. Просто же требовать плату иной раз даже средневековым властям казалось не совсем удобным. И тут в ход шли различные изобретения. Так, турецкие власти города Сараево ввели правило, по которому вешать преступников следовало на воротах еврейского квартала. И точно так же известно, что ни одного преступника там никогда не повесили. Просто каждый раз надо было платить местному паше взятку. И паша вроде бы человек не вредный — что ж я могу поделаться, когда закон такой? Ну да ладно, ради вас пойду на нарушение, ведь все мы люди. Деньги оставьте здесь. (Свои приемы были у турок и для армян, и для греков, а уж для сербов и болгар — так приемов не сосчитать. Да и своих магометан обирали почем зря. Золотые времена были!)

А в Европе — цивилизованная же часть света, не Турция! — пошли таким путем. Еврейская община, ссылаясь на заповедь «Не убий!», просила разрешения выкупить из тюрьмы приговоренного к смерти преступника при условии, что он согласится стать палачом. Обычно выкупали дворя-

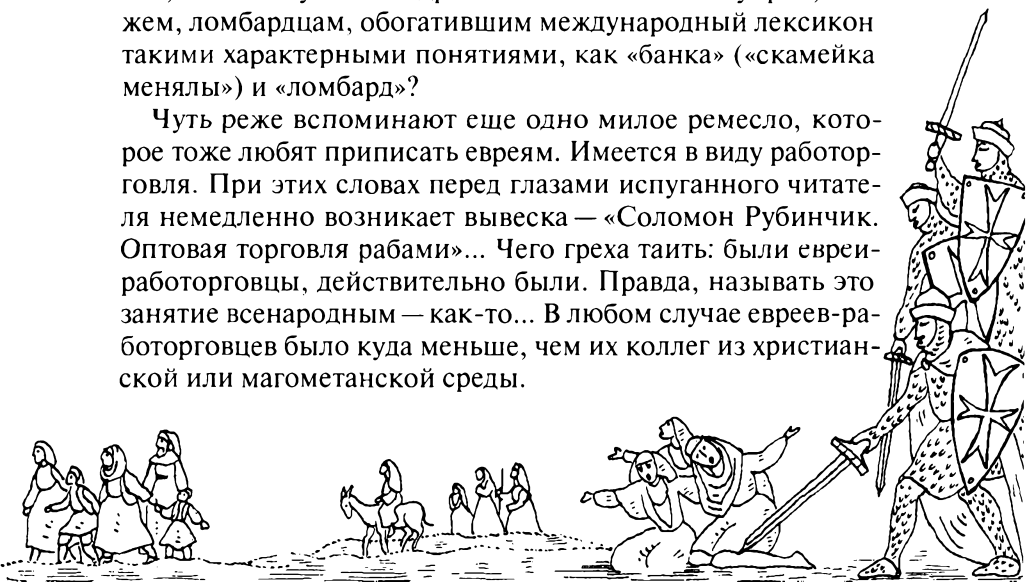
нина. Так появлялись наследственные мастера заплечного ремесла: женился он потом на дочке палача из соседнего города и т. д.

А евреи, вздохнув, лезли в кошельки. Но к плахе не становились. Как известно, они физического труда избегают.

Евреи — не ангелы! После этого сильного самокритичного замечания перейдем к сути дела. Для начала поясним: понимать первую фразу следует в том смысле, что и среди евреев всегда находились люди, занятие которых (по крайней мере с современной, цивилизованной точки зрения) не красит никого. Разумеется, не красило и их. А заодно с ними, увы, и всех их единоплеменников. С другой стороны, если найдется человек, способный назвать народ, все представители которого заняты исключительно богоугодными делами, пусть он бросит в меня камень, желательно — виртуальный.

Вопрос на самом деле заключается в том, не превышает ли процент непочтенных занятий той нормы, за пределами которой можно сказать: все, мол, они такие! Иногда это может быть не обидным (к примеру, среди северного народа ненцев настолько высок процент оленеводов, что можно вывести справедливое умозаключение: ненцы — народ оленеводов). Не очень почтенным, но финансово выгодным ростовщичеством занималось не так уж много евреев, но поскольку дело это было записано в средневековой Европе за нехристями-евреями, то традиционно упрекают в нем всех евреев. Хотя если уж судить по справедливости, то почему бы не адресовать аналогичный упрек, скажем, ломбардцам, обогатившим международный лексикон такими характерными понятиями, как «банка» («скамейка менялы») и «ломбард»?

Чуть реже вспоминают еще одно милое ремесло, которое тоже любят приписать евреям. Имеется в виду работорговля. При этих словах перед глазами испуганного читателя немедленно возникает вывеска — «Соломон Рубинчик. Оптовая торговля рабами»... Чего греха таить: были еврей-работорговцы, действительно были. Правда, называть это занятие всенародным — как-то... В любом случае евреев-работорговцев было куда меньше, чем их коллег из христианской или магометанской среды.

Надо сказать, что в раннем Средневековье (да и позже) торговля рабами не считалась столь уж людоедским делом, а слыла просто выгодным занятием. И папа Григорий Великий в VI веке упрекал еврейского торговца не за то, что тот торговал людьми, а за то, что покупал христиан. Которых ему, заметим, продавали их же единоверцы. У европейских владык была одна забота: лишь бы иноверцы не поработали христиан и не препятствовали желанию рабов-язычников креститься. В таможенных книгах города Раффельштеттена-на-Дунае — крупного центра работорговли — записано несколько еврейских имен; зато христианских — вдесятеро больше. Справедливости ради следует отметить, что наиболее ценный «товар», евнухи, у евреев был самым качественным. Это же только кажется, что сделать парня евнухом «чик — и готово». При этом он должен был еще и остаться здоровым, утратив всего лишь одну важную функцию, за отсутствием которой мог смело трудиться в гареме, не заставляя хозяина волноваться. Знакомые с восточной медициной евреи умели эту операцию производить с наименьшим для «товара» убытком. Людьми они были, конечно, плохими (мягко говоря), но дело свое знали, чем возбуждали законную зависть у конкурентов.

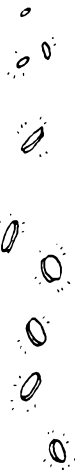
Почитать же некоторые книги, особенно демонизирующие Хазарский каганат, так вырисовывается леденящая кровь картина: толпы славянских полонян и полонянок, гонимых алчными и жестокими евреями в Крым, на невольничий рынок в Кафе (нынешняя Феодосия). Причем от книги к книге число несчастных и их мучителей лишь возрастает.

В Новом Свете, который на рабском труде же и вырос, тоже нашлись евреи (и даже крещеные — из марранов), приторговывавшие неграми и индейцами. В голландских колониях в Америке евреи-работорговцы встречались чаще, нежели в других местах. На Кюрасао этим промышляли братья Давид и Яков Энрикесы. История сохранила имена таких, с позволения сказать, коммерсантов, как Альварес Корреа, Линдо, Градис (заметьте: ни одного Рубинчика или Хаймовича!).

Много позже в США торговал рабами некто Джейкобс, занимался этим и мистер Левин и немало других. Только

заметными-то они стали исключительно потому, что выделялись этим занятием среди других евреев, а национальностью — среди многочисленных христиан. Как будто евреи не имеют права на собственных отрицательных персонажей!

А вот широкие душой и высококультурные русские дворяне неграми и индейцами не торговали. Свои люди им были куда ближе... Да что об этом говорить — все мы читали об этом в учебниках отечественной истории и произведениях классиков...

Глава II,

где рассказывается о людях трехцветных, пещерных и просто раскосых, да еще кочевниках, при этом все эти люди — евреи, хотя человека по фамилии Либерман среди них не встретишь

Кузнецы Атласских гор

Этнографы давно столкнулись с феноменом в Северной Африке, в странах вокруг Сахары: кузнецы в этих странах — у берберов, туарегов, других исламизированных племен — занимали весьма низкое место в социальной иерархии. А дальше к югу, у народов, не принявших ислам, кузнецы, наоборот, были весьма уважаемы, и даже короли многих негритянских племен публично показывали свое кузнечное искусство. При этом и там, и тут к кузнецам относились со страхом и опаской. Запомним это, прежде чем перейдем к основной теме.

Евреи в Атласских горах (Марокко, Алжир) занимались кузнечным ремеслом. Не только этим, но все занятия были, как бы это сказать по-современному, не престижные — погонщики мулов, плотники. Кое-кто был бродячим торговцем-разносчиком, но это не та торговля, которая почитается на Арабском Востоке. Правда, у этих мелких торговцев

была одна, но важная привилегия: какие войны и стычки ни шли бы в горах, еврей-разносчик мог путешествовать там безбоязненно; любого другого бы, а прежде всего араба-купца с побережья, убили бы сразу.

Невысокое правовое положение евреев (да и других иноверцев, включая христиан, если рядом нет европейских войск) в мусульманских странах общеизвестно.

Легенды утверждают, что евреи поселились в тех местах еще во времена Первого Храма, в поселениях, основанных финикийцами — близкородственными евреям по языку, но резко отличавшимися религией. Были там евреи и при римлянах, и при вандалах, но уж после разрушения Второго Храма евреи стали переселяться в давно освоенную ими страну массами.

И продвигались в глубь страны. Берберы — первые жители этих мест — и тогда уже были вытеснены с побережья в горы. Арабские историки утверждают, что множество берберских племен смешались с евреями или же приняли их веру. Кстати, в тот период кузнецы пользовались всеобщим уважением, смешанным, как мы говорили выше, с опаской: кузнец повелевал огнем и из руды добывал железо. И из железа делал все то, что обычному человеку недоступно, — от орудий труда до оружия. А среди еврейских переселенцев было множество отменных ремесленников, и знания свои они передавали всегда только от отца к сыну.

В VII веке началось переселение в Северную Африку арабских кочевников-мусульман, и первыми пали города — при византийской власти на вид крепкие, но с совершенно апатичным населением, которому было начихать, кто им будет править. Но уж только бы не византийцы.

Зато в горах войны ислама встретили отчаянное и организованное сопротивление. Особенно со стороны еврейско-берберских племен. В 698 году племя джарауа под предводительством княгини Дахии ал-Кахина (а это местная диалектная форма женского рода от слова «коген») разгромило арабские войска в области (княжестве) Аурес, которым род княгини правил. (Теперь это Орес в юго-восточном Алжире.) Но в 703 году арабы, применив тактику

«разделяй и властвуй», разгромили войска княгини. Сама она погибла в бою.

Большая часть берберских племен приняла ислам. А евреи и другие немусульмане получили статут «зимми» — неполноправных «покровительствуемых». И первое, что потеряли, — землю. Осталось ремесло. Но такое, за которое не взялись бы правоверные мусульмане. А теперь вернемся в начало наших заметок. Ученые так объясняют феномен странного положения кузнецов — и высокого, и низкого. Кузнец настолько представляется связанным с прошлым, доисламским, а потому греховным, что с высокого положения немедленно слетает на самое низкое. Но все равно — особое. И это его низкое положение как ничто другое подтверждает то, что в прошлом он был на вершине социальной лестницы.

Свое положение сохранили только пещерные евреи.

Не надо пугаться этого наименования. Просто слово «пещерный» приобрело в русском языке несколько негативный оттенок. Например, стоит сказать «пещерный антисемитизм», и сразу становится ясно, о ком идет речь.

Но «пещерные евреи»?.. Скажем прямо: это не те евреи, о которых писал поэт Губерман в одной поэме:

Идут плечистые мужчины,
По встрю бороды развеяв,
Здесь первобытные общины
Доисторических евреев...

Эти евреи — вполне исторические и даже наши современники. Почти современники, ибо пещерных евреев, да и вообще евреев в Ливии (а именно об этой стране речь) уже не осталось. Но некоторые из них живут сейчас в Израиле. Правда, не в пещерах, а в сельскохозяйственных мошавах, но кое-кто из них ностальгически вспоминает родную пещеру и соху, запряженную верблюдом.

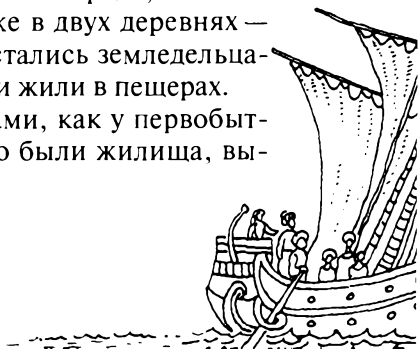
Но начнем по порядку. Да простит полковник Каддафи автору этих строк, но евреи появились в Ливии (по-еврейски Лув) куда как раньше, чем арабы. Во всяком случае, Ветхий Завет упоминает среди других народов «лувим», т. е.

ливийцев. Но это еще не были арабы. В конце IV века до нашей эры эллинистические цари Египта Птолеми создавали воинские поселения евреев-наемников вокруг важнейших городов страны. Из них и начала складываться будущая еврейская община Ливии. На самом первом этапе община состояла из крестьян, каменотесов, литейщиков, гончаров. А в портовых городах жили купцы и моряки, кстати, прекрасно знавшие Средиземное море и успешно торговавшие с Землей Обетованной. И аккуратно вносившие пожертвования Храму.

В римское время, когда крестьяне-евреи стали массово разоряться из-за арендной платы, введенной новыми хозяевами, в стране появились зелоты, бежавшие сюда после поражения в Иудейской войне. И начались восстания. Римские войска были разгромлены и, бежав в Александрию, учинили там еврейский погром. В ответ на это еврейский предводитель Лукуас опустошил Египет (не весь, конечно, но изрядную часть). Опытные стратеги римляне выждали некоторое время, когда гнев восставших успокоился, и послали профессиональные войска, поддержанные флотом. При этом римляне потеряли 20 тысяч убитыми, но зато и евреям отплатили по полной мере. Позже в Ливии появились существенно более смиренные евреи из Марокко и Египта. В стране менялись власти: византийцы, норотившие некрещеных окрестить, вандалы. Незадолго до прихода арабов иудаизм приняли горские берберские племена в Нефусе. А потом пришел ислам.

И тут уж пошло, как во всех мусульманских странах, со всеми притеснениями и ограничениями. Относительно светлые периоды менялись совсем черными — все как у людей. Евреи были золотых и серебряных дел мастерами, кузнецами (особенно в горной местности), корабейниками, ткачами и сапожниками. Законы Омара — мусульманского халифа, введшего особые правила для иноверцев, — не позволяли им владеть землей. Но все же в двух деревнях — Джебел-Гарьян и Тигринн — евреи остались земледельцами, арендующими землю. Вот они-то и жили в пещерах.

Будем точными: уж совсем пещерами, как у первобытных людей, эти пещеры не были. Это были жилища, вы-

копанные в мягкой сухой песчаной почве, где все комнаты выходили в центральный дворик-квадрат. Через двери проходил свет, во дворе готовили и часто спали. И вообще в таком жилище сухо, не жарко в жару и не холодно в холод. Кстати, в соседнем Тунисе есть целые деревни таких домов в земле.

Не будем перечислять все приключения ливийских евреев до и после прихода европейцев (это были итальянцы), скажем лишь, что во время фашистской оккупации мусульмане в деревнях помогали евреям, а в городах нашлись активисты-фашисты. Но после образования Израиля подавляющая часть евреев Ливии репатриировалась.

Джерба — маленький остров у тунисского побережья сейчас соединен с материком дамбой. Это облегчило дорогу туда. Это весьма важно, ибо остров всегда был одним из самых заметных и посещаемых мест не обиженного живописными красотами Туниса. Мы имеем в виду нынешних туристов. Но задолго до того, как первый в мире турист отправился в первое туристическое путешествие, Джербу посещало множество народу. Скажем сразу — еврейского народу, что нам наиболее интересно. Это, конечно, не значит, что сыновья и дочери других народов не посещали Джербу, но у них были свои интересы.

У евреев тоже бывали разные интересы, в том числе общие с представителями других народов. Но были и свои. На большие праздники евреи со всей Северной Африки приплывали на лодках на Джербу, чтобы помолиться в синагоге в деревне Хара Загира. По местным преданиям, в которые свято верили во всех общинах Северной Африки, в здание этой синагоги встроены врата Иерусалимского Храма. Врата захватила с собой семья священников, бежавшая в 70 году из разрушенного Иерусалима.

Кстати, семья эта направилась на Джербу не случайно: здесь издавна, со времен царя Соломона, процветала еврейская община. В то время остров представлял собой финикийскую торговую морскую базу с солидным портом, а Шломо-мелех — царь Соломон — был в наилучших отношениях с Хирамом, царем тирским.

Предания — вещь устойчивая и красивая, и не всегда поймешь, где в них правда, где вымысел. Но некое зерно истины все же в них всегда есть. Община Джербы во многом отличается от любой другой еврейской общины. К примеру, в большинстве своем она состоит из священников-когенов, а в обычной еврейской общине их процент всегда гораздо меньше, чем простых людей. Зато левитов на Джербе просто нет. По преданию, их здесь было достаточно, но потом Эзра, один из величайших деятелей еврейской истории, приказал, когда вернулись евреи из пленения вавилонского, послать здешних левитов в Эрец Израэль. Община ослушалась, и великий Эзра проклял ее, объявив, что навеки там не будет левитов.

Несмотря на высокий когенский статус, большая часть евреев острова занималась сельским хозяйством и переработкой его продукции. Торговцы держали в своих руках торговлю с Мальтой и Италией. В 1239 году они основали свою колонию на Сицилии, где стали разводить хну и индиго — товары по тем временам очень дорогие, но секреты их — от выращивания до переработки — знали только евреи.

Так уж получилось, что богатые и преуспевающие евреи переселялись с Джербы в другие места (хотя на праздники приезжали в родные деревни Хара Загира и Хара Кебира). А оставшиеся были в основном крестьянами. В начале XX века здешние евреи пасли скот, разводили финиковые пальмы и пестовали растения для производства красителей. Ремесленников среди них было мало, этим занимались местные арабы. А скупали еврейскую продукцию — шерсть, финики и пр. — негры-торговцы, бывшие рабы. Такой вот странноватый мирок существовал на Джербе. И отношения между соседями были куда лучше, чем в любом другом месте. И не только Северной Африки.

Когда в 1943 году остров оккупировали нацисты, они долгое время не догадывались, что здесь много евреев. И один немецкий офицер, зайдя в синагогу в Хара Кебуре, с любезной улыбкой сказал раввину, что такой красивой *мечети* он нигде не видел. (Был еще один немецкий офицер, который прекрасно понял, что надписи на стенах сделаны на иврите. Но он промолчал.)

А потом из города Тунис поступило от командования указание: арестовать и вывезти евреев. Там насчет мечети не заблуждались... Так вот, выкуп — 45 кг золота — собрали вместе с евреями негры и арабы. Теперь в такое и поверить-то трудно. Выкуп был выплачен за день до высадки на острове союзников. Что стало с золотом, нам неизвестно, но не в этом суть. Сейчас на острове осталась тысяча с небольшим евреев. Отношения с соседями у них не очень портились даже в самые напряженные моменты арабо-израильского противостояния.

...Но вот начиненная взрывчаткой машина взорвалась рядом с исторической синагогой в Хара Загира. Пострадали немецкие туристы — у них эта синагога всегда была обязательным пунктом турпоездки. Интересно, не был ли среди них потомок того, кому так понравилась эта *мечеть*? Обиднее было бы, если бы пострадал потомок того, кто тактично смолчал во время оккупации. А еще обиднее, что мерзкая рука террора дотянулась до такой — увы, некогда — идиллии.

Трехцветные евреи Кочина

Лет пятнадцать тому назад автор этих строк был в командировке в Индии, и из них — полтора дня в Кочине, крупном городе в штате Керала. Кочин очень интересовал меня тем, что в нем на протяжении веков существовала не очень большая, но очень своеобразная еврейская община. К сожалению, работа оставила мне время только вечером. Я вышел из гостиницы и подозвал первого же моторикшу: повозку на основе мотороллера с местом для пассажира под тесным тентом.

— В Маттанчерри, — сказал я водителю.

— О, еврейский город! Можно, сэ, — и он назвал вполне подходящую цену. — Вы, наверное, хотите посмотреть синагогу? Она закрыта. Ее открывают только по праздникам. Я вас подожду, поедете назад, я возьму не дорого.

Мы довольно долго ехали по забитым народом улицам, дудя, пробирались сквозь пробки и по пути разговаривали.

Тут-то шофер и сказал мне вещь, которая могла бы просто удивить в любом месте. Кроме Индии.

— Их положение, сэр, сейчас довольно плохое. У них нет брахманов.

— То есть?

— Все брахманы, сэр, уехали в Израиль. Они были настоящие брахманы — совсем белые, почти как вы. Остались только такие, как мы. — И он постучал пальцем по своей темно-коричневой руке.

Кочинские евреи предпочитали себя считать потомками выходцев из Иерусалима, перебравшихся в Индию после разрушения Иерусалима в 70 году нашей эры. Иногда среди них распространялось мнение, что они потомки исчезнувших колен или выходцев из Вавилонского пленения. Многие более трезвые (не кочинские) исследователи придерживаются менее романтических версий: прибыли в V веке из Ирана, или из Йемена, или из других арабских краев.

Существует надежный документ — бронзовая таблица X века, которая гласит о привилегиях и владениях, данных еврею Иосефу Раббану вместе с титулом раджи. Биньямин из Туделы, еврейский путешественник XII века, писал, что в Кочине живут темнокожие евреи.

История кочинской общины проходила куда как спокойнее, чем в Европе или в мусульманских странах. Надо сказать, что индусы терпимо относятся ко всем людям, даже если те молятся по-своему. И если человек им не мешает и не оскорбляет их чувств, то он может спокойно жить с ними под одним солнцем.

Однако сюда добрались португальцы — и евреи из мест, доступных этим воинам Христа, перебрались в сам Кочин. Местный махараджа выделил им землю близ своего дворца и гарантировал полную религиозную автономию. Главу общины утверждал махараджа. Сохранился интересный документ о службе евреев в войске кочинского повелителя: по субботам они имели право не воевать. Из-за набегов мавров переселилась в Маттанчерри и группа евреев с Малабарского побережья.

Селились там и марраны, и даже выходцы из Германии, Нидерландов и простые Гринберги и Зальцманы из Поль-

ши. Но этих было немного, их называли «белыми евреями», или «пардеши» — «чужеземцы». Старых поселенцев называли «черными», хотя они были не более черны, чем любые жители Аравии и Ближнего Востока, — примерно такие же, как северные индийцы высоких каст. А еще были евреи «коричневые» — как все люди Индийского Юга. На иврите их называли «мешухрарим», буквально: «освобожденные». Скорее всего это потомки рабов евреев, черных и белых, принявшие иудейство.

...Но это Индия, которая адаптирует всех, в том числе — своей кастовой системой. Ну не мог уважаемый индеец, чиновник или купец, сидеть в одном храме со слугами. Это вызвало бы отрицательную реакцию со стороны всех его индийских друзей и деловых партнеров. И коричневые не имели права сидеть в синагоге, а к чтению Торы их вызывали только на праздник Симхат-Тора. Не было у них и когенов, и левитов. И у черных тоже не было. Для нужных обрядов приглашали белого.

При голландцах община процветала и построила великолепную синагогу: она изображена на индийской почтовой марке. При англичанах, принесших новые методы промышленности и торговли, община экономически захирела. Хотя положение ее все равно было неплохим. Но многие «белые» предпочитали иметь дело с англичанами, а не с более темными своими. К концу английского господства у большинства «белых» были английские паспорта.

А в 1951—1953 годах почти две тысячи евреев Кочина репатриировались в Израиль: черные, коричневые и белые. Человек сто остались. У них нет раввина, нет шохета — резника. Они все более переходят на вегетарианскую пищу. Как и принято у индийцев.

Но это не единственные евреи в Индии.

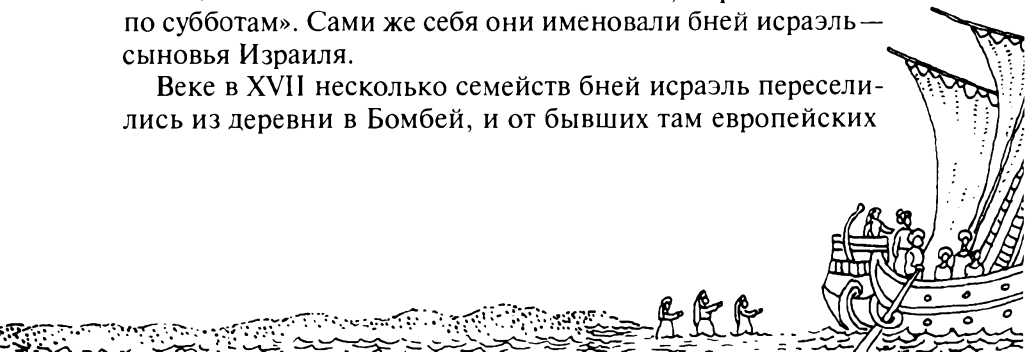
Легенда гласит, что во II веке до нашей эры, когда на территории Земли Обетованной бесчинствовал сирийский правитель Антиох Эпифан, когда по всей стране собирались отряды для войны с ним, несколько семей миролюбивых галилеян нагрузили ослов и верблюдов и пошли на юг к порту Эцион-Гебер, что недалеко от нынешнего Эйлата.

Долго добирались туда, а потом продали скот, еще сбросились и наняли корабль, идущий на восток. Подальше от войны, в одну из стран Востока, о богатстве которых хорошо были наслышаны в древнем Израиле. Если бы беглецы знали идиш, которого они знать не могли, ибо не существовал он, они бы сказали: «Менч трахт, Готеню лахт». Но поскольку нам идиш известен, то мы можем перевести эту мудрость, как «человек предполагает, а Бог располагает». И расположил Он так, что искатели мирной жизни потерпели кораблекрушение в Индийском океане. Семерых мужчин и семерых женщин выбросило на берег Конкана. Это было одно из индийских княжеств километрах в тридцати от нынешнего города Мумбай, который мы всегда знали как Бомбей.

Так или не так, но евреев в Индии встретили достаточно дружелюбно: явились они не с агрессивными целями, знали ремесла и вскоре заняли свое место в сложной иерархии индийской деревни. А именно: главной их работой стало изготовление масла. Не слишком высокое положение, но уж и не низкое — тот, кто производит продукты питания, не может состоять в низкой касте, а то труды рук его люди не смогут брать в рот. И, как водится в индийской деревне, обрабатывали свои поля, для грязной работы (уборки отхожих мест, стирки) нанимая неприкасаемых, а чистой (обмолот, помол, сбивание масла) занимаясь сами. Короче говоря, как все вокруг.

В течение столетий жили они в полной изоляции от еврейских общин, перешли на язык маратхи, но помнили некоторые традиции: субботний отдых, обряд обрезания, некоторые праздники и посты, какие-то молитвы. И соблюдали ритуальную чистоту еды — кашрут, по крайней мере в таких формах, как им представлялось правильным. Впоследствии это сыграло свою положительную роль. Окружающее население называло их «маслобой, не работающие по субботам». Сами же себя они именовали бней исраэль — сыновья Израила.

Веке в XVII несколько семейств бней исраэль переселились из деревни в Бомбей, и от бывших там европейских

купцов (скорее всего евреев) о них узнали за пределами Индии. Сами же они ничего не знали о других евреях в Индии. Пока в XVIII веке не встретились с евреями Кочина.

Один багдадский раввин, приехавший в Бомбей, страстно хотел увидеть «маслобоев, не работающих в субботу», и добрался до одной из их деревень. Поначалу он был очень разочарован тем, что увидел, но потом решил сделать опыт. Ребе пошел на базар, купил корзину рыбы — причем такой, что кошерна, и такой, что решительно нет, — и принес ее маслобоям. Женщины тут же рассортировали рыбу и первым делом выбросили не имевшую чешуи.

Короче говоря, багдадские евреи, коих к началу XIX века полно стало в Бомбее, взялись за бней исраэль, чтобы вернуть их в лоно истинного иудаизма, и немало в этом преуспели. Как и в приобщении вчерашней деревенщины к образованию. И многие нашли себя в новых условиях: почему-то прежде всего на военной службе в туземных частях британской армии. Кто-то стал чиновником, кто-то — торговцем или ремесленником, но значительная часть осталась крестьянами. Один из них — Э. Мозес — в 1937 году был избран мэром Бомбея.

После образования Израиля примерно половина бней исраэль репатриировалась в Израиль. Сегодня их осталось в Индии тысяч двенадцать: даже не капля для почти миллиарда индийцев. Но все же во время последней индо-пакистанской войны штабом Восточного фронта командовал выходец из этой общины генерал-лейтенант Джейкоб.

Экзотические евреи, конечно. Но попадите вы в Мизорам, и они вам покажутся совсем своими.

Мизорам — территория Индии в горах на самой бирманской границе. Люди населяющих ее племен совсем не похожи на узколирых, носатых индийцев. Они коренасты, с раскосыми глазами, очень воинственны и склонны к независимости. Веками они поклонялись духам предков, охотились за головами врагов и, мастерски их высушив, держали в домах, как амулеты. Собственно говоря, народа «мизорамцы» в природе не существует, а само название края дано было еще англичанами, чтобы как-то называть подведомственную территорию. Они родственны по языку народам

соседней Бирмы, она же Мьянма. Но те куда более цивилизованны.

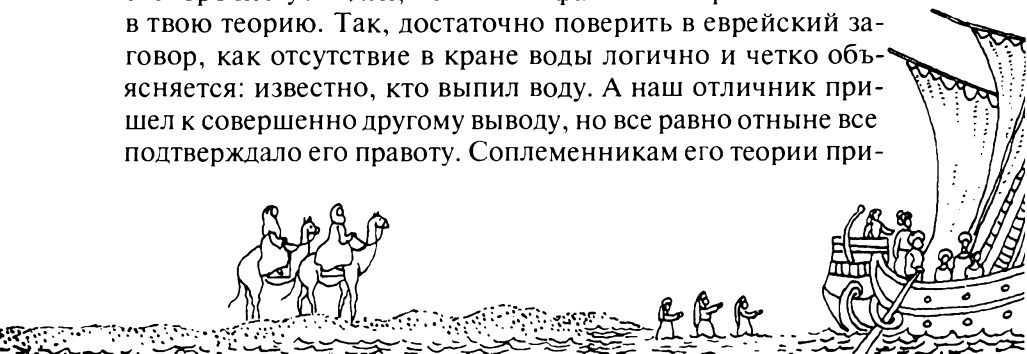
Никаким раджам близких индийских княжеств не удалось покорить горцев. Или они отчаянно сражались, или уходили в горные заросли — и ищи-свищи. Но то, что не удавалось здешним феодалам, удалось миссионерам. И не просто христианским миссионерам, а шотландским фундаменталистам. Нам это очень важно в свете того, что произошло с храбрыми, но простодушными детьми гор впоследствии. Дело в том, что эта секта особенно трепетно относится к тому, что христиане называют Ветхим Заветом, а евреи зовут Танах. И каждый свой шаг эти люди сверяют с историей древнего Израиля. Это им не только не мешает, но помогает в следовании Новому Завету.

Миссионеры стали проникать — особенно после Второй мировой войны — в горы Мизорама и соседней Бирмы весьма активно. И мирно. Они не навязывали горцам свои законы, не требовали немедленно надеть брюки или хотя бы шорты. Могли оказать медицинскую помощь и открывали школы. А горцы уже хорошо представляли себе, что без образования и английского языка детям их придется трудно.

В школах с тщательностью, достойной галицийского хедера, принялись изучать Ветхий Завет. И многим старательным ученикам так пришлась по душе история Народа Израильского, что стали они задумываться: а куда делись десять пропавших колен Израиля?

Надо сказать, что колена эти ищут не первую сотню лет, причем все на Востоке. Но это искали европейские и еврейские ученые. А тут по-новому взглянул на родной народ и его историю ученик-отличник одной из школ, где выучил историю Израиля наизусть.

И пришел к выводу, что родное его племя и есть одно из колен Израилевых. Известное дело: когда ты в чем-то безоговорочно убежден, то любые факты покорно ложатся в твою теорию. Так, достаточно поверить в еврейский заговор, как отсутствие в кране воды логично и четко объясняется: известно, кто выпил воду. А наш отличник пришел к совершенно другому выводу, но все равно отныне все подтверждало его правоту. Соплеменникам его теории при-

шлись по вкусу: уважение к евреям было прочно привито шотландскими учителями. Антисемитизму же в горы Мизорама и соседней Бирмы добраться не удалось, очевидно, из-за отсутствия объекта для ненависти.

Через некоторое время горцы свято уверовали в то, что они и есть истинные евреи. Ну а достать в наше время учебники иврита совсем не проблема даже в горах на индийско-бирманской границе.

Мы здесь не будем касаться щекотливого вопроса о признании их евреями на исторической — теперь исторической! — родине: это тема особого исследования. Нас интересует другой вопрос: откуда столько прихожан в рангунской синагоге. И мы можем ответить: с гор Северной Бирмы. Поскольку с гор Мизорама новое учение стремительно распространилось в горах Бирмы, особенно же среди народности качинов.

Цивилизованные и к этому моменту крещеные качины издавна контактировали с немногочисленными индийскими евреями, осевшими в Рангуне и волею небес женившись на рангунских качинках. Точь-в-точь как отец еврея Питера, с которого мы и начнем наш рассказ...

В середине XVIII века на месте рыбацкой деревушки Янгона на побережье Андаманского моря возник город с тем же названием.

Возник он не случайно, а по повелению короля Мьянмы, ибо место было очень удобно для основания порта. Через сто лет город и всю страну захватили англичане, переименовавшие город в Рангун, а страну — в Бирму. Бирма стала частью Британской Индии, и на одного английского солдата приходилось там по меньшей мере десять индийцев-сипаев. Все это имеет значение для нашей истории, ибо так уж получилось, но в туземных частях англо-индийской армии всегда много было индийских евреев из группы бней израэль. Евреи в Индии составляют даже не тысячную долю процента населения, но отчего-то прикипели душой к военной службе, оттого и заметны были в армии. Это, так сказать, присказка. Сказка — вполне правдивая — впереди...

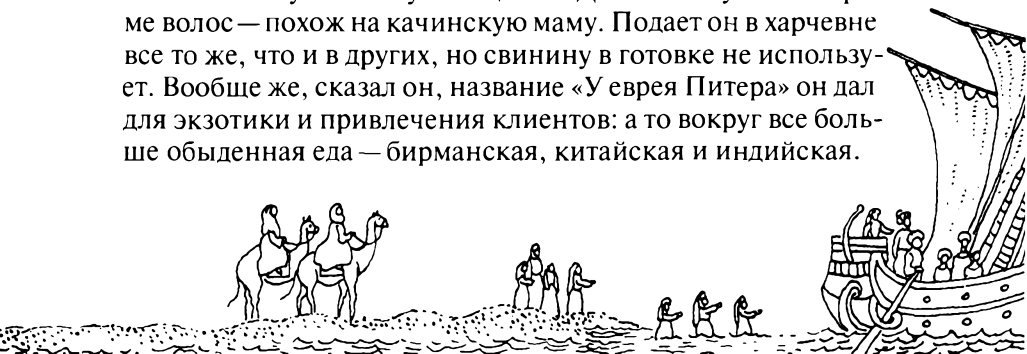
...Лет двадцать назад российский востоковед-бирманист служил в столичном городе Мьянмы Янгоне (и стра-

на, и столица вернули себе исторические имена, но в нашей литературе более привычны старые, данные англичанами; так что и мы будем говорить Рангун и Бирма). В свободное от работы время он гулял по городским улицам, чтобы подробнее познакомиться со страной. И вот на одной из тихих улиц он увидел харчевню, название которой его остановило. Харчевня называлась «У еврея Питера». Оговариваюсь сразу: востоковед — не еврей, и никакой ностальгии по гефилтэ фиш, которая могла бы подаваться в точке общепита с таким названием, у него не было. Но интерес возник сразу. И он зашел в заведение. В дверях его встретил коренастый темнокожий человек с монгольским разрезом глаз. Как выяснилось, это и был еврей Питер. От еврея — так, как его себе представлял наш востоковед, — у него были разве что курчавые волосы.

— Шалом! — произнес востоковед, тем самым исчерпав запас еврейских слов наполовину. (Второе слово, которое он знал, было «цимес», но цимесом здесь точно не пахло.)

— Шалом! — отвечал еврей Питер и, перейдя на очень плохой английский язык, осведомился: — Вы, наверно, самый настоящий еврей? Из Израиля?

Востоковед наш — дивный образец славянина. Так что можно судить, сколь заняты взгляды еврея Питера на своих единоплеменников. Оказалось, что покойный отец владельца, которого он почти не помнит, был действительно евреем из Бомбея, сержантом англо-индийской армии. После изгнания японцев он вышел в отставку и поселился в Бирме. Женился на местной женщине из горского народа качинов и через два года после рождения сына умер. Так что никакого еврейского воспитания Питер не получил, но всегда знал, что принадлежит к экзотическому народу евреев, и этим очень гордился. Поскольку индийцев в Бирме, мягко говоря, недолюбливают, еврейская национальность служила ему и защитой. Да и очень уж он — кроме волос — похож на качинскую маму. Подает он в харчевне все то же, что и в других, но свинину в готовке не использует. Вообще же, сказал он, название «У еврея Питера» он дал для экзотики и привлечения клиентов: а то вокруг все больше обыденная еда — бирманская, китайская и индийская.

Ходит он иногда и в синагогу. Оказалось, что она в Рангуне наличествует.

— Приходите, увидите наших. Такие же евреи, как я. — И, увидев вопросительный взгляд востоковеда, пояснил: — Качины в основном.

Рангунская синагога — одноэтажное здание на Пью-роуд, одной из окраинных улиц.

Внешне она ничем не напоминает привычный для Бирмы храм — тут их множество: буддийские, индуистские, конфуцианские и мечети. Разве что Маген-Давид над входом отличает ее сразу от других похожих домов вокруг. По будним дням здесь пусто и тихо, но по субботам собираются прихожане: на миньян хватает. Единственно, чего не хватает на наш привычный взгляд, так это еврейских лиц. Публика собирается темнокожая, частью — меньшей — похожая на индийцев, а большей частью — крепкие коренастые люди с раскосыми глазами и смоляно-черными волосами. Так выглядят бирманские горцы — карены, шаны, качины. Люди одеты по-европейски, все в кипах. Женщины — в платках. Галереи для женщин здесь нет, они молятся в левой части синагоги за занавесом. Перед входом все разуваются — так в Бирме принято перед входом в дом.

Еврейские лица (в нашем понимании) можно увидеть на еврейские праздники Рош-а-Шана, Йом-Кипур, Симхат-Тора. Тогда сюда приходят сотрудники израильского посольства и любые израильтяне, оказавшиеся в Рангуне. Сюда же заходил мой знакомый востоковед, который узнал о синагоге от еврея Питера в экзотической харчевне «У еврея Питера». Некоторые израильтяне, которые не без смущения смотрели на здешних сынов Израиля, натываясь глазами на его лицо, делали ободряющие жесты руками и понимающе улыбались. Среди всей этой публики даже его сугубо славянское лицо казалось почти своим. Но не дай вам Бог показать рангунским прихожанам наличие хоть какого бы то ни было сомнения! В лучшем случае вас бы с позором вывели из синагоги и прогнали бы, не дав обуться. В худшем...

...Чтобы представить себе, что было бы в худшем, стоит всмотреться поглубже в историю здешней общины. Однако по порядку.

В составе туземных частей англо-индийской армии было много евреев из этнической группы бней израэль. Некоторые из них, выйдя в отставку, не стали возвращаться в Индию (как и очень многие солдаты-индийцы), а предпочли остаться и открыть на скромную, но надежную английскую пенсию какое-нибудь маленькое дело. Англичане их в этом поддерживали (только что завоеванные бирманцы казались им ненадежными). А кроме всего прочего, Бирма объявлена была частью Британской Индии. Конечно, среди всех осевших тут индийцев евреи составляли каплю в океане, но интересно отметить, что бирманцы, индийцев недолюбливавшие (очень мягко сказано), все-таки евреев выделили. Причем в лучшую сторону. Скажем, среди евреев не было ростовщиков, а у индийцев этот промысел в Бирме был весьма заметен. Короче, хотя их долго считали индийцами, но, как бы это выразиться, «индийцами хорошими».

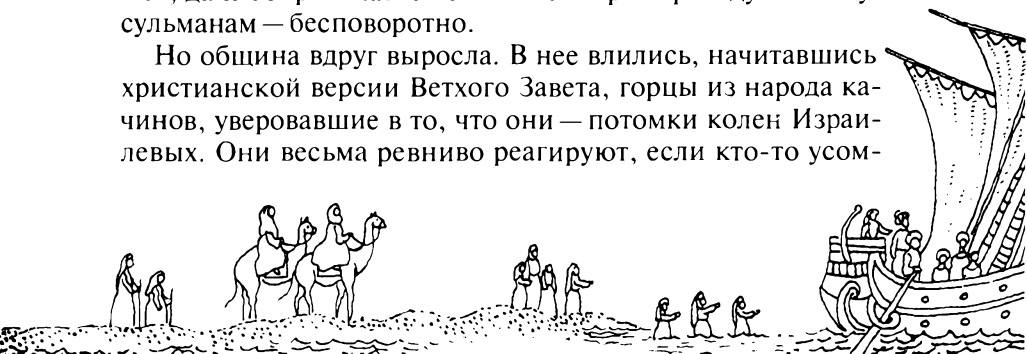
Если индусов, скажем так, недолюбливают в Бирме, то к мусульманам отношение неизмеримо худшее. А тут оказалось, что многие мусульмане (особенно из будущего Пакистана) настроены антиеврейски.

Что еще можно было пожелать, чтобы бирманцы почувствовали к евреям теплые чувства? И наконец, что не типично для большинства еврейских групп — большая часть евреев сочеталась браком с местными женщинами.

(Сильно забегая исторически вперед, отметим, что отношения Бирмы с соседней мусульманской Бангладеш и с собственными бунтующими мусульманскими меньшинствами очень способствовали поднятию в глазах общественного мнения авторитета Израиля и — соответственно — местных темнокожих и раскосых евреев.)

Ко всему этому добавим, что количество евреев в стране столь незначительно, что проблем у них возникать не может, да и обирманились они — не в пример индусам и мусульманам — бесповоротно.

Но община вдруг выросла. В нее влились, начитавшись христианской версии Ветхого Завета, горцы из народа качинов, уверовавшие в то, что они — потомки колен Израилевых. Они весьма ревниво реагируют, если кто-то усом-

нится в их истинном еврействе. А нравы в горах Северной Бирмы — крутые. Там и охоту за головами еще не забыли...

Самая еврейская страна

Мы не имеем в виду Израиль — это не самая еврейская страна, а просто еврейская. Мы имеем в виду самую еврейскую страну в Европе. Не ломайте голову, вспоминая, в какой из европейских стран самая большая еврейская община: это еще не делает страну еврейской, сколько бы об этом ни твердили местные и зарубежные антисемиты. Мы хотим рассказать о стране, где евреи не только составляют заметный процент населения, но и само ее существование обеспечило евреям возможность жить в ней, честно скажем, припеваючи. И чье право на существование подвергается сомнению уже триста лет.

Короче говоря, речь идет о Гибралтаре. «Тоже мне страна! — можете сказать вы. — Клочок испанской территории, оттяпанный англичанами, скала почти у самой Африки! И населения всего 30 тысяч, из них почти половина — британский гарнизон». И все это будет правда. Но британцы, отслужив свое, уезжают домой или к новому месту службы. А есть люди, которые живут там, имеют семьи, занимаются делом.

А теперь посчитайте: на оставшуюся половину четыре си-нагоги, столько же религиозных школ и благотворительное общество.

Начнем по порядку. Евреи жили в Гибралтаре еще в XIV веке и, естественно, были оттуда изгнаны, как и со всего Пиренейского полуострова. Зато в XVIII столетии скала перешла во владение Британии, об этом свидетельствует Утрехтский договор, с тех самых пор называемый в Испании «кабальным и несправедливым». А чего там несправедливого? Воевать лучше надо было, а не «испанские воротники» придумывать да инквизицией баловаться! Впрочем, как ни были удручены и возмущены испанцы, но добились все-таки пункта в договоре, по которому евреям проживание в Гибралтаре запрещалось. Так сказать,

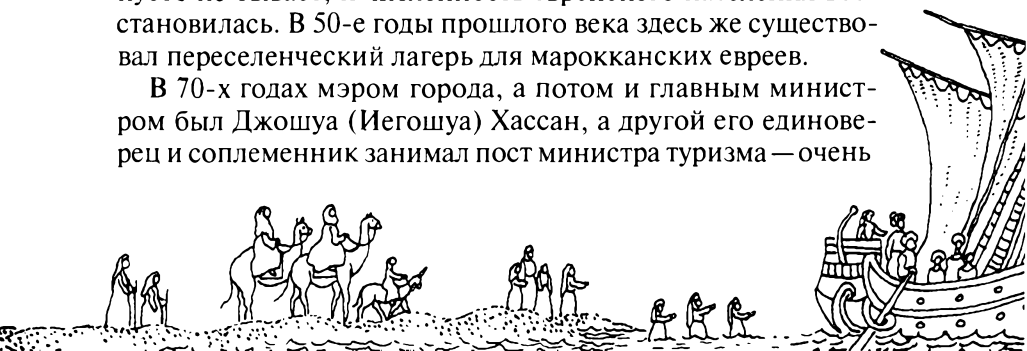
«в чужих руках Гибралтар, а земля-то наша...». Очевидно, хоть это служило им утешением.

Но через шестнадцать лет султан Марокко обратился к англичанам с просьбой позволить его еврейским подданным прибывать в Гибралтар по торговым делам. В Марокко евреев сильно угнетали, но всегда защищали за рубежом их торговые интересы, приносявшие стране прибыль. Кстати, по тому же договору мусульманам тоже запрещалось жить в Гибралтаре. В мусульманах, учитывая близость исламских стран, англичане видели опасность, а евреям разрешение дали. В конце концов, им оскорбленные чувства испанцев были абсолютно безразличны. Британцы всегда отстаивают свои интересы (и кто в них за это бросит камень?), а еврейские посредники были им удобны для торговли с Востоком. Так в крепости на скале появилось устойчивое еврейское население: марокканское, но потомки выходцев из Испании. К ним прибавилось некоторое количество евреев из Италии, тоже сефарды. Потом туда переехали марраны — вернулись к вере отцов и построили синагогу.

В конце XIX века почти вся гибралтарская торговля была в еврейских руках. И очень выгодная торговля: между Англией и Северной Африкой. Ведь английским негодичантам проникнуть в Северную Африку было непросто, ибо вся она стала зоной французских интересов. В конце того же века — начале следующего в Гибралтаре поселились евреи из России и Румынии, обычные наши Гинзбурги и Гринберги. И, конечно, построили свою синагогу, но в Гибралтаре не прижились.

Во время Второй мировой войны англичане эвакуировали все гражданское население Гибралтара, а после войны многие назад не вернулись: у них были британские паспорта и прекрасное знание английского языка. Но свято место пусто не бывает, и численность еврейского населения восстановилась. В 50-е годы прошлого века здесь же существовал переселенческий лагерь для марокканских евреев.

В 70-х годах мэром города, а потом и главным министром был Джошуа (Иегошуа) Хассан, а другой его единоведец и соплеменник занимал пост министра туризма — очень

важный, ибо уже не только торговля, но и туризм продолжали обогащать Крепость на скале. Гибралтарские евреи настроены очень пробритански и во всех референдумах голосуют за сохранение власти Ее Величества. Им есть за что любить англичан: во все бурные и опасные времена — что в Испании, что в Марокко — этот маленький клочок суши между Европой и Африкой служил им надежным оазисом.

В Сингапуре евреев нет, зато в Китае...

Существует такое расхожее выражение: «Где армянин прошел, еврею делать нечего». А вот в Юго-Восточной Азии мерилом всего и вся (хитрости, всепроеходимости, ума, кстати) служит китаец. Сингапур населен китайцами прежде всего. А основали его англичане. Оба этих сведения важны для дальнейшего нашего рассказа.

Еврейская история города (еще не государства) начинается в 1840 году, когда очень богатое еврейское семейство из Багдада — Сассун — открыло в относительно недавно основанном Сингапуре свое торговое предприятие. Все доверенные лица и приказчики Сассунов были евреи, в основном родственники. Их было много — на Востоке маленьких семей не бывает. К 1878 году их стало еще больше, и открыта была первая синагога. Чтобы увязать с началом рассказа: примерно тогда же построили и армянскую церковь. Евреи были из Ирака, а армяне — из Ирана. И никто другу другу не мешал.

В начале XX века построили вторую синагогу — на деньги сэра Менаше Меира, считавшегося самым богатым евреем Дальнего Востока. Титул «сэр» пусть не вводит вас в заблуждение: нормальный багдадский еврей. Так сказать, баронет из туземцев. Естественно, что на растущий и процветающий Сингапур положили глаз и евреи из Великобритании. Но их следует рассматривать как часть английской колонизаторской общины. Кстати, евреи в Сингапуре были среди крупнейших владельцев недвижимости. В этом им не уступали только здешние арабы — из большей частью

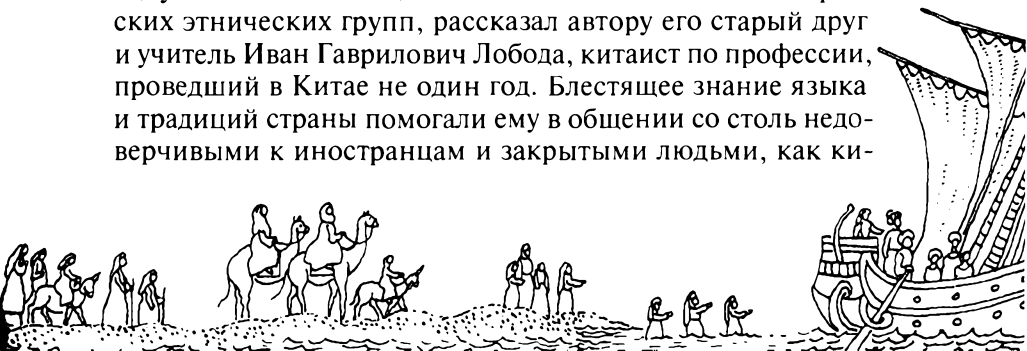
южнойеменского Хадрамаута. Вот ведь какая история: мало им Ближнего Востока, так и на Дальнем конкурируют!

К тридцатым годам евреев в городе было человек восемьсот. И еще примерно столько же прибыло нормальных ашкеназов — через Китай. Они уходили от немецкой оккупации из Европы. Когда пришли японцы, большая часть евреев эвакуировалась, как и все европейцы. А кто остался, был японцами интернирован — как граждане враждебных Японии стран. Занятно, но не коснулось это только немецких евреев, они-то были из страны-союзника, откуда и бежали на конец света. И как ни настаивало немецкое консульство, японцы разбираться в «спорах славян между собою» не стали: хватало у них своих забот, чтобы еще разбираться, какой немец (т. е. гражданин Германии) хороший, а какой плохой. Для японцев и те, и эти одинаково длинноносые. После войны большинство евреев уехали в США, Англию, Австралию и даже в Израиль. Тем не менее первым главным министром сингапурского самоуправления стал именно еврей мистер Маршалл. (Наверное, все же как представитель англичан.)

Может быть, человек двести евреев сейчас в независимом Сингапуре найдется. Люди пожилые, кому некуда было податься. И в обеих синагогах набирается по субботам миньян. Надолго ли? И дело здесь не в том, что после китайца никому уже делать нечего. Гостиницы богатейших армян Дальнего Востока тоже уже принадлежат г-дам Ку и Ео, лицам китайской национальности.

Все европейцы, включая иракских евреев, иранских армян и турецких греков, пришли с англичанами. И ушли с ними... А китайских евреев в Сингапуре, видать, не было. Или же их никто — и они сами — не выделял из китайцев.

О китайских (кайфынских) евреях, представляющих собой одну из наиболее загадочных и плохо исследованных еврейских этнических групп, рассказал автору его старый друг и учитель Иван Гаврилович Лобода, китаист по профессии, проведший в Китае не один год. Блестящее знание языка и традиций страны помогли ему в общении со столь недоверчивыми к иностранцам и закрытыми людьми, как ки-

тайцы. Он сейчас живет в Иерусалиме, где сейчас учится большое количество китайцев, так что Ивану Гавриловичу есть с кем поговорить и на китайском, и на иврите. И выяснить новые детали из жизни еврейской общины Китая.

Вот рассказ Ивана Гавриловича Лободы:

«То, что в Китае есть евреи, я знал и раньше и даже с ними встречался в Харбине и в Тяньцзине. В этом последнем я даже купил великолепный талес для своего тестя Льва Моисеевича. Впоследствии полюбоваться на этот талес сходились в синагогу в Малаховке тонкие знатоки и ценители. Но евреи, которых я встречал в Китае, ничем не отличались от моих тестя с тещей и родом были из тех же мест за чертой оседлости, и говорил я с ними по-русски, вставляя фразы на идише, как это делал мой тесть. Вот только раз, когда я беседовал в Тяньцзине с неким Григорием Яковлевичем, который подбирал мне для тестя еще и мезузу, вошел его шофер-китаец и благоговейно поцеловал мезузу у косяка.

— У вас научился? — спросил я с улыбкой.

— Почему у меня? Что он, сам этого не знал? — чуть ли не с обидой возразил хозяин. — Что он, не еврей?

Я с недоверием всматривался в лицо шофера, круглое и безмятежное, с раскосыми глазами и совсем не еврейским носом. Единственное, что отличало его от среднего китайца, была заметная черная щетина — от скул. У китайцев борода растет слабо и только на подбородке. Выяснить мне тогда ничего не удалось: времени не было, да и не тема это была для беседы с советским офицером, даже таким, который покупает для тестя талес и мезузу.

Где-то после 1950 года, еще будучи офицером Советской Армии и работая при Главном политическом управлении китайской армии, я не раз ездил в Кайфын по служебным делам. Закончив работу, не спешил возвращаться в Пекин, посещал интересные места в городе и его окрестностях. Когда казалось, что все уже осмотрено, хозяева-китайцы предложили съездить к католическому миссионеру (шеньфу по-китайски), видимо, считая его чем-то вроде музейного экспоната, раритетом города.

Кайфынский миссионер был старым человеком. Он прожил более шестидесяти лет в большом мрачном помещении

без потолка, только с черепичной крышей. Окинулся он совершенно, о чем говорила одежда — куртка-гуаза да туфли из много раз простроченных старых лоскутов, а также хороший китайский язык, манеры, обстановка жилья.

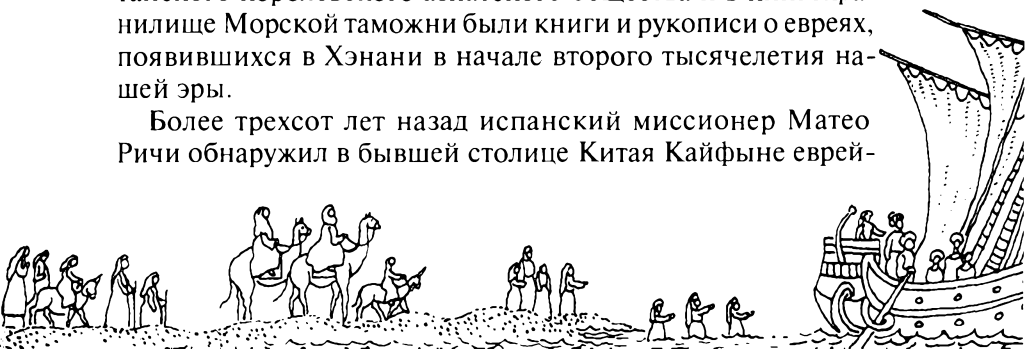
При моем появлении душа старика ушла в пятки, особенно он испугался, когда я назвал себя. Пришлось успокаивать, сказать, что приехал безо всякого дела, просто познакомиться с ним.

Мало-помалу разговор с миссионером становился откровенней. Он сказал, что слишком близок к смерти, чтобы скрывать свои мысли. На вопросы отвечал, молитвенно склоняя голову. Сказал, что в переменах, происходящих вокруг, видит опасность, жизнь материальная может еще больше поглотить жизнь духовную, что он после первых пяти лет пребывания здесь готов был сказать, что все понял, во всем разобрался. Через двадцать лет этого уже он сказать не мог. А теперь вокруг еще больше непостижимого и даже таинственного.

Мне казалось, что шеньфу есть что рассказать о Кайфыне. И я не ошибся в таких догадках. Он поведал, что в городе с давних времен была значительная еврейская колония. Существовала синагога, но сейчас она пришла в упадок. Он даже вызвался показать то место, где несколько столетий стояло еврейское святилище. Через руки шеньфу проходили книги иудеев, написанные иероглифами. Их будто бы проверяли миссионеры в Шанхае и убедились в соответствии оригиналам. Как и многие христианские миссионеры, он проявлял к китайским евреям большой интерес, считая, что их, единобожников, можно будет обратить в христианство. Но именно среди китайских евреев не нашлось ни одного, который бы сменил веру.

Он лично знал иностранцев, которые изучали судьбу евреев в Китае, знал также, что в Шанхае в библиотеке Британского королевского азиатского общества и в книгохранилище Морской таможни были книги и рукописи о евреях, появившихся в Хэнани в начале второго тысячелетия нашей эры.

Более трехсот лет назад испанский миссионер Матео Ричи обнаружил в бывшей столице Китая Кайфыне еврей-

скую колонию. Евреи пришли в Китай после долгих скитаний по миру. Их путь следования до сих пор не установлен учеными.

В Китае евреев встретили дружелюбно, разрешили поселиться в городах, исповедовать свою веру и построить синагогу в Кайфыне. Прочно державшиеся за веру своих отцов, они упорно изучали иврит, один из первых языков человечества, на котором писали пророки и была написана Библия. До середины XVIII века иудеи-китайцы соблюдали субботу, отмечали такие праздники еврейского народа, как Песах, Пурим и др. Они называли себя потомками древних евреев, хотя внешне давно уже перестали отличаться от китайцев.

Китайские евреи в массе своей жили не богато. Некоторые из них занимали значительные посты в местных административных органах, а были и такие, кто достиг высоких должностей в пекинском мандаринате.

У некоторых высоких чинов гоминьдановской и коммунистической элиты Китая в родословных есть евреи. От кайфынских евреев вел свою родословную Лю Шаоци, бывший вторым человеком в стране после Мао Цзэдуна. Когда двоюродный дед Лю Шаоци был казнен по приказу Мао Цзэдуна, его родные передали Лю Шаоци молитвенник, написанный на иврите».

Примечание. По данным «Еврейской энциклопедии», число кайфынских евреев очень невелико: чуть ли не 200 человек. Но энциклопедия оперирует данными лишь о тех, кто живет в бывшем еврейском «переулке» Кайфына — увы, даже не квартале. Но скорее всего число евреев, а точнее, совершенно окитаившихся их потомков, — неизмеримо больше.

Не ищите в Японии евреев

Эту фразу следовало сказать гораздо раньше. Дело в том, что именно евреев искали в Японии века с семнадцатого, когда миссионеры-христиане стали проникать в страну.

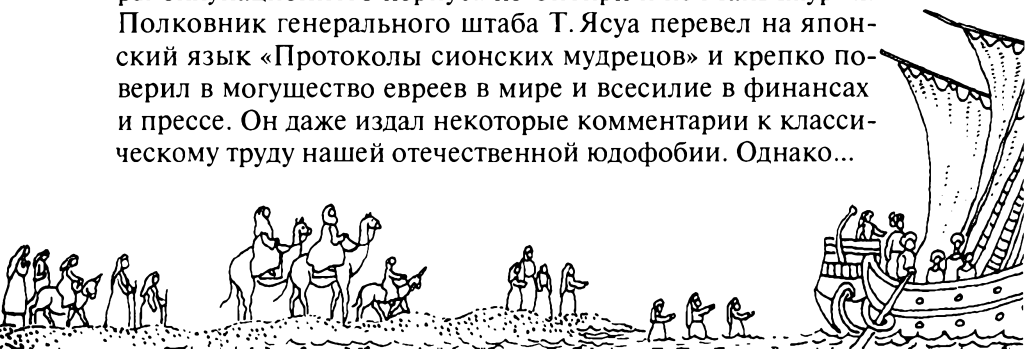
Во-первых, они везде искали утерянные десять колен Израилевых, а во-вторых, многие из европейцев заметили антропологическую разницу между японцами разных условий. У простонародья были нормальные монголоидные лица с плосковатым носом, у знати наблюдался орлиный нос и более тонкие черты лица. Как писал видный австрийский этнограф Ратцель, «знатную японскую даму приняли бы в Европе за еврейку». Скорее всего это преувеличение, но наблюдения заставляли задумываться: а не на острова ли ушли искомые колена?

Забегая вперед, скажем, что споры продолжаются по сей день, но ведут их японцы, принявшие христианство в самой фундаменталистской протестантской форме, или же крайне малочисленные японцы прозелиты иудаизма. Да еще «Общество друзей Ветхого Завета» под председательством одного из принцев императорской крови время от времени публикует на этот счет свои соображения.

Не та страна Япония, чтобы в ней поселились иноземцы и стали японскими подданными. Этого в Японии почти никогда и не было. Самое же крупное национальное меньшинство — расово и культурно близкие корейцы — по сей день не приняты японским обществом. Да и государством.

Конечно, какое-то количество евреев в стране всегда есть, но это временно пребывающие в стране иностранцы, в основном, американцы. Даже синагога находилась на территории американской военной базы. Правда, в период между двумя войнами в Кобе были две синагоги — сефардская и ашкеназская, а в Токио — одна. Но тоже — для временно пребывающих в стране иностранцев. Надо сказать, что даже в начале XXI века значительная часть японцев убеждена, что иудаизм — это одна из христианских сект.

Занятно при этом, что антисемитизм — но умозрительный — в Японию проник. Принесли его с собой офицеры оккупационного корпуса из Сибири и из Маньчжурии. Полковник генерального штаба Т. Ясуа перевел на японский язык «Протоколы сионских мудрецов» и крепко поверил в могущество евреев в мире и вселился в финансах и прессе. Он даже издал некоторые комментарии к классическому труду нашей отечественной юдофобии. Однако...

Общеизвестна способность японцев усваивать чужие идеи и изобретения и приспособлять их к своей пользе, да так, что они кажутся потом совершенно японскими. «Протоколы» толкуют о заговоре евреев против христианского мира, к коему Япония никак не относится. Посему вдумчивый Ясуа решил использовать эти безопасные для японцев заговорщицкие способности евреев к вящей пользе Страны восходящего солнца. После оккупации в 1931 г. Маньчжурии, а потом и многих районов Китая, где Ясуа и его сторонники заняли посты в руководстве страны и сформулировали политику Японии в еврейском вопросе, они решили предоставить в Маньчжурии место тысячам еврейских беженцев из Европы: это должно было послужить развитию экономики страны. Кроме того, всемогущие евреи должны были — хотя бы из благодарности — склонить общественное мнение в США в пользу Японии. Согласно «Протоколам», им это было раз плюнуть. Ясуа решительно пресек выходки русских антисемитов в Харбине и прикрыл их газету «Наш путь».

А еврейским беженцам из Германии и Австрии разрешено было прибыть в Шанхай и поселиться на территории международного сэттльмента. Даже без виз и документов. В общем, что ни говорите, а и из «Протоколов сионских мудрецов» можно доброе дело сделать. Знал бы об этом их автор г-н Нилус, он бы в гробу перевернулся...

Мы начали эту главу призывом «Не ищите евреев среди японцев». А завершаем мы ее призывом как бы противоположным. Но это только на первый взгляд. Нет евреев, ставших японцами и обогативших японскую литературу и науку. Даже на японской эстраде — ни одного еврея-конферансье. Как в это ни трудно поверить, но это факт.

Зато японцы, ставшие евреями, существуют. Правда, при этом они — за редкими исключениями — не настаивают на том, что были евреями всегда.

После Второй мировой войны многие образованные японцы, а среди них даже члены императорской семьи, заинтересовались историей и культурой еврейского народа. Хотя многие впервые услышали о евреях из «Протоколов сионских мудрецов» и из немецкой пропаганды, траге-

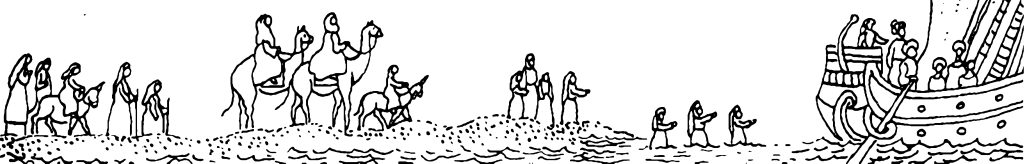
дия еврейского народа в войну не оставила их равнодушными. И интерес к евреям у них был весьма и весьма добродетельный. Японцы были бы не японцами, если бы, взявшись за какое-то дело, не делали бы его добросовестно и до конца. Можно было, например, проявить интерес к «каббале», купить книгу о ней, дочитать до пятой страницы, а потом держать книгу в гостиную. Но это было бы сильно не по-японски.

Профессор М. Кобаяси из самого престижного университета страны Васэда в Токио — настоящий ученый и настоящий японец. Он создал Японскую ассоциацию еврейских исследований. А потом в университете Васэда открылось отделение иудаистики. Студенты там трудолюбиво изучают иврит и достигают превосходных успехов. Одна беда: им никак не дается буква «л», которой просто переполнен иврит. И самое дорогое для японского студента слово «учиться» — а на иврите «лильмод» — бедняги произносят как «рирьмоду». Но ведь не это главное!

В 1959 году г-н Коцудзи, наследственный жрец национального японского культа синто, перешел официально в иудаизм. Не будь он наследственным жрецом, особого шума этот факт не наделал бы. Правда, воплей ярости тоже не было. Довольно тихо был встречен гиюр (переход в иудаизм) еще нескольких сынов Страны восходящего солнца. Вот откуда появились фотографии аккуратных раскосых людей в кипах, кочующие время от времени по страницам книг и журналов с подписью «Японские евреи». А что? Есть же евреи бухарские, крымские и даже китайские, похожие на персонажей этого фото как две капли воды.

Но это — скорее экзотика. Гораздо больше в Японии христианских сект — обычно протестантских, — выступающих неизменно в поддержку Израиля и усвоивших очень много из иудейского учения.

Самая крупная из них — «Макуя». См. японско-ивритский словарь — для этого надо знать иероглифы — и читай: «охел мо'эд», «шатер собрания». (Японцам все-таки проще произнести «макуя», чем ломать язык: «охэру моэду».) Ее основал в 1948 году бизнесмен Икиро Тесима. Он принял имя Авраам, но при этом остался христианином-протестан-

том, добавив к евангельским истинам элементы иудаизма. Кстати, последователей Авраама Тесимы в мире — во многих странах — 50 тысяч человек. Они совершают паломничества в Иерусалим, работают в кибуцах и совершенно не навязывают евреям свое учение.

Есть и другие японские христиане тех же взглядов — секта Церковь Софии, например.

В завершение, однако, отметим, что японцев-антисемитов — сотая доля процента. Японцев-филосемитов и израильтяков — увы, столько же.

Остальным до этого дела нет: далеко слишком...

Чего, впрочем, не сказать о Ковнер Сугихаре.

В сочетании слов «Ковнер Сугихара» нет ничего странного: это не японец еврейского, скажем, происхождения (русский аналог — нечто вроде Ярослав Кау). Это просто японец с самурайской фамилией Сугихара, работавший японским консулом в Каунасе. Дело в том, что Каунас был долгое время столицей независимой Литвы, а Вильнюс принадлежал Польше. Советский Союз, разделив с Германией Польшу, подарил Вильнюс Литве, а в 1940 году подарил Литву самому себе. Но некоторые бывшие посольства, получив статус консульств, остались в Каунасе, хотя у не совсем добровольно присоединившейся Литвы никаких интересов в Нидерландах или Японии уже не было. Их и раньше-то, при независимости, немного было.

По числу и особенно проценту еврейского населения Каунас уступал, мягко сказано, разве что Иерусалиму. Да еще там скопилось большое количество беженцев из оккупированной Польши и даже из Германии. Среди них были раввины и ученики знаменитых религиозных училищ — ешив из Барановичей, Мира и других центров еврейской учености. При этом они понимали, что очередь Литвы придет скоро, и мечтали выбраться оттуда, но — желательно — не на советскую территорию. Часть из них получила через нидерландского консула визы в голландское владение Кюрасао, остров, слава Богу, далекий от Европы. Но потом пришла очередь Нидерландов, и немцы их оккупировали, а значит, любые документы, выданные голландскими диппредставительствами, утратили силу.

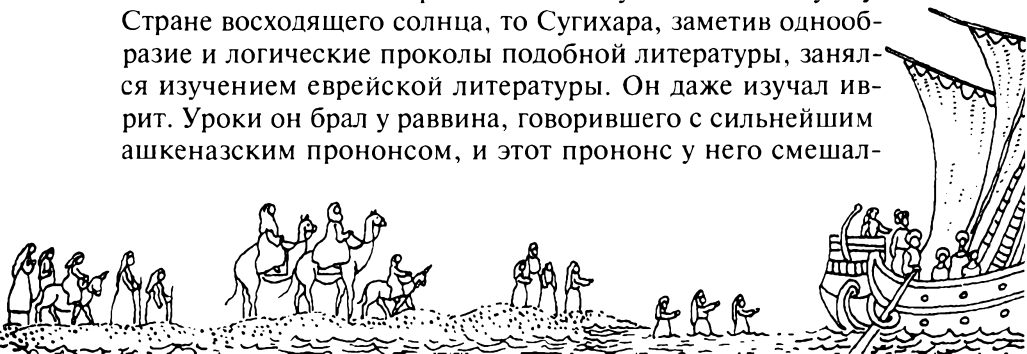
Зато не утратили силу, а наоборот, набрали вес любые документы Японии. Как-никак, а Япония стала важным и мощным союзником Германии в великой войне.

Консул Сугихара выдал транзитных и въездных виз огромное множество. В его деятельности был один недостаток: он не имел на это разрешения японского Министерства иностранных дел. А значит, деятельность его могла быть пресечена в любой удобный — а для евреев всегда неудобный — момент. Но токийское правительство не вмешивалось. До поры до времени. Немцы же просто бесились, когда целые личные составы знаменитых ешив с чадами и домочадцами (мит ганце мишпухе — на идише) выезжали с их территории. Ничего себе союзнички косоглазые! Против России не воюют, а жидов к себе тянут! Советские власти, надо сказать, бесились меньше, когда владельцы японских паспортов в лапсердаках, с бородами и пейсами проезжали через необъятную Страну Советов, устремляясь в японский протекторат Манчжоу-Го (Маньчжурию). Лишнего чуждого элемента им в Советском Союзе было не нужно.

Из Каунаса летели рапорты в Берлин, из Берлина — ноты в Токио. (Надо еще добавить, что некоторое количество виз выдали японские консулы в разных городах Советского Союза, в Чите, к примеру.)

Вот тогда-то в еврейской среде и появилось выражение «Ковнер Сугихара»: благородный человек, бескорыстно помогающий евреям.

Чем руководствовался ковенский самурай в своей деятельности, кроме нормальных (но, увы, таких редких) человеческих чувств? Сугихара, как и японцы, о которых мы писали раньше, изучил европейские источники, в том числе — естественно! — и антисемитские. Но если полковник Ясуа из «Протоколов сионских мудрецов» вынес стойкое желание поставить «еврейское всемогущество» на службу Стране восходящего солнца, то Сугихара, заметив однообразие и логические проколы подобной литературы, занялся изучением еврейской литературы. Он даже изучал иврит. Уроки он брал у раввина, говорившего с сильнейшим ашкеназским прононсом, и этот прононс у него смешал-

ся с заметным японским акцентом. Пуристы из израильской Академии языка упали бы в обморок, послушав его. Но, как говорится, не за то мы его любим. Кстати, писал он почти без ошибок и с некоторой каллиграфичностью, свойственной знатоку иероглифов.

В 1941 году немцы дожали Токио. Сугихара был отозван и за самоволие уволен из МИДа.

Он прожил долгую жизнь в крайне стесненных материальных условиях, пока кто-то из потомков спасенных (американский преуспевающий гражданин, естественно) не отыскал его. А все-то считали, что он давно умер — когда, в конце концов, все это было?

Израиль присвоил ему звание «хасид уммот аолам» — «Праведник народов мира».

Единственному из японцев...

Лахлухи

У этой этнической группы евреев несколько названий: евреи Курдистана, евреи Захо, ассирийские евреи. В бывшем СССР, где они жили в Грузии, куда переселились добровольно, хотя и не от хорошей жизни (вместе с ассирийцами-айсорами, курдами-езидами и курдами просто), и в Казахстане, куда переселились совсем не добровольно (но вместе с теми же и еще многими другими народностями), их именовали «лахлухи». Сами же себя они звали «срэль» — что следует понимать как «исраэль».

Каждое из этих наименований появилось не случайно, в них заключена долгая история, — и каждое имеет свое основание.

Так, часто они называют себя «аншей Таргум» — «народ Таргума», т.е. люди, говорящие на арамейском языке. И действительно, их разговорный язык — восточный диалект новоарамейского языка, родственный языку Вавилонского Талмуда. Конечно, с вавилонских времен он сильно изменился и включает в себя массу заимствований из персидского, турецкого, арабского, а также из классического иврита. Но все же для ассирийских евреев переход на иврит

в Израиле оказался куда легче, чем для людей других этнических групп, — сходство их языка с ивритом очень велико. Сами они считают, что этот язык развился из разговорного языка евреев Вавилонии (некоторые ученые имеют на этот счет свои теории, но не о них сейчас разговор), и именуют его «лешон таргум». Он достаточно сильно отличается от сходного наречия христианского населения; к примеру, иракские арабы различают их и еврейский язык именуют «джабали» — «горский».

Собственно говоря, «курдскими» ассирийских евреев называют лишь потому, что основной район их исторического расселения — это обширная горная область в Малой Азии. Государства курдов в истории не было никогда, да и курды не были в Малой Азии единственным народом. Там еще живут ассирийцы-христиане двух религиозных направлений, арабы, персы... И еще были эти места Вавилонией, Сасанидским Ираном, Османской империей, а после ее распада стали Ираком, Сирией, Турецкой Республикой и т. д., и т. п.

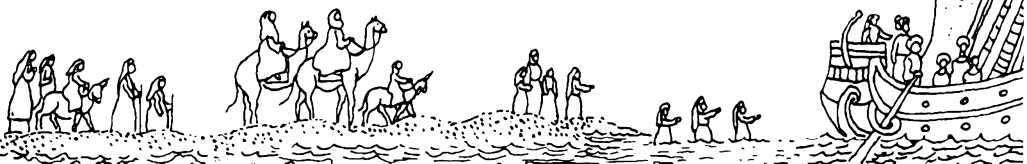
Мы говорим об этом столь подробно, чтобы стало ясным, почему эти места никогда не отличались стабильностью, жить там всегда было нелегко, и все всё время враждовали со всеми.

Добавьте к этому монгольское нашествие, походы Тимура, правление его потомков, а также чуму, саранчу, грабительство и землетрясения. Люди селились в горах, куда власть очередного завоевателя доходила лишь номинально, и там законсервировались обычаи и привычки средневековья.

«Евреями Захо» называют их, поскольку в городе Захо и обширных его окрестностях (Иракский Курдистан) проживало огромное количество евреев этой этнической группы.

В городах они занимались ремеслами: ювелирным делом, плотничеством, дублением кож; женщины ткали ковры, пряли шерсть. В сельской местности выращивали виноград, табак, пшеницу, а также — что редкость для евреев других групп — занимались отгонным и кочевым скотоводством.

Среди обычаев евреев Курдистана следует отметить поклонение могилам чудотворцев, известных раввинов

и тем местам, которые (скорее всего ошибочно) принимаются за могилы пророков. При этом с течением времени к тем же местам стали приходить курды-мусульмане; христиане же ассирийцы долгое время разоблачали «неподлинную святость» этих мест. Но прошло каких-то пять-шесть сотен лет, и христиане стали молиться у этих «могил»...

С XVI века община ассирийских евреев существует на Земле Обетованной. Там они занимались обычно физическим трудом, и сейчас, как говорят, среди иерусалимских грузчиков их процент по-прежнему высок. Дали они из своей среды министра обороны Давида Леви, много других военных и политиков... Сейчас в Израиле их проживает 80 тысяч человек, а за его границами осталось совсем немного: в Турции и Сирии, вряд ли в Ираке и Иране.

Нам же особенно интересна та их невеликая часть, которая волею судеб оказалась связанной с нами, тем уж хотя бы, что мы все жили в одной стране — СССР.

После Первой мировой войны, когда территория Курдистана не раз переходила из рук в руки и каждая новая власть начинала с насилия над попавшим ей в руки населением, люди тысячами бежали из родных мест. Бежали все. Но, естественно, прежде всего не мусульмане. Так, в Россию ушли ассирийцы, армяне, езиды и — евреи. Им всем ничего хорошего от мусульман ждать было нечего. Впрочем, по числу бежавших мусульмане превосходили остальных, только они, как правило, предпочитали не Россию, а исламские места. А также Америку и Австралию.

Лахлухи — происхождение этого наименования не выяснено — поселились в Тбилиси. Здесь они стали работать на стройках, а впоследствии освоили более престижную и полюбившуюся им специальность шоферов. Молились они в синагоге грузинских евреев, но чаще всего во дворе. Фамилии им были присвоены «на русский лад» — по имени отца: Биньяминов, Рафаилов, Мурадов, Барзанов.

В середине 30-х годов советские власти потребовали от всех проживавших в Грузии владельцев иностранных паспортов (в основном иранских) или принять советское гражданство, или покинуть страну. Это относилось, естественно, не только к евреям, но среди них количество ре-

шивших уехать — через Турцию в землю Израиля — было очень велико. Оставшиеся приняли советское гражданство. И в 1951 году как законные советские граждане были высланы в Восточный Казахстан. Гражданство великой страны, увы, предполагает и некоторые неудобства... Через несколько лет, после смерти Друга Всех Народов, часть из них вернулась в Грузию. Выезд в Израиль начался уже оттуда. Всего же в Тбилиси и Алма-Ате в восьмидесятих годах прошлого века насчитывалось около двух тысяч лахлухов.

Сколько осталось сейчас, сказать трудно: лахлухи — люди глубоко восточные и в отличие от большинства евреев до Европы так никогда не добравшиеся. Если уж трогаются с места, то только всем многолюдным кланом...

Автор этих строк встречался с лахлухами в 1983 году во дворе тбилисской грузинской синагоги. Как и все евреи в то время, они обсуждали отъезд. Меня познакомили с молодым мужчиной, сын которого обосновался в Израиле за несколько лет до этого. По его словам, тот был всем доволен.

— Смотри, — говорил отец мне, — он здесь кем был? Таксист, да? А там свой грузовик купил. Свой! — Он помолчал и добавил: — А потом, язык очень легкий. Как по-нашему, так и по-настоящему еврейскому. Только они некоторые слова очень смешно говорят...

Глава III,
где рассказывается о герах — людях,
добровольно взявших на себя нелегкий груз,
а также о том, откуда взялись
узбек Земельман и бурят Бершадер

Авраам
и сыновья его Ицхак и Иосиф

Великий рабби Шломо Лурия (кстати, предок Рошалай: известных наших врача и кинорежиссера, ибо эта фамилия — аббревиатура «реш-шин-ламед» расшифровывается как Рабби Шломо Лурия) относился к герам отрицательно. Не к самим людям, среди которых множество было достойнейших, а к самому явлению перехода в иудаизм. Он прямо сказал: «Пусть семья Израиля продолжает жить и занимать свое собственное место среди народов во все дни нашего изгнания, и пусть чужие, те, кто не из нашего народа, не присоединяются к нам». Сказал он эти слова в XVI веке и имел к тому все основания. Одно из них — соображение, что евреи, на плечи которых возложено служение Богу, не смеют облегчать своей ноши, перекладывая ее на плечи других. При этом никто не закрывал врат иудаизма от тех, кто хочет туда войти. Но с каждым из них надлежит беседовать, семь

раз отговаривая от этого шага и объясняя всю тяжесть избранной доли.

Но было и еще одно основание. Среди прочих обвинений, которые возводили, возводят и — боюсь — возводить будут на евреев, существует одно, очень укоренившееся: сделать «своими» (или, как бы сказали в нынешнем телесериале, «замазать») как можно больше ни в чем не повинных людей.

А XVI и предшествующие ему века давали возможность к умственным спекуляциям подобного рода. Скажем, приобретает зажиточный еврей где-нибудь в Кордовском халифате или в Багдаде рабов-христиан. Человек верующий, он, согласно закону отцов своих и отцов отцов своих, просто должен произвести над ними обряд обрезания и ритуального омовения. Естественно, что и обращение с таким рабом-единоверцем мягкое, и на седьмой год освободить его надлежит, хотя чаще всего в доме господина своего он и останется. И многие рабы изменяли вере своих отцов без особых раздумий. И мусульманские власти сему не препятствовали. Вот если бы раб перешел в ислам... Тогда он уже не мог оставаться во владении еврея (и христианина), да еще и отомстить бы мог прежним хозяевам, теперь неполноправным перед ним. Но... Перейти-то он бы мог, только начальником бы не стал, ибо продан был бы своему теперь единоверцу-магометанину. И остался бы рабом не на семь лет.

Христиане рассматривали отказ от своей религии как преступление, достойное смертной казни. Казнить стремились не только вероотступника, но и того, кто его совратил. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, сколько невинных евреев из-за этого пострадало.

Поэтому люди, пошедшие на такой шаг, бежали со своей «исторической родины» в другую страну, лучше — в иноверную, где мнение христиан мало кого интересовало. Что интересно — среди перешедших больше всего было священников и монахов. Во-первых, люди они были верующие и, придя к мысли об истинности того или иного верования, со своего пути не сходили. Во-вторых, люди они были образованные и могли черпать, так сказать, в первоисточниках. Придворный священник французского коро-

ля Людовика Благочестивого по имени отец Бодо принял иудаизм в 840 году, бежал в Испанию, принял имя Элезар и стал писать полемические антихристианские сочинения. Более того, он все время убеждал халифа Кордовы принудить местных христиан перейти в иудаизм. Говорят, халиф с интересом отнесся к этому предложению, но потом взялся за обращение этих неверных в ислам. Еврейская община вздохнула спокойнее: евреи ясно представляли себе реакцию в христианских странах и чем это все могло закончиться...

В 1312 году отец Вициллий из германского города Майнц написал ряд работ, в которых доказывал истинность еврейской веры. Есть мнение историков, что именно эта прозелитская ярость бывшего батюшки и привела к изгнанию евреев из города.

В XIV же веке евреи Арагона переправили на остров Мальорку группу немцев, ставших иудеями. Дело раскрылось, но евреи отделались крупным штрафом. Между нами говоря, легко отделались...

Овадия-гер родился в семье норманнского барона на Сицилии в XI веке. Тут нужно несколько объяснений. «Норманнский» — по-русски бы сказали «варяжский» — значит, что предки его были те самые викинги, которые наводили ужас на всю Европу с запада до востока. Действительно, норманны-викинги захватили власть во многих странах Европы и даже кое-где в Африке. Что далеко ходить за примерами: Рюриковичи происходили именно от норманнов (варягов). Герцоги Нормандии — тоже, отчего эта французская провинция и приобрела свое имя. И так далее. Но при этом власть свою они навязать могли, но ни языка, ни культуры не сохранили, ни языческой своей веры (скандинавы ведь крестились существенно позже других народов Европы). И по прошествии нескольких — двух-трех — поколений стали славянами, французами (а потом, захватив Британию, англичанами, хотя и не сразу).

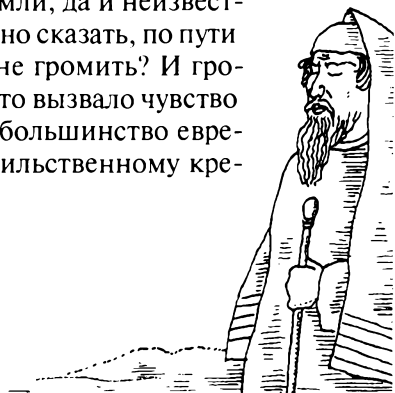
На Сицилии они, очевидно, заговорили на местном варианте «вульгарной латыни» (итальянского языка еще не было, а если и был, то за язык не признавался). Короче говоря, они уже стали сицилийцами (так сказать, будущими итальянцами).

янцами), а точнее — правящим на острове классом баронов-феодалов.

Пока норманны состояли в язычестве, о евреях они знали мало, что-то вроде «христиане их ненавидят, говорят, что они убили какого-то их бога». То, что богов много и их можно убивать в поединке, казалось норманнам естественным. В религиозные споры они не лезли. Естественно, крестившись, они приобрели несколько иное мнение о евреях.

Овадия при крещении получил имя Иоанн: имя Овадия — «Раб Божий» — он избрал себе сам и существенно позже. То ли от того, что рос он набожным мальчиком, то ли от того, что принято было в баронских семьях одного сына отдавать церковному служению, чтобы наследство, не дробясь, осталось в одних руках старшего сына, но стал он монахом. Библия восхищала его, а вот поведение братьев по монастырю и по вере — нет. Кроме одного. Этот один был архиепископом города Бари, и звали его Андреас. Архиепископ возлюбил Закон Моисея всем сердцем, перебрался в Константинополь (тогда центр православия), прошел в местной еврейской общине гиюр и переселился в Египет. В истово православном Константинополе, где католик рассматривался чуть ли не как еврей или сарацин, ему это сошло с рук, но все-таки задерживаться там не стоило: взяли бы власти, да и выдали его еретикам-латинянам в порядке, так сказать, жеста доброй воли.

В 1102 году Иоанн должен был принести священнический обет. Но в ночь перед этим событием было ему сновидение: должен он стать евреем. А дела у евреев в Европе пошли много хуже, чем было до тех пор: в 1096—1099 гг. состоялся Первый крестовый поход, во время которого в погромах погибли тысячи евреев. (Крестоносцев тоже, конечно, понять можно: пока дойдешь до Святой земли, да и неизвестно, как сарацины там встретят, а тут, можно сказать, по пути следования враги Христовы, чего ж их не громить? И громили, и убивали, и грабили.) У Иоанна это вызвало чувство глубокого сострадания. А тот факт, что большинство евреев предпочли мученическую смерть насильственному крещению, убедил его в их правоте.

Он бежал, как и Андреас, в Константинополь, начал там изучать иудаизм, но и туда пришли крестоносцы, которые вели себя в христианском городе весьма по-хамски. Иоанн был ранен крестоносцем, но выжил и перебрался в Багдад.

Кажется, он стал не просто евреем Овадией, но и очень хорошо разбирающимся евреем. Во всяком случае, когда в галилейском городке Баниасе соблазнял его своим лжеучением караим Шломо Коен, он отказался последовать за ним в Иерусалим.

Завершил свою долгую жизнь Овадия-гер (Овадия Обращенный) в Каире, в районе Фостат, славном своей древней синагогой и высокоучеными раввинами. Там, в знаменитой генизе синагоги, и найдены были его сочинения: «Мегилат Овадия» — «Свиток Овадии», по-нашему говоря: автобиография, хроники, молитвенники.

Но что самое интересное — самые древние записи синагогальных мелодий. Среди них — «Барух хагевер» в личной его обработке. Ее исполняют и по сей день в синагогах всего мира...

Но то были далекие от нас годы раннего Средневековья. Квакеров тогда еще не было. Они появились в Америке куда позже. Квакеры — протестантская христианская секта, очень строгая. У них нет священников и проповедников — каждый может прочесть проповедь после того, как община долго просидит в молчании, ожидая просветления свыше. Квакеры привыкли к преследованиям: еще в XIX веке они, убежденные противники рабства, организовывали неграм-рабам побеги, за что их сильно не любили и преследовали рабовладельцы. Главная же черта квакеров — упорство. Если квакер в чем-то убежден, свернуть его с этого пути невозможно. Квакер, американский консул Уордер Крессон в Иерусалиме, — в далекие османские времена — пришел к выводу, что истинная вера — это закон Моисея. Его назначили консулом США в 1844 году, а в 1848 он прошел гиюр, принял имя Михаэль и стал убежденным иудеем.

Жена отнеслась с уважением к перемене его взглядов, но еврейкой стать отказалась, а потому с ним развелась. (Тут возникла трудность: новоиспеченный Михаэль хотел

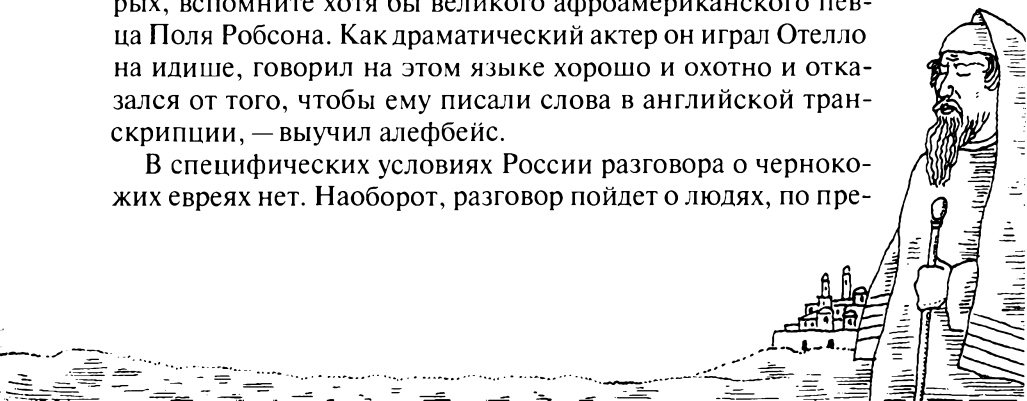
разводиться по еврейским обычаям, для чего в городе должна была быть река, жена же требовала его прихода в кваркерский молельный дом. В результате они развелись по отдельности.) Занятно, что единоверцы (бывшие единоверцы) не прокляли его, ибо — точно по их этике — он пошел путем, подсказанным Богом. Зато среди местных ашкеназов начали шириться сплетни и шепотки, что привело Михаэля (Уордера) Крессона к мысли, что ашкеназская община нуждается в усилении религиозного духа. Он женился на сефардке и стал видным членом сефардской общины. Так сказать, еврей-сефард англосаксонского происхождения. Ашкеназов он в чувство не привел, но сефарды столь его уважали, что похоронили на Хар-Зейтим, Масличной горе.

Случай из ряда вон выходящий, но лишь потому, что разговор идет о высоком дипломатическом чиновнике великой (даже в XIX веке) державы. Вообще же подобное случалось не раз и не два в истории человечества. Надо сказать, что редко в этом принимали участие евреи. После Вавилонского пленения прозелитизм в еврейской среде не приветствовался. Но это не мешало некоторым евреям пытаться обращать в свою веру иноверцев: они считали, что поступают согласно заветам Моисея.

Зловредная секта, или Как все это...

Среди анекдотов, которые известны всем (во всяком случае, евреям), есть такой: «Еврей входит в Нью-Йорке в метро и видит негра, читающего еврейскую газету. “Тебе уже мало, что ты — негр!” — произносит еврей со вздохом». Самое занятное, что у этого анекдота есть, так сказать, исторические корни. Во-первых, негры-иудаисты, а во-вторых, вспомните хотя бы великого афроамериканского певца Поля Робсона. Как драматический актер он играл Отелло на идише, говорил на этом языке хорошо и охотно и отказался от того, чтобы ему писали слова в английской транскрипции, — выучил алефбейс.

В специфических условиях России разговора о чернокожих евреях нет. Наоборот, разговор пойдет о людях, по пре-

имуществу светловолосых и голубоглазых: о русских крестьянах, избравших для себя Закон Моисеев.

Первое название «жидовствующие» появилось на Руси в официальных документах — административных и церковных — во второй половине XV века. Этим в тот период не ругательным, а констатирующим словом обозначали еретиков внутри православия, в коих видели склонность к иудаизму. Занятно, что до начала XVI века в Московском государстве не знали того резко отрицательного отношения к евреям и их вере. То есть, конечно же, церковные авторитеты в трудах своих всячески евреев клеймили, но имелись в виду современники Христа, допустившие распятие. Наоборот, ветхозаветные пророки, цари Давид и Соломон и прочая, прочая, прочая упоминались в самом положительном и даже трепетном смысле. С XVI века положение резко изменилось, и значительная часть энергии духовных и светских властей тратилась на всяческие меры по недопущению вредного племени в пределы Святой Руси. Многие историки полагают, что это тесно связано с «жидовствующими».

Летопись гласит, что некий Схария Жидовин (попроще: а ид Захария) прибыл в Новгород в свите киевского князя в 1471 году. Тут он почему-то «совратил в жидовство» двух городских священников (за людей простых он, судя по всему, не брался, вот все они такие!). Священников звали Алексей и Денис. (Как они сами себя стали называть, летопись не указывает, но нам кажется, что имена Моня и Додик прекрасно подошли бы этим отступникам.) Бывшие священники, а ныне труженики Моссада — или как тогда это называлось? — стали усердно свою ересь распространять и в том достигли успеха. Причем успех этот вовсе не остался незамеченным: новгородский архиепископ Геннадий начал преследование инакомыслящих, но...

Уже рука справедливого гнева трудящихся, можно сказать, занесена была над бывшими священниками, этими «оборотнями в рясах» (ибо внешне служили они по-прежнему в церковных должностях), как Великий князь московский Иван III назначил их на высокие церковные должности в Москву. Отчего? Почему? У Великого князя спрашивать о причинах его решений не было принято. Зато

плоды деятельности этих, с позволения сказать, священников в истории известны. В Москве появился новый и куда более мощный центр зловредной ереси: к ним примкнула невестка Великого князя Елена и влиятельный дьяк Федор Курицын.

А в Новгороде между тем прошли аресты «оборотней», и у них были обнаружены тетради, по которым они «молились по-жидовски». Дальше все пошло не хуже, чем в Испании: часть подозреваемых под пытками отреклась от ереси (а это значит, что пытки пошли им на пользу), часть — бежала на Москву, где нашла покровительство у вышеупомянутого Великого князя, часть же твердо приняла муки и смерть.

В Москве, однако, влияние «жидовствующих» продолжало расти. И они вступили в политическую борьбу, поддержав Дмитрия, сына княгини Елены, в борьбе за престол. Но тут Великий князь назначил наследником сына своего Василия, а дьяк Курицын умер. И началось искоренение: некоторых еретиков сожгли на костре (опять не хуже, чем в Испании), другие же бежали в Литву.

Читая обо всем этом, зная, что евреи избегают обращать других людей в свою веру, ибо царствие небесное обеспечено им, если соблюдают они Десять Заповедей, невольно сомневаешься: а переходили ли эти самые «жидовствующие» в иудаизм? Скорее всего в большинстве случаев — нет. Это были, наверное, поиски новых путей в христианстве. Зато на Москве установилось и пережило века и исторические формации неприязненное отношение к евреям, которые «христианский народ в жидовскую веру совратить ищут»...

В те теперь уже далекие годы, когда в паспортах граждан СССР существовал пункт «национальность», находилось немало (прямо скажем, довольно много) евреев, прилагавших все усилия, дабы иметь более удобную для жизни запись. Так появлялись русские, например, Александр Исаакович Идельсон, украинцы с фамилией Капцензон, татары или узбеки Земельманы и Гринберги. Кого это могло обмануть, не могу себе представить. Зато нееврейская часть населения обожала такие случаи обсуждать, добавляя обычно: «Папа — еврей, мама — еврей, а я сам — русский».

И в том, что любой еврей сделает все, чтобы евреем быть перестать, были поголовно уверены и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус. Друга степей калмыка не добавляю потому, что эта подлежавшая высылке нация сама при возможности меняла преступную национальную принадлежность на что-нибудь менее подозрительное. Например, «киргиз» — безопасно и внешне похоже.

А теперь представьте себе удивление переписчиков населения (еще в 30-е годы прошлого века), когда крестьянского звания и истинно славянской внешности (хоть в Кремлевский полк призывай!) люди на вопрос «национальность?» уверенно и твердо отвечали: «Яврей!» Так бывало в Воронежской области и в Астраханской, на Кубани и в Закавказье. И очень часто — в Сибири.

Государственного антисемитизма тогда еще в целом не было. Но в конце 50-х, когда понятие «пятый пункт» стало всенародно известным и признанным и снова производилась перепись населения, в тех же местах звучал тот же ответ. А в Сибири — куда, как вы понимаете, попали самые сильные в вере люди, — если опрашиваемого пытались убедить, что он не прав, обычно отвечали: «Тогда пиши “иудей”». И это было последнее, на что эти люди соглашались.

Люди эти стали евреями, пройдя гиюр, вытерпев преследования царских властей (переход из православия в любую другую религию считался уголовным преступлением), травлю соседей (эти-то последние, нимало не сомневаясь, сразу начинали их звать «жидами»). Нигде переход в иудаизм не принял такого размаха, как в России. Но это требует особого разговора. А сейчас ограничимся лишь констатацией этого факта и отметим, что у принявших гиюр было несколько выходов. К примеру, объявить себя генетическими, так сказать, евреями. Тут преследований по закону никаких, но зато ограничений в правах — сколько угодно.

Появились деревни субботников («в просторечии именуемых “жидовствующими”», как писал документ Св. Синода) в Закавказье, на Кубани (благодатный край этот не всегда приманивал иммигрантов, а служил еще и местом

ссылки) и — особенно — в Сибири. Количество их в России (и СССР) определить трудно. Казенные источники давали цифру тысяч в двадцать. Но поскольку многие из них, возвращенные в лоно христианства, тайно продолжали верить по-иудейски, цифру можно принять в несколько раз большую.

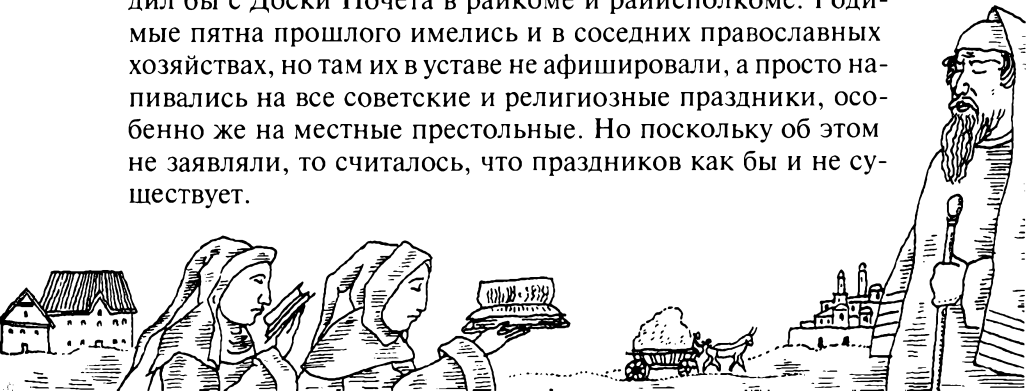
Конечно, правительство России (царской, царской!) было бы не правительством России, не прими оно решительных мер. И вы уже поняли каких. Из уездов и местностей, где обнаруживалась зараза, выселяли евреев. Этот метод, безотказный и простой, как куриный бульон при всех болезнях у идише маме, помогал всегда. Как мертвому припарки...

Автор этих строк сам разговаривал с пожилой женщиной из деревни в Астраханской области.

— Собрались старики, а миньяна нет, — говорила эта славянская женщина, слегка подвывая на еврейских словах, — а тут к одному внук с городу приехал. Так старики его боялись, шо комсомолец, а он как увидел, так кипэ одел и так с ними тэйрэ читал, шо аж ой вей...

А был еще колхоз «Еврейский крестьянин».

Это словосочетание (не путать с бессмертным «евре-ем-оленеводем» Александра Лебеда), во-первых, не столь уж бессмысленно, а во-вторых, такой колхоз, созданный в 20-е годы прошлого века в деревне Ильинка, существовал в Воронежской области, пока его — в порядке укрупнения — не слили с большим колхозом «Россия». В уставе колхоза суббота раз и навсегда объявлялась нерабочим днем. А также Суккот, Рош-Ашана, Йом-Кипур и, конечно же, Песах. Не будь этих религиозных пережитков, несомненных родимых пятен капитализма, «Еврейский крестьянин» не сходил бы с Доски Почета в райкоме и райисполкоме. Родимые пятна прошлого имелись и в соседних православных хозяйствах, но там их в уставе не афишировали, а просто напивались на все советские и религиозные праздники, особенно же на местные престольные. Но поскольку об этом не заявляли, то считалось, что праздников как бы и не существует.

История Ильинки и такого же поселка Высокий началась с того, что субботники из деревень Озерки, Клеповка, Гвазда, Бутурлиновка, Верхняя Тишанка и еще нескольких переселились в 1920–1921 годах на бывшие помещичьи земли и создали те две деревни, о которых мы ведем речь. Эти субботники скорее всего никакой связи со злой сектой жидовствующих XV–XVI веков не имели. То были крестьяне, разочаровавшиеся в государственной религии, которая в их сознании не отделялась от властей имущих, и искавшие в христианстве новых путей. Времечко было нелегкое — 70–80-е годы XVIII века: подавление Пугачевского бунта, когда жизни народу, особенно же крепостным, не было никакой. Да и государственные крестьяне могли быть в любой момент подарены очередному фавориту императрицы. У тех, кто мыслил о возвращении к простоте и порядочности жизни библейских патриархов, усиленно изучал Ветхий Завет, появлялось желание многое перенять у народа Израиля. К примеру, праздновать субботу. Аргумент: и Иисус ее праздновал.

А другие пошли дальше — вплоть до полного гиюра.

Скажем, на Кубани субботников звали «псалтиршиками». А в российском законодательстве начала XX века они именовались «субботниками иудейского вероисповедания». Чувствуете прогресс? Не «жидовствующие», что звучало бы невежливо, а просто как в Европе: «иудейского вероисповедания»... Более того, после Манифеста о свободе совести, учитывая, что местные власти чинили этим, так сказать, «лицам иудейского вероисповедания» разные ограничения, МВД в 1909 году направило специальный циркуляр (и не один) о том, что лица «иудейского вероисповедания» имеют те же права, что и коренное население. Тем не менее сами «псалтиршики» окончательно отвергли христианство и старались сблизиться с евреями. И даже стали переселяться в кибуцы турецкой тогда Палестины. Через два-три поколения они растворились среди евреев. Чего, кстати, очень хотели.

Известно, что в России они собирались на деревенских площадях, чертили на земле карту Святой земли и делили ее между собой. Бедный Арафат тогда еще не родился, а то сколько переживаний ему бы это доставило!

Другая группа субботников называлась «талмудистами» или «шапочниками», поскольку дома они всегда ходили в головных уборах. Согласитесь, для русской деревни это весьма экзотично. Их больше всего было на Кубани, в Закавказье и на станции Зима в Сибири. Там даже была сионистская организация.

Мало кто знает о деревне Мычково Шацкого уезда. Шацкий уезд, где деревня числилась, относился к Рязанской губернии.

Деревня была очень бедной даже по меркам небогатой нечерноземной Рязанщины. Но при этом довольно большой, и каждый конец деревни имел свое неформальное, так сказать, наименование. Нас может заинтересовать тот конец, что носил название Жиды. Сразу заметим, что в этом слове не содержалось ни капли ругани. Просто констатация факта.

А вот какого факта — не разобраться. Ни один из сельчан, с кем приходилось встречаться в Москве (и от которых автор и услышал все это), не мог мне толком объяснить, откуда это название взялось. Правда, говорили, что люди на этом конце проживали чернявые и курчавые. «Ну, — рассказывала одна пожилая женщина, — смотрю: долгорыл да носоват. Прямо как у нас в деревне, на Жидах». Согласитесь, что какой-то намек на антропологию присутствует, но, увы, маловатый. Однако некоторое наличие переднеазиатского расового элемента (скажем строго по-научному) всеми отмечалось. Уже больно он выделялся среди мычковчан с их широкими лицами, курносыми носами и светлыми волосами, которые просто вопиют о восточно-финском происхождении.

Упоминание о восточных финнах (марийцах, удмуртах, коми, мордве) пусть не смутит вас, читатель. В происхождении (этногенезе) великорусского этноса они сыграли едва ли не основную роль. Впрочем, не только финно-угорский или тюркский элементы участвовали в русском этногенезе. Но все же не беремся утверждать, что семитский.

Но... Среди имен жителей мычковского конца Жиды были и Моисей, и Иосиф. Конечно, оба этих имени при-

сутствуют в православном календаре. Но много ли Моисеев и Иосифов (Абрамов, Исааков и т. д.) встретите вы в нормальной русской деревне?

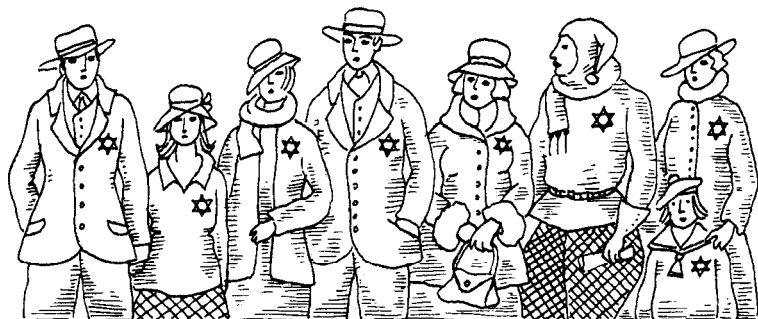
Выяснилось, что верой обитатели Жидов тоже никак не выделялись. Ходили в ту же самую церковь, что и остальные, пока церковь не разрушили, разумеется. Занимались точно такой же крестьянской работой без отпусков и перерывов. Надежда на то, что среди них преобладали ремесленники — ну хоть кузнецы или хоть слесарь-ключник (фотографы, само собой, в Мычкове не водились), — тоже оказалась ложной. Нет, крестьяне-бедняки, и все.

А женились-то между собой? Нет, женились тоже как все: кто на другой конец дочку отдавал, у кого сын жену брал из другой деревни.

Просто мистика какая-то. Будем надеяться, что появятся этнографы, которые направят свои стопы в таинственные дебри деревни Мычково, в ту ее часть, что называется Жиды. Ибо дыма без огня не бывает...

Глава IV,

где рассказывается о местах куда менее экзотических, чем княжества у озера Тана, но тоже очень — с точки зрения нашей темы — малоизвестных, а также объясняется, почему стоит сказать доброе слово об албанцах

История тем и интересна, что не кончается, и каждое последующее событие проливает совершенно новый свет на прошедшее, и если не меняет оценок, то хотя бы смягчает их. Или — наоборот — ужесточает.

Казалось бы, история Швеции, Норвегии и Финляндии в применении к еврейскому вопросу демонстрирует нам одно и то же упорное нежелание допустить евреев на свои территории. Дело тут не в некоем зловредном антисемитизме, а скорее в полном незнании евреев реальных и в оценке их, так сказать, по литературным источникам. Но в конце XIX — начале XX века все средневековые ограничения отпали, и в каждой из упоминавшихся нами стран Скандинавии сформировалось по еврейской общине — конечно же, очень маленькой: как-то не привилась у евреев привычка жить в тех краях. Даже в благосклонной к сынам Израилевым Дании евреев не так уж много. То ли оттого, что уже в XVII веке там преобладали сме-

шанные браки с последующей неизбежной ассимиляцией, то ли оттого, что, покидая более заселенные (а то и перенаселенные) евреями страны, они предпочитали устремляться в Новый Свет.

В Норвегии к началу Второй мировой войны проживало немногим менее двух тысяч евреев, примерно столько же — в Финляндии и около 10 тысяч — в Швеции (но и сама страна эта — покрупнее других).

Наверное, какой-то слабый, на бытовом уровне, антисемитизм в этих странах существовал — скорее, умозрительный, как к врагам Христовым, но сравнивать его с «нормальным», хорошо нам знакомым антисемитизмом Восточной (а частично и Западной) Европы попросту невозможно. В Швеции, правда, довольно долго существовали прогерманские настроения, однако широкого распространения они не получили. Почва для них тем не менее создавалась — распрекрасными утопиями нордическо-германской общности (ведь и шведы, и норвежцы, и датчане, и исландцы — народы германские, а немцы, кстати, с точки зрения ревнителers германской чистоты, суть не более, чем скопище метисов славяно-кельтских кровей... впрочем, оставим древний спор германцев между собою...). В любом случае сама мысль о том, что в страну хлынут беженцы из Центральной Европы, приводила шведов в ужас. А беженцы непременно должны были хлынуть, ибо началась Вторая мировая война.

Судьбы скандинавских стран оказались очень разными. Дания и Норвегия попали под немецкую оккупацию. Финляндия стала союзницей гитлеровской Германии. Швеция, опасаясь прихода немцев, старалась лишний раз не раздражать фюрера.

Хоть финны и союзничали с Германией (к чему их толкнула только-только закончившаяся война с Советским Союзом), но в вопросах суверенитета немцам потакать не собирались. В том числе и в еврейском. Никаких расовых законов, никакой селекции среди советских пленных, коих в их распоряжении оказалось великое множество. И никакой выдачи беженцев. Был, впрочем, один случай, когда

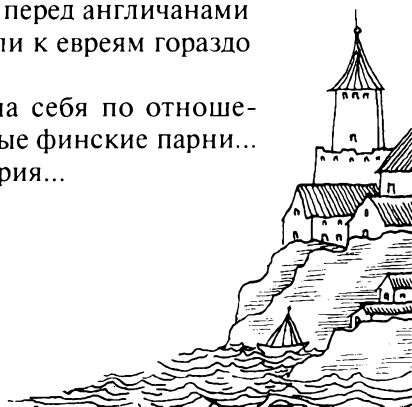
полицейский комиссар по фамилии Ахто не пустил в страну нескольких еврейских беженцев из Эстонии и отправил их обратно, но ему были представлены документы о том, что они — уголовные преступники. Честный финский парень просто представить себе не мог, что документы от полиции другой страны могут оказаться ложными. Сам бы он такого ни в жисть не подписал! Когда случившееся получило огласку, господин Ахто лишился своего поста, причем так переживал по этому поводу, что попросил отправить себя на Восточный фронт (впрочем, Западного у Финляндии и не было).

Норвегии повезло меньше. Так уж вышло, что личность ее военного министра Квислинга стала нарицательной для обозначения изменника, зато сочувствия населения к германским братьям было до такой степени недостаточно, что даже крошечного батальончика СС из этих германцев (куда более чистокровных германцев, чем сами немцы) набрать не удалось. Несколько сотен евреев тем не менее попали в лапы оккупантов и были депортированы, но большая их часть при содействии норвежских партизан и — не удивляйтесь! — норвежских полицейских была переправлена в соседнюю Швецию. Где к тому времени успели собраться почти все евреи из Дании, перевезенные на лодках датскими рыбаками. Тут стоит помянуть шведов добрым словом.

А вот польских евреев (а это многие и многие тысячи!) они если б даже и пустили, то лишь транзитом (с пунктом назначения последнего, правда, возникли бы трудности). В данном же случае дело шло о гражданах братских стран, людях цивилизованных и образованных. Как говорится, и на том спасибо!

Когда же ход войны переломился и страх перед немецкой оккупацией сменился опасениями перед англичанами и американцами, шведские власти стали к евреям гораздо гостеприимнее.

А вообще, если бы вся Европа вела себя по отношению к евреям, как скандинавы и честные финские парни... Но это была бы уже совсем другая история...

Горячие финские евреи

Не следует понимать слово «горячие» буквально: действительно, чего уж там особо горячего!.. Евреи как евреи, ничего особенного. И темперамент проявляют разве что когда фрейлехс танцуют или с пеной у рта каждый свое мнение отстаивают (как и положено евреям — три мнения на двоих).

Куда занимательнее выглядит определение «финские». Существуют ли финские евреи вообще или же есть просто-напросто некоторое количество лиц «еврейской национальности», проживающих на территории Суоми и имеющих гражданство этой страны? Ведь сам факт проживания группы евреев в какой-либо стране еще не означает возникновения соответствующей этнографической группы. В случае же со Страной тысячи озер (таково поэтическое название страны) справедливо, скорее, второе: на ее землях проживают евреи. Не так уж давно, кстати, проживают. Тому есть несколько причин, корни которых следует искать в глубинах финской истории. До 1918 года страна эта была объединена с Россией личностью самодержца — императора Российского, Царя Польского, Великого Князя Финляндского и прочая, прочая, прочая... Это отнюдь не означало, что на Финляндию распространяются законы Российской империи: в российской армии финны не служили, денежную единицу имели отдельную, русский язык официальным для них не являлся (да и неофициальным тоже). Одной из привилегий Финляндии был запрет русским подданным селиться и заниматься предпринимательством на ее территории. Естественно, не существовало там ни черты оседлости, ни процентной нормы.

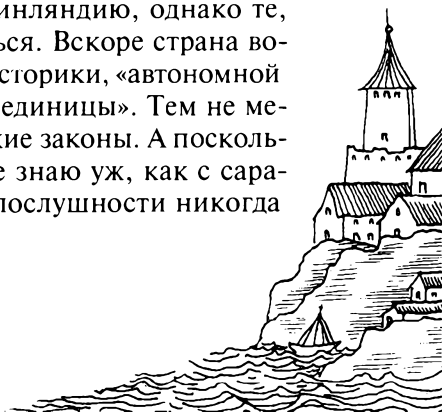
Райскую эту картинку портит всего одно обстоятельство: евреям вообще был запрещен въезд на финскую территорию более чем на три дня. А обошедшим оное ограничение запрещалось заниматься чем бы то ни было, кроме торговли поношенным платьем. И еще нельзя было вступать в брак. Вот она, темнота Средневековья! Вот они, горячие финские парни! Вот он, их неистовый антисемитизм!..

Успокойтесь, читатель! Ни тогда, ни потом антисемитизм не был составной частью национального сознания и самосознания финнов. Не то чтобы все финны прямо-таки задыхались от любви к евреям, нет — просто антисемитские извращения им в голову не приходили. Не было этой проблемы в Финляндии, а значит, снимался и сам вопрос.

А как же пресловутые суровые запреты?

Объясняем: на территории Финляндии действовали старые шведские законы — те, которыми эта страна управлялась до перехода под скипетр российского императора. Впрочем, Швеция тоже не грешила антисемитизмом и головной боли из еврейской проблемы себе не делала. Просто по-северному просто и сурово заботилась о чистоте своего лютеранства. А потому доступ в пределы Шведского королевства (охватывавшего одно время сопредельные Норвегию с Финляндией) был запрещен всякому, кто сию чистоту мог нарушить — соблазняя ли подданных, обманывая ли их. К моменту введения в землях Скандинавии лютеранства таковыми нежелательными элементами-иноверцами считались паписты (католики), сарацины (по-русски говоря, мусульмане) и — ну куда ж без них! — евреи. Читатель может поверить, что с папистами-то были знакомы многие, а вот сарацинов и евреев от шведского почти жаркого юга до лапландской тундры никто и в глаза не видывал. Но духовенство здешнее было начитанным и хорошо знало, что они суть враги веры Христовой.

В Швеции, владевшей большей частью финской территории, евреям с 1781 года дозволялось жить лишь в четырех городах, ни один из которых, увы, финским не был. Правда, во второй половине XVIII века какие-то крайне немногочисленные евреи в Финляндии все же имелись. Король Густав IV Адольф (1792—1809) запретил «последователям Моисеева закона» въезд в Финляндию, однако те, кто там уже проживал, могли остаться. Вскоре страна вошла в Россию в качестве, как пишут историки, «автономной административно-территориальной единицы». Тем не менее Александр I сохранил все шведские законы. А поскольку запреты относительно евреев (не знаю уж, как с сарацинами) при всей финской законопослушности никогда

в действительности не соблюдались, то следующему императору, Николаю I, пришлось дать финским органам самоуправления указание: паспортов для въезда в Россию евреям не выдавать. Самодержец евреев не любил, не скрывал этого и знал, что делать.

С другой стороны, это означало, что определенное количество «последователей Моисея» в стране Суоми все же набралось, и бдительный Николай предчувствовал, что они готовятся к массивированному вторжению.

А проживало в Финляндии чуть более тысячи евреев...

Очень странная страна — другим словом Данию и не назовешь.

Как вам понравится: немецкая администрация попросила видного датского писателя Пера Нильссена написать для пронемецкой газеты статью о вреде евреев для Дании. Дело было во время оккупации, а от Нильссена немцы вправе были ждать сочувствия: он написал немало книг, где воспевал викингов, германскую (не в смысле «немецкая», а варварских германских племен) удадь и отвагу. И вообще ни в каком оккупированном государстве не составляло труда найти местного активиста. Или человека, который бы за дело взялся, а друзьям втихомолку объяснял, что, мол, заставили. И с удовольствием пересчитывал бы гонорар. Нильссен отговариваться не стал, сказал, что почтет за честь, что это его долг. В условленный срок статью принес, и ее напечатали.

На следующее утро вся страна ее читала. И покатывалась с хохоту. «Евреи, — писал Нильссен, — наносили нашей маленькой родине непоправимый вред. Они скупали лучшие сорта бекона и ветчины и съедали их сами, не оставляя ничего датскому народу. Теперь благодаря нашим освободителям этому издевательства над датским народом положен конец».

Знаете, мало в чем евреев в разных местах не обвиняли, кроме... повышенной любви к свинине. И издевательский характер статьи был ясен всем, хотя придраться вроде бы и не к чему: так человек думает. Мысли, в сущности, правильные, форма выбрана неверная. (На всякий случай

Нильссен перебрался на лодке в близкую Швецию — туда же, куда переправили практически всех датских евреев.)

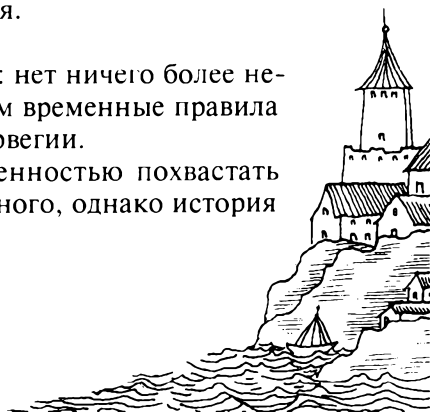
Общеизвестно, как датчане, включая короля, все вышли на улицу с желтыми звездами, как перевозили своих еврейских сограждан через пролив. Менее известно, что во всей датской истории, начиная с 1623 года, когда король Кристиан IV пригласил португальских марранов из Амстердама поселиться в стране, обещав им привилегии и свободу вероисповедания, нет никаких преследований евреев, ограничений их в правах и прочего. Это тем более удивительно, что по языку датчане близки немцам, географически — Польше, а датская принцесса стала матерью последнего русского императора. Во всех этих странах датчанам могли бы порассказать о евреях очень много поучительно. А вот же...

Герой романа датского писателя Мартина Андерсена Нексе «Мортен Красный» приезжает в Германию в самом начале прошлого века. Не то что до Гитлера, до Первой мировой войны еще далеко. Но героя бьют буквально по ушам антисемитские разговоры на каждом шагу. В Дании он этого никогда не слышал. Хотя езды от Копенгагена до Германии — даже по тем временам! — всего ничего, и по-немецки все читать умеют. Странная страна, непонятная нормальному человеку!

Может быть, дело в том, что евреев не так уж в стране много — тысяч семь с половиной, — так и датчан тоже не миллиард. Хорошо, то была оккупация, особые условия. Но в 1969 году, когда Народная Польша решила избавиться от остатков неблагодарного еврейского населения, Дания предложила принять полторы тысячи человек. По тому, сколько в Польше евреев оставалось, — очень значительную часть. Загадка Дании и ее ненормального поведения еще ждут своего научного разрешения.

Тысячелетний еврейский опыт учит: нет ничего более незыблемого и вечного под Луною, чем временные правила о евреях. В любой стране. Даже в Норвегии.

Евреи здесь никогда многочисленностью похвастать не могли, да и сейчас их не особо много, однако история

их от этого менее интересной не становится. Как, впрочем, и сама норвежская история.

Судьбы стран Скандинавии вообще своеобразны. К примеру, мы до сих пор не можем с полной уверенностью утверждать, существовал ли здесь феодализм, как в других западноевропейских государствах. В Дании — да, был. А вот у ее северных соседок — неизвестно. А промышленная революция? Удивительнейшая ситуация: все страны как на подбор промышленно развиты, а вот была ли соответствующая революция?.. В общем, загадок тьма. Но, главное, никогда с уверенностью не скажешь, с какой из стран имеешь дело. Так уж получилось, что на протяжении столетий они чуть ли не по очереди побывали одна в составе другой, отстаивали свой суверенитет, чтобы потом бороться с движением за независимость у соседей, которые из угнетателей превратились в угнетенных... Конечно, это прежде всего относится к Дании со Швецией. Норвегия же обычно то входила в состав одной из них, то состояла в унии с другой, что в общем-то практически одно и то же.

При этом каждая страна, добившись вожделенной независимости, со скандинавской аккуратностью оставляла в силе принятые прежде законы. Последние, разумеется, множились, нередко вступая в противоречие друг с другом.

До 1814 года Норвегия почти 450 лет пребывала в зависимости от Датского королевства. И с завидным упорством отстаивала свои привилегии. Их, может, имелось не так уж и много, но каждая из них была по-своему дорога суровому норвежскому сердцу. В частности, вопрос о допуске в страну иностранцев (и иноверцев), который оставался в ведении местного стортинга — органа, так сказать, самоуправления в рамках датской монархии.

В 1657 году датский государь предоставил право свободного проживания в своих владениях «португальским евреям» (в основном из Нидерландов и Северной Германии). А владения эти были куда обширнее территорий нынешней Дании — охватывали Норвегию, Исландию и Гренландию. Неизвестно, как на это монаршее решение отреагировали исландцы. Скорее всего никак: хватало им борьбы против датского гнета, да и весьма затруднительно представить себе

евреев, рвущихся в тогдашнюю Исландию с ее климатом и экономическими условиями. Точно так же равнодушными к возможности еврейской экспансии остались и гренландские эскимосы. А вот Норвегия признать это право отказалась.

То ли сильна была в норвежцах протестантская вера, исказить которую могли «иезуиты, евреи и сарадины», то ли бурлило в них желание доказать датчанам, что, мол, все равно сделают по-своему (в рамках закона, разумеется). Скорее всего второе. Заметим, что король датский вовсе не настаивал на немедленном вселении в страну католиков и магометан, подразумевая исключительно «португальских евреев» (сефардов, по-нашему). Но норвежцы уперлись со всей свойственной им горячностью. И великим упрямством.

Датский трон подтверждал права «португальских евреев» в 1670-м, 1684-м и 1750 годах. Но наследники норвежских провинциально-государственных мужей всякий раз отвечали твердым отказом. В 1814 году Норвегия перешла к Швеции, а у той правила насчет католиков, мусульман и интересующих нас евреев оставались неизменными. И вскоре крайне немногочисленные евреи, осевшие в стране фиордов, были из нее высланы. Не беремся утверждать определенно, но скорее всего именно нежелание шведских властей впускать евреев на свою территорию и способствовало тому, что прогрессивно настроенные представители норвежской интеллигенции начали поднимать вопрос о допуске евреев в страну. И в 1844 году стортинг разрешает его — опять-таки «португальским евреям». Такое пристрастие к эпитету «португальский» можно объяснить лишь тем, что эти — хотя и некрещеные — люди пострадали в свое время от католиков и католическо-иезуитскими агентами быть уж никак не могли (но это, предупреждаем, не более чем предположение).

К 1900 году в Норвегии проживали уже аж 642 еврея. Насколько они были «португальцами» — судить не нам. Скорее всего не особенно. Как бы то ни было, но в 1925 году в Тронхейме открылась самая северная в Европе синагога...

Была такая шведская королева. Ее звали Кристина, она жила в XVII веке и очень интересовалась священными ев-

рейскими текстами. Королеве можно было бы посочувствовать: выучила столь трудный язык, а поговорить не с кем. Евреям в Швеции жить запрещалось — кроме тех, что изъявили желание креститься. Но уж они-то точно или не были знатоками Писания, или — если предположить, что были, — став лютеранами, утрачивали немедленно всякое желание говорить на еврейские темы (да еще на еврейском языке). Наверное, поэтому королева добилась права проживания в Швеции для семьи Бендито де Кастро (Кастро был ее личным врачом) и семьи Диего Тейксейра, личного банкира.

Звучные эти имена показывали только на то, что предки их прибыли с Пиренейского полуострова. К моменту королевского приглашения минимум два поколения Кастро и Тейксейров жили в Гамбурге. Занятно, но ко времени королевы Кристины еще никаких формальных запретов для евреев на въезд в Швецию не существовало. Не пускали — и все тут. (Добавим, что не пускали также католиков и не пустили бы магометан, но последние, еще не освоив массовое производство шаурмы в мелких торговых точках, в Швецию не рвались.)

Какие-то евреи все-таки в Швецию приезжали, селились в стране, но во избежание скандалов крестились. При этом получали особые привилегии и денежную премию. О них и говорить-то не хочется, и жалкий конец их закономерен: превратились в обычных шведов, что и неудивительно во втором-третьем поколении при смешанных браках.

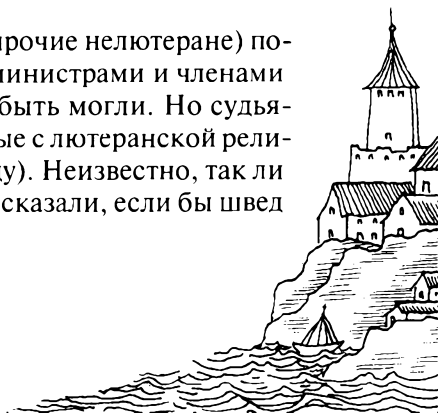
В конце XVII группа ашкеназим попыталась основать в Стокгольме небольшую общину — очевидно, для того, чтобы все было как в приличных столицах Европы. Вот тут-то и приняли первое постановление по еврейскому вопросу: евреям предписывалось немедленно покинуть страну, «ввиду опасности их влияния на чистоту евангельской веры». Шведы настолько разгорячились, что в следующем году приняли еще одно постановление, согласно которому евреи имели право въезда в страну только для того, чтобы «учиться истинной вере с обязательным последующим крещением».

Карл XII, очевидно, потрясенный Полтавской битвой, позволил вдруг евреям, попавшим в страну, про-

водить свои богослужения. Но жить они по-прежнему могли только временно. Вообще шведские короли постоянно пытались поселить в своей стране евреев, но на пути их благих намерений столь же постоянно становился парламент-риксдаг. У демократии, что ни говорите, есть и отрицательные черты... Так что, когда король Густав III в 1772 году произвел тихий государственный переворот, в Стокгольме была создана еврейская община. Ограничений при этом было введено видимо-невидимо (жить только в четырех городах, не открывать религиозные школы, продукты питания продавать только евреям и прочая, прочая, прочая). Между нами говоря, в большинстве европейских и мусульманских государств, где проживание евреев было не предметом дискуссий, а фактом реальности, этих ограничений было куда больше. Поэтому то, что государственная служба была для евреев закрыта и правом голоса они не обладали, не казалось им чем-то тяжким и унижительным. Зато они имели полную автономию в вопросах религии, традиционного права и прочем. И уж совсем удивительно: особо заслуженным «последователям Моисеева закона» позволено было вступать в смешанные браки, не меняя своей религии. Для примера: в России об этом и речи быть не могло, причем это касалось всех нехристиан; христиане же (но не православные) в брак с православными вступать могли лишь при условии, что дети будут православными.

Далее история евреев в Швеции претерпевала разные повороты: они чуть было не получили все права, но кто-то из свободолюбцев вспомнил, что такие же права должны получить и католики, и вспыхнули страсти. В результате католикам прав не дали, а евреев на всякий случай в правах ограничили, хотя и не так сильно, как сто лет назад — дело было уж в XIX веке.

Наконец, в 1870 году евреи (и все прочие нелютеране) получили все права — кроме как быть министрами и членами Государственного совета. Судьями быть могли. Но судья-еврей не мог разбирать дела, связанные с лютеранской религией (отменили это только в 1951 году). Неизвестно, так ли это было евреям нужно? А что бы вы сказали, если бы швед

в Полтавской, скажем, синагоге начал бы разбирать вопросы галахического права?..

С буквы «J» начинается немецкое слово «Jude» — еврей. В отличие от приснопамятного пятого пункта советских времен, который мог причинить — и причинял — неудобства в жизни, в гитлеровские времена такой буквой (в шестиконечной звезде) метили приговоренных к смерти. Приговоренных только за принадлежность к «еврейской расе», что рассматривалось как преступление. В картотеках заключенных концлагерей так и числилось — «преступление: еврей» (а национальность писалась по подданству.)

Но мы говорим не об администрации гитлеровских концлагерей, о ней известно многое. Мы говорим о правительствах совершенно демократических стран, которые попросили германский МИД ставить букву «J» в заграничных паспортах выезжающих из Третьего Рейха евреев. И если бы кто-нибудь обвинил чиновников этих правительств в расизме и антисемитизме, они бы сильно и искренне обиделись. С их точки зрения совершенно обоснованно: при чем здесь антисемитизм, когда речь идет только о том, чтобы охранить свои страны от многолюдного и неконтролируемого потока беженцев! Мы, господа, в сущности, маленькая страна, уют и покой которой создавался веками, и мы не можем позволить, чтобы иностранцев в стране стало слишком много.

Так — или примерно так — могли бы отреагировать правительственные чиновники Швеции и Швейцарии. Ибо ни в одной другой стране, не оккупированной немцами или не входившей в гитлеровскую коалицию, подобного свинства (плюнем разок на политкорректность!) не наблюдалось.

Что касается Швеции, о которой мы уже раньше рассказывали, то там влиял ужас перед возможной немецкой оккупацией (слева оккупированная Норвегия, рядом — оккупированная Дания, справа Финляндия — союзник Германии, где, впрочем, ни малейшей слабину в расовых вопросах, как ни давил мощный союзник, не допустили). И чтобы не вызвать недовольства Рейха, решили заранее знать, кто рвется в страну. Особо-то никто не рвался, зато евреи,

прежде всего немецкие, которым нетрудно было в Швеции натурализоваться, а также польские — по определению дикие и не доросшие до европейской цивилизации, пытались там скрыться. И вот эта меточка, которую немцам легко и привычно было штемпелевать, помогала шведским властям отделять, так сказать, агнцев от козлищ. Просьба была направлена в германский МИД в сентябре 1938 г.

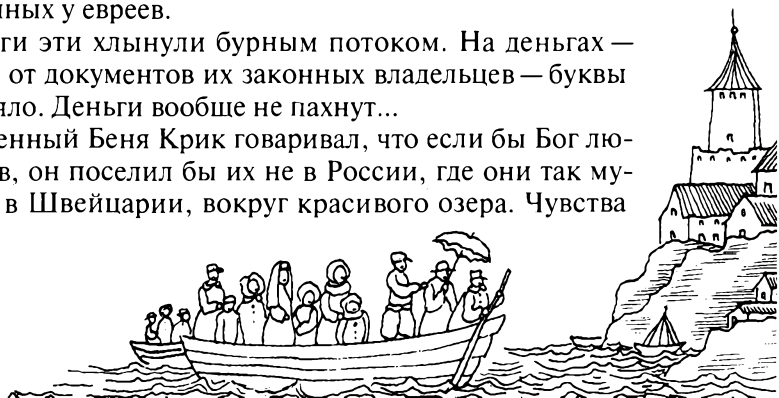
Надо сказать, что шведская общественность встретила этот факт возмущением и протестами; власти же просили газеты и общественных деятелей вести себя тихо, чтобы не огорчать Гитлера — точнее, «не злить». Впрочем, в 1942 г., когда немцы начали аресты евреев в Норвегии (а положение на фронтах позволяло уже меньше считаться с Германией), власти позволили им переправиться в Швецию, а потом то же произошло с датскими евреями.

Но не будем кидать камни в шведов: и Рауль Валленберг был шведом, и все шведское посольство в Венгрии сыграло огромную роль в спасении евреев. И с Израилем у Швеции прекрасные отношения, хоть и убили боевики группы «Лехи» в 1948 году в Иерусалиме шведского графа Бернадотта — посредника ООН и племянника короля... Но все же, не было б этой метки «J», сколько народа могло бы спастись...

Швейцарские же власти во второй половине 1930-х годов, когда начался массовый исход евреев из Германии, а потом — из оккупированной ею Австрии, тоже попросили немецкие власти ставить знак «J» в еврейских паспортах. Очевидно, мало какую просьбу соседней нейтральной страны немцы выполнили с таким удовольствием и сноровкой. Швейцарии, надо сказать, немецкая оккупация не угрожала, и в Швейцарии об этом прекрасно знали: нужно же было фашистам надежное место для хранения денег. Особенно — награбленных у евреев.

И деньги эти хлынули бурным потоком. На деньгах — в отличие от документов их законных владельцев — буквы «J» не стояло. Деньги вообще не пахнут...

Незабвенный Беня Крик говаривал, что если бы Бог любил евреев, он поселил бы их не в России, где они так мучаются, а в Швейцарии, вокруг красивого озера. Чувства

Бени понять можно, но вот со знанием мира за пределами Одессы у него было плоховато. Красивое озеро (и не одно) в Швейцарии, конечно, есть, но этот географический факт никак не смог бы облегчить евреям судьбу. Хотя бы потому, что никто их поселиться вокруг этого красивого озера не приглашал. Более того: реши они там поселиться, им бы никто не позволил. Ибо швейцарцы так любят свой уютный дом в горах, что даже мысль о том, что туда могут нагряться чужаки, им непереносима. Особенно если чужаки — евреи. Вообще-то в швейцарских законах существовал пункт, согласно которому страна предоставляет убежище беженцам. Но с принципиальным добавлением: «исповедующим христианскую веру».

Что ж, положа руку на сердце признаем: в своем доме каждый волен распоряжаться как ему угодно. Особенно если дом этот мал и независимость его пришлось отстаивать много веков: то от австрийцев (на чем специализировался знаменитый Вильгельм Телль, поразивший стрелой яблоко на голове собственного сына), то от Наполеона, авторитарно внедрявшего в независимой республике свои законы... И что с того, что законы эти были прогрессивны! Швейцарское понятие «не наше!» отвергало как эти прогрессивные законы, так и само понятие «Гельветическая республика» (государственное образование на территории Швейцарии, находившееся под протекторатом Франции).

Тем не менее именно благодаря наполеоновским законам в Швейцарии (Гельветической республике) вновь стали селиться евреи. К тому времени те немногие евреи, поселившиеся в Швейцарии с XIII столетия, были уже двести лет как изгнаны. По религиозным, разумеется, причинам. Впрочем, дело было еще и в том, что единственным занятием евреев в этой стране были финансовые операции — как правило, не приносившие популярности людям, которые ими занимались. К XVIII веку в стране существовали всего три крошечные еврейские общины в трех маленьких городках графства Баден, не являвшегося к тому же полноправным членом Швейцарской Конфедерации. (По иронии судьбы, именно финансовые операции спустя несколько веков стали основой швейцарского благосостояния, но это

вовсе не означало, что местные банкиры мечтали поселить в стране опасных конкурентов.)

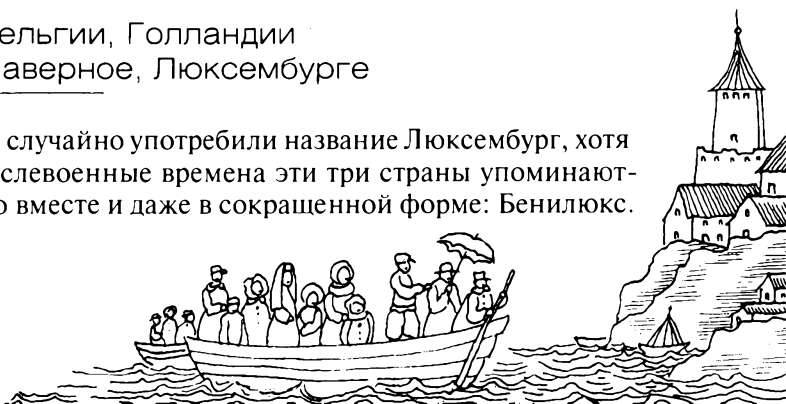
Итак, в стране стали селиться евреи из Франции — французские, между прочим, граждане, права которых отстаивало французское революционное правительство. Тогда местные евреи (хоть их было и мало) потребовали уравнять их в правах с пришлецами, и Национальное собрание пошло им навстречу. Но тут Франция потребовала полной эмансипации евреев, что уже вызвало возмущение. Один из депутатов даже потребовал «отправить всех евреев к Наполеону, чтобы тот повел их на Иерусалим». Прямо пра-сионист какой-то, а не антисемит (коим он, несомненно, был).

Таким образом, несмотря на французское давление, эмансипация была отвергнута. Впрочем, правительство позволило евреям не только жить на всей территории Баденского округа, но и приобретать там недвижимое имущество. И то прогресс по сравнению с недавним прошлым!

А тут Наполеон взял — и отменил Гельветическую республику, восстановив прежние права Швейцарии, включавшие в себя один важный пункт: не существует швейцарского гражданства, существует гражданство кантонов. Каждый кантон решает его по-своему и обычно крайне неохотно предоставляет гражданство иностранцам. Это правило действует и по сей день — жми не жми заграничная общественность на швейцарское правительство, у последнего всегда наготове ответ: мы-то, мол, что, мы — люди прогрессивные и демократию уважаем, да только с кантонами и законами их средневековыми ничего поделаться не можем. И зарубежная общественность, вздохнув, смиряется: ну не покушаться же на старейшую демократию Европы, в самом деле!

В Бельгии, Голландии
и, наверное, Люксембурге

Мы не случайно употребили название Люксембург, хотя в послевоенные времена эти три страны упоминаются обычно вместе и даже в сокращенной форме: Бенилюкс.

При этом о существовании заметной еврейской общины в третьем из этих государств нам неизвестно. Конечно, какие-то евреи есть («Где ж без их обийдеця!» — как говаривал батька Ковпак, видный советский военачальник), но обладают ли они такими чертами своеобразия, как евреи в Бельгии и Голландии, мы не знаем.

Еврейские общины на территории этих стран существовали исстари, и очевидно, это были ашкеназские евреи, общины которых то процветали, то подвергались истреблению и изгнанию, особенно во время Крестовых походов. Но потом территории нынешних Голландии и Бельгии — точнее, Нидерланды, Фландрия и Бургундия — стали частью Испанской колониальной империи. Несомненно, здесь появились сефарды, в данном случае в буквальном смысле — от слова Сефарад, то есть Испания.

Народы этих стран вели с испанцами упорную борьбу за освобождение, испанцы же отвечали традиционными для них методами: кострами инквизиции и казнями. Можете не сомневаться, что евреям тогда попало, и попало немало, что и сыграло впоследствии для них самую положительную роль. Мы имеем в виду то время, когда будущие Бельгия и Голландия добились — таки независимости. А евреев в это время начали изгонять из Испании и Португалии, и надо было искать новое место в широком недружелюбном мире.

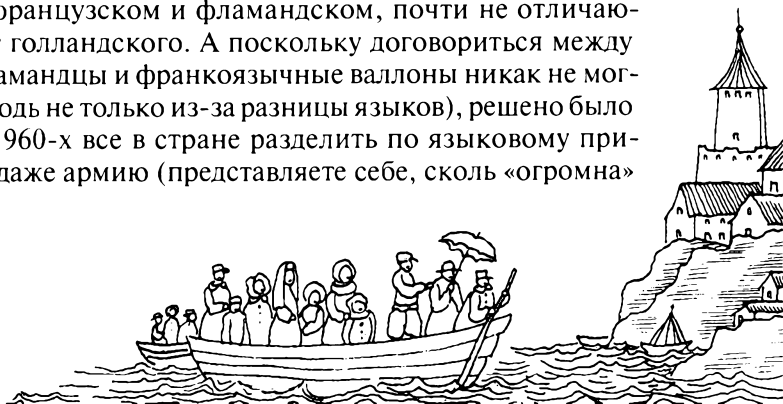
Так вот, Голландия, где возобладал протестантизм, увидела в евреях не только искренний антииспанский элемент, но и антикатолический. А потому пустила испанских евреев к себе и предоставила определенные религиозные свободы: протестанты в тот период хотя и не дошли еще до свободы совести, но были уже на пути к ней.

Фламандцы (повторяем: до создания Бельгии было еще далеко), говорящие с голландцами на одном языке, но оставшиеся католиками и потому в общем государство не вошедшие, тоже ценили в евреях их тогдашние антииспанские настроения. Когда дело касалось испанцев, никакие другие соображения во фламандские головы не приходили. Поэтому евреев допустили и во Фландрию.

Все это оказалось весьма на руку тем евреям, которые для виду крестились в Испании или Португалии. Здесь можно было смело вернуться к вере предков. Но фамилии-то оставались. И какие! Звучные: д'Акоста (помните: Уриэль Акоста?), да Сильва, Кастро (кажется, вождь трудящихся Кубы здесь ни при чем), Франко, Карвальо, Перейра. Как, кстати, сохранился и испанский язык в той его архаичной форме, которая приводит в трепет филологов-испанистов.

Поэтому, когда, бродя по Брюсселю или Роттердаму, вы увидите табличку «Адвокат Ж.-П. Кастро» или «Дантист Перес д'Оливейра», не сомневайтесь: это тот врач, о котором вы подумали. И послевоенный посол Нидерландов в Москве по фамилии Тейксейра де Матос — тоже. Только первое имя надо читать по-португальски — Тейшейра, но, очевидно, за века в Нидерландах транскрипция изменилась. И первый генерал-полицейстер Петербурга граф Дивьер — из этой же команды: его вывез Петр из Голландии, поставив, правда, условием креститься. Что молодой Дивьер, бывший пират, сделал с легкостью, но в их семье к этому привыкли, ибо дедушка его стал католиком в Испании; ну да не будем его судить — свою роль в русской истории он сыграл, а мы его вспомнили потому лишь, что говорим об именах, свойственных евреям Бельгии и Голландии. И, может быть, Люксембурга.

Бельгия — страна небольшая и как государство существует недавно, с 1830 года. До этого составившие королевство земли прозывались и герцогством Бургундия, и графством Фландрия, и графством Брабант, и прочая, прочая, прочая. Часть нынешней бельгийской территории подчинялась некогда французским королям, часть — входила в состав Нидерландов. Потому и говорят в Бельгии на двух языках: французском и фламандском, почти не отличающемся от голландского. А поскольку договориться между собой фламандцы и франкоязычные валлоны никак не могли (и отнюдь не только из-за разницы языков), решено было с конца 1960-х все в стране разделить по языковому признаку. И даже армию (представляете себе, сколь «огромна»

армия этой крошечной страны, если с ней можно сотворить такое!): одни части — «французские», другие — «фламандские». Тут без курьезов не обойтись. Можно, к примеру, услышать историю о выпуске в офицерском училище. Курсанты — уже бельгийские офицеры, но служить им придется в разных частях. Полковник командует:

— Внимание, господа офицеры! Валлоны — напра-а-... а фламандцы нале-е... во!.. Лейтенант Кац! А вы что стоите, как засватанный?!

— Господин полковник! — отвечает лейтенант Кац. — А куда нам, бельгийцам?

Удивительно! Во-первых, Кац — и бельгиец. А во-вторых, и впрямь: куда ж податься бедному бельгийцу Кацу?

Ну, положим, ничего смешного в «бельгийскости» лейтенанта Каца нет, коль уж он является подданным бельгийского короля (с тем же успехом советский лейтенант Кац имел бы право называть себя — и быть — советским офицером).

А вот со вторым... И вправду: что делать еврею, волею судеб затесавшемуся в такую вот историю?.. Но дело еще и в том, что евреи в этой маленькой стране тоже не составляют однородной массы.

Когда вы идете по Брюсселю и видите вывеску «Адвокат Ж.-П. Кастро» или «Дантист Перес д'Оливейра», можете не сомневаться: хотя бы на Йом-Кипур, а в синагоге вы их встретите (еврей, как известно, каким бы вольнодумцем и атеистом ни был, а в синагогу на Йом-Кипур пойдет всенепременно). И мэтр Кастро пойдет, и Перес д'Оливейра. Причем не просто в синагогу, а в синагогу сефардскую, куда столетиями ходила семья и где каждый из них обязательно встретит старых знакомцев. Идиша там не услышать, но, боюсь, и языка ладино (он же испанско-еврейский) — тоже. Там (особенно в Брюсселе, Льеже и Шарлеруа) говорят по-французски. Но во фламандскоязычных городах те же Кастро, Франко и Карвальо общаются в синагоге все же на ладино. Ну, быть может, и на французском немного, хотя на улице шеголять им не будут. В Антверпене, однако, в крупном еврейском квартале на Пеликаанстраат повсюду звучит идиш — да ка-

кой! И под Жмеринкой такой не везде услышать можно было (а уж теперь-то и точно не услышишь). А на шабес и по праздникам здесь все облачаются в супертрадиционные еврейские ашкеназские одежды, словно в иерусалимском квартале Меа-Шеарим или в отдельных уголках Бруклина (ну и конечно, во многих других местах; но чтобы вот так, улица за улицей, — это только на Пеликаан-страат в Антверпене).

Автор этих строк искал в Антверпене сефардскую синагогу, бродя по всему кварталу. Это был тот классический случай, когда язык за границей выбрать было не сложно, прибегнув к известной формуле: «Мамес-лошн везде может». (Для тех, кто не в курсе: «мамес-лошн» — «язык матери» на идише.) Но вот толком объяснить, как найти синагогу, мало кто мог. А поскольку еврей не в состоянии просто сказать: «Я не знаю» (или в более философской форме «Вейс их?»), — мне начинали объяснять:

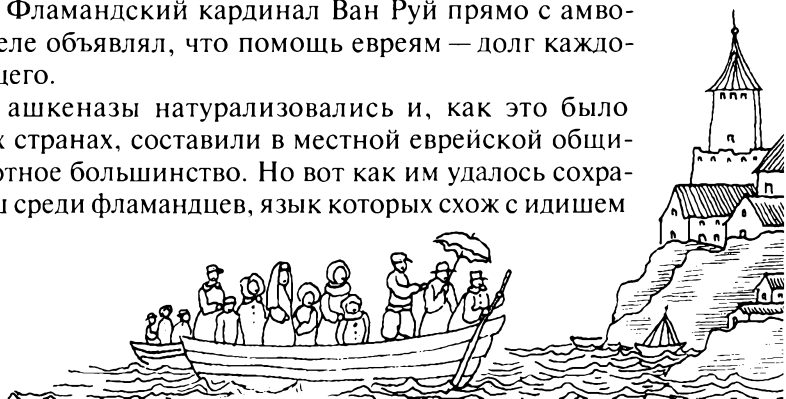
— Их же очень мало.

Или:

— Она обычно закрыта.

Получалось, что разговор идет о каких-то немногочисленных чудаках, которые вообще-то евреи, но только какие-то не совсем похожие на нормальных евреев. Между тем именно евреи с Пиренейского полуострова и составляли долгое время основное еврейское население страны. А предки знакомых нам ашкеназов прибыли сюда из Польши, которая в еврейской географии означает территорию, многократно более обширную, нежели собственно Польша. И к моменту немецкой оккупации многие из них даже не имели бельгийского гражданства и без числа были истреблены немцами. Следует воздать должное бельгийскому сопротивлению, участники которого многим помогли спастись. Фламандский кардинал Ван Руй прямо с амвона в костеле объявлял, что помощь евреям — долг каждого верующего.

Потом ашкеназы натурализовались и, как это было во многих странах, составили в местной еврейской общине абсолютное большинство. Но вот как им удалось сохранить идиш среди фламандцев, язык которых схож с идишем

даже больше немецкого, стоит задуматься. А с сефардами они говорят на иврите.

Возник вопрос и у меня: если бы фламандцы с валлонами общались между собой на иврите, то, может, и армию делить не пришлось бы?..

Во время описываемых нами событий Нидерланды включали значительную часть нынешней Бельгии; нас интересуют именно те северные протестантские земли, которые были некогда голландской частью Нидерландов. Евреи проживали в этой небольшой, менявшейся территориально стране (иногда — побольше, иногда — поменьше) с очень давних времен. Но известно о них не так уж много: да и их самих тут много не бывало. В принципе судьба голландских евреев не особо отличалась от судьбы остального племени во всей католической Европе: то изгонят, то обвинят в распространении «черной смерти» — чумы, то ограничат проживание набором определенных населенных пунктов сельского типа...

В 1556 году страна попала под власть испанской короны, после чего последовало вполне закономерное изгнание евреев: королем-то был тогда Филипп II, достойный продолжатель дела Фердинанда II Арагонского, очистившего от евреев метрополию. С какой стати ему было лишать себя этого маленького удовольствия и в Нидерландах? Заметим только, что изгнанные евреи принадлежали в основном к ашкеназскому званию.

Не будем гадать, были нидерландцы благодарны королю за изгнание евреев или нет. Достоверно известно одно: испанцев, католиков вообще и его величество лично они ненавидели всей душой. И потому с 1566 по 1609 год вели с испанцами упорную войну. В результате этой войны они добились независимости и признания испанцами своей протестантской веры. А последняя, между прочим, подразумевала личную ответственность каждого человека перед Богом. В том числе — в вопросах веры. Страна нуждалась в предприимчивых и — что очень важно! — заведомо антииспански настроенных людях. Иными словами, евреям вновь разрешили проживать в стране, и в нее стали прибы-

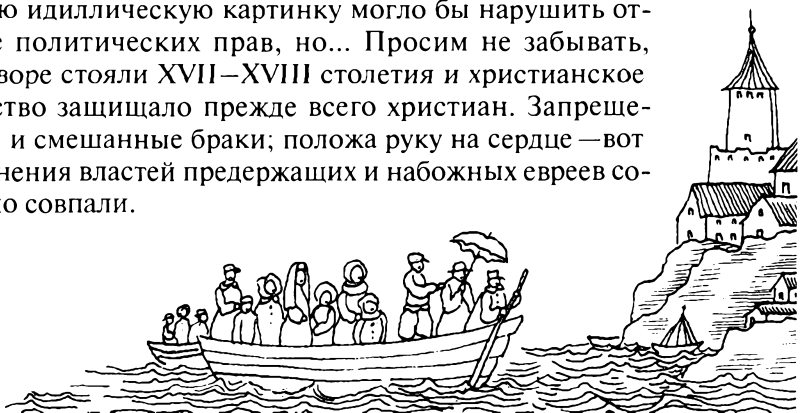
вать изгнанники с Пиренеев, чьи звучные испанские фамилии и изысканный кастильский (и португальский) выговор, честно говоря, резали слух подуставших от всего этого нидерландских граждан.

Марраны же, привыкшие притворяться католиками и водить, по возможности, за нос Священную Инквизицию, стали по привычке основывать еврейские общины — да не простые, а тайные. А возводимые ими синагоги внешне подозрительно смахивали на католические костелы. Это им и в Испании не очень-то помогло, и в Португалии, а уж тут-то могли бы и сообразить, что ничего, кроме цорес (царатос — на еврейско-испанском и несчастья — по-русски), такая мимикрия не принесет. Но уж больно напуган был народ, чтобы взвесить все «за» и «против».

Помогли разобраться в ситуации добрые обыватели Нидерландов. Бросили клич: «Долой католиков!», и народ стал собираться на площади, где возводился предполагаемый костел. Намяли евреям бока основательно, но, убедившись в том, что ничего общего с католицизмом они не имеют, отпустили с миром. Но, что самое главное, даже мысли о погроме не возникало. В общем, хоть и с намятыми боками, но жизнь можно было начинать новую — совсем не похожую на то, что было за Пиренейскими горами.

Конечно, статус евреев долгое время оставался неопределенным, а каждый город имел свои правила на этот счет (причем нередко весьма разнообразные). Но, главное, не было инквизиции. Да и массы унижительных ограничений, как в соседней Германии или дореволюционной Франции (да и почти всюду). На большей части Голландии было разрешено исповедовать иудаизм, создавать общины, иметь те же имущественные права, что и христианские граждане.

Общую идиллическую картинку могло бы нарушить отсутствие политических прав, но... Просим не забывать, что на дворе стояли XVII—XVIII столетия и христианское государство защищало прежде всего христиан. Запрещены были и смешанные браки; положи руку на сердце — вот тут-то мнения властей предрержавших и набожных евреев совершенно совпали.

Сефарды внесли в процветание Голландии весомый вклад: например, четверть кораблей Вест-Индской компании — столпа голландского процветания — принадлежала евреям. Они же создали и упрочили такие виды промышленности, как шелковая, сахарная, табачная и шоколадная. Амстердам стал мировым центром обработки алмазов. Этим делом и по сей день занимаются исключительно евреи. Вы, конечно, понимаете, что появились и крупные банкиры.

Медицина тоже стала преимущественно профессией еврейской. Одного из врачей-евреев изобразил великий Рембрандт, очень хорошо относившийся к евреям и закончивший дни свои в еврейском квартале.

Да и вообще взаимоотношения с окружающим населением (титульной, как сказали бы у нас, нацией) были хорошими.

Медленно, но верно завоевывала еврейская община Голландии свое место под скуповатым североморским солнцем. Профессия врача, естественно, преимущественно еврейской не стала (врач-еврей по-прежнему был обязан давать особую присягу, в которой обещал лечить христиан столь же добросовестно, как и евреев), но среди евреев стала достаточно заметной и уважаемой. До 1711 года фармацевт-еврей не мог продавать лекарства иноверцам — сказывалось, знаете ли, вековое недоверие. Но если он имел хотя бы одного помощника из числа христиан, остальные могли приобрести его товар, не опасаясь, что им подsunут яд.

Так было до тех пор, пока в сентябре 1796 года Национальное собрание Батавской республики (которой стала Голландия после французской оккупации, перед тем как трансформироваться в королевство, управляемое братом императора, Луи-Наполеоном) не приняло наконец закон о полной эмансипации евреев. Надо сказать, что население («титульная нация») отнеслось к этому весьма спокойно.

А вот евреи, напротив, восприняли его враждебно. Они эмансипации боялись.

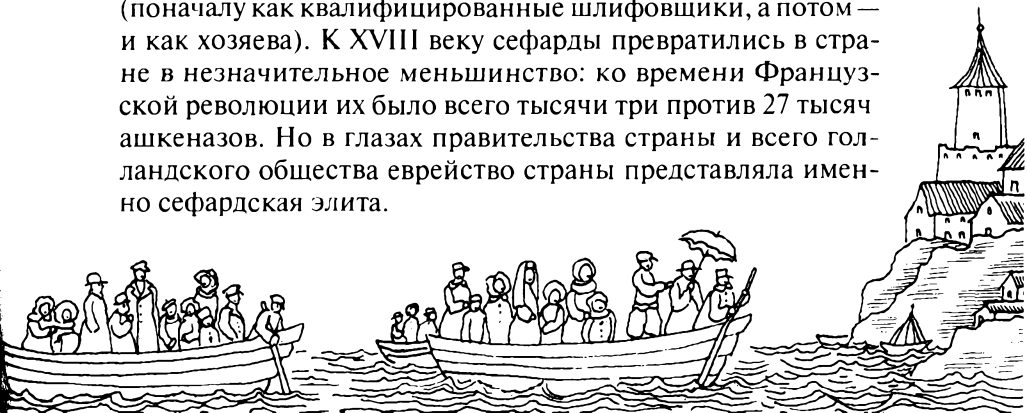
Уточним: речь идет о верхушке сефардской общины. Ибо сефарды, об истории и успехах которых мы крат-

ко и с должным уважением поведали, к тому времени давно уже не составляли большинства среди евреев в стране. Еще с Тридцатилетней войны (начавшейся в 1618 году), а особенно — со времен Хмельницкого (середина XVII века) в страну начали просачиваться ашкеназы. Видимо, слухи о спокойной стране, где не мешают жить, доходили аж до Белой Церкви и даже далее.

Кстати, о Хмельницком. К этой личности и на Украине-то по-разному относятся, а уж для евреев слово «хмельницкис цайтн» имеет лишь одно значение: врагам чтоб нашим так было вполонину! Но все же (хоть и меньше всего, наверное, думая о «Холандыи») изменения в голландской жизни он произвел о-го-го какие!

Правительство страны прибывающим не препятствовало, но (закон превыше всего!) требовало, чтобы они подчинялись руководству еврейской общины страны. В этом, кстати, и заключался смысл религиозной автономии, включавшей права суда над членами общины и на цензуру печатных изданий. Ашкеназы говорили на другом языке, были почти поголовно бедны (чтоб не сказать, нищи) и совсем не могли похвастаться европейским образованием. И долгое время основными их занятиями были коробейничество, торговля скотом и служба в домах богатых сефардов в качестве слуг, грузчиков, приказчиков, портных, сапожников — в общем, все-чего-прикажете. Молились в разных синагогах, и отношения между группами долгое время оставались натянутыми.

Впрочем, как учит история, евреи (стиснув зубы и работая по семнадцать часов в сутки) всегда выбьются и займут свое место. И к концу XVII века ашкеназы заняли прочные ведущие позиции и в книгопечатании (причем не только как типографские разнорабочие), и в обработке алмазов (поначалу как квалифицированные шлифовщики, а потом — и как хозяева). К XVIII веку сефарды превратились в стране в незначительное меньшинство: ко времени Французской революции их было всего тысячи три против 27 тысяч ашкеназов. Но в глазах правительства страны и всего голландского общества еврейство страны представляла именно сефардская элита.

Когда французы свергли Оранскую династию и оккупировали страну, сефардские лидеры так и остались оранистами-монархистами. У появившихся же к тому времени образованных и богатых ашкеназов идеи Французской революции встретили горячий отклик. Но, честно говоря, даже среди них сторонники эмансипации были в меньшинстве. Потому что большинство оставалось очень бедным. И очень верующим.

Главным же последствием происшедшего было то, что власти перестали глядеть на сефардов как на единственных представителей еврейства.

В 1848 году в Голландии было провозглашено отделение церкви от государства. Евреи — как и другие лояльные граждане — должны были выработать собственный общинный устав. Бедные власти! Они забыли, что имеют дело с племенем, которое три тысячи лет все никак не может договориться между собой! И сефарды с ашкеназами выполняли свой долг лояльных голландских граждан ни много ни мало, а целых двадцать два года. И в 1870 году появился не один, а два центра — сефардский и ашкеназский.

Но зато сторонникам «реформированного иудаизма» отпор они дали сообща...

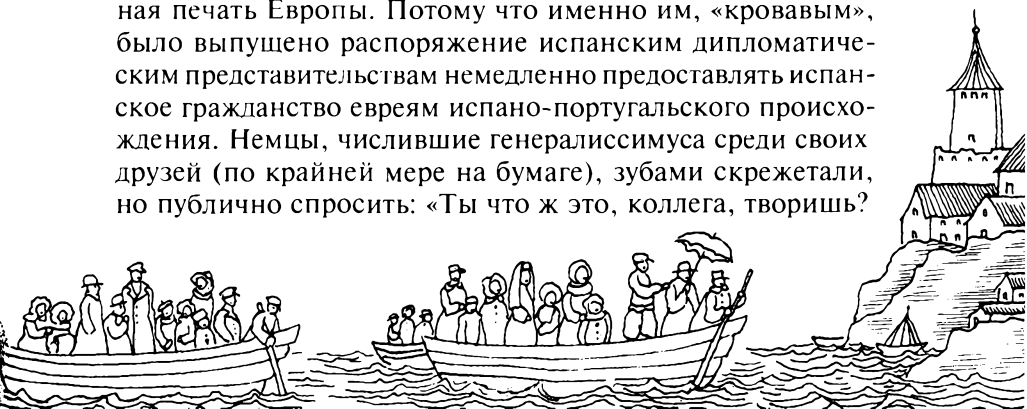
Можно сказать, что до немецкой оккупации голландская еврейская община дожила довольно спокойно, хотя состав ее опять изменился. Всего в Голландии жило около 140 тысяч евреев — 130 с лишним тысяч из которых было ашкеназского происхождения, а 4 с небольшим тысячи — сефардского. Теперь же к ним добавились тысяч тридцать беженцев из уже оккупированных немцами стран — без гражданства, без документов и (с точки зрения традиционного европейского законодательства, считающего национальностью подданство) просто подозрительных: а кем еще следовало их считать, как не немцами, австрийцами или чехами, т. е. гражданами созданного нацистами Протектората Чехии и Моравии? Стоит ли удивляться тому, что голландское правительство этому совсем не радовалось. И так ждали удара в любой момент, а тут поди пойми — евреи-беженцы это или гитлеровские агенты? Но даже при этом голландские власти не повели себя так же хамски (давайте уж на-

зывать вещи своими именами!), как швейцарские. Тем более что уж Швейцарии-то никакая оккупация не угрожала. Правительство Голландии организовало лагерь для беженцев в Вестерборке, на самой границе с Германией; учитывая размеры страны, большой разницы между ним и лагерем, скажем, на французской границе не было. Ведала лагерем еврейская община, которая всячески пыталась помочь беженцам.

Именно в потоке таких вот еврейских беженцев из Германии (правда, чуть раньше) прибыла и семья Франк, чьей дочери Анне суждено было стать и олицетворением страданий евреев Голландии, и символом помощи им со стороны простых голландцев. Не будем приукрашивать: и в этой стране нашлись свои фашисты-муссертовцы, но влияние их было столь малым, а отношение к ним народа было столь неприкрыто осуждающим, что этой ложкой коричневого дегтя так и не удалось испортить общую бочку меда.

В 1940 году оккупация, об опасности которой так долго и предусмотрительно говорили люди прозорливые (и не только евреи), свершилась. Евреям немедленно запретили жить в нескольких районах страны и заниматься многими профессиями — быть, к примеру, учителями и государственными служащими. Началась и выдача специальных удостоверений личности, однако западная граница перекрыта еще не была, а потому началось бегство в неоккупированные страны. Голландская полиция помогала беженцам, чего, увы, не скажешь о правительствах и населении многих «неоккупированных» стран.

Нельзя не помянуть добрым словом и испанского диктатора — генералиссимуса Франсиско Франко Баамонде-и-Грауперу. Да-да, того самого «кровавого фашистского палача», как его именовала советская и левая прогрессивная печать Европы. Потому что именно им, «кровавым», было выпущено распоряжение испанским дипломатическим представительствам немедленно предоставлять испанское гражданство евреям испано-португальского происхождения. Немцы, числившие генералиссимуса среди своих друзей (по крайней мере на бумаге), зубами скрежетали, но публично спросить: «Ты что ж это, коллега, творишь?»

Как же это тебе, брат, не совестно таким беспределом заниматься?» — не могли.

Правда, испанская защита распространялась лишь на небольшое число евреев с фамилиями вроде Кастро, Франко, Карвальо и д'Эспиноза. А также д'Акоста. А основную массу евреев в Голландии составляли простые Гинзбурги с Варшавскими, которые претендовать на пиренейские корни уж никак не могли.

Тем временем оккупационные власти сосредоточили все еврейское население в Амстердаме, а принадлежавшие евреям предприятия «ариизировали» — то есть передали в руки чистых в расовом отношении граждан. Это случилось и с предприятием, принадлежавшим отцу Анны Франк, из дневника которой мы знаем, что голландский владелец, спрятавший их семью, держал связь с настоящим хозяином. То же было и на многих других предприятиях (магазинах, фабриках, мастерских и даже больницах). Для немцев это в общем-то секретом не являлось, просто их планы шли гораздо дальше «стандартной» ариизации. Планов у них вообще было громадье.

В Амстердаме всех евреев сконцентрировали в «Йоодсхе Вийк». Конечно, с Варшавским гетто его сравнить было трудно, но кому и когда было легче от того, что кому-то приходится еще хуже? В 1942 году немцы создали 42 трудовых лагеря, куда угодили 5242 еврея. Путь оттуда был один: на Восток, в Польшу, где на обширных просторах дымились печи Освенцима, Бржезинки, Майданека и прочих проклятых мест.

В 1941 году в ответ на массовые аресты евреев провели забастовку протеста работники почти всех учреждений Амстердама. А когда в следующем году появился указ о ношении желтой звезды, ее надели очень многие голландцы (это, кстати, получило меньшую известность в отличие от подобной акции, имевшей место в Дании). Обе церкви Голландии (католическая и протестантская) публично выступили против преследования евреев.

Если учесть, что и голландцы, и норвежцы, и датчане являются, согласно гитлеровской теории, представителями самой что ни на есть чистой германской расы, то такое по-

ведение «братьев по крови» было для нацистов просто ударом ножа в спину...

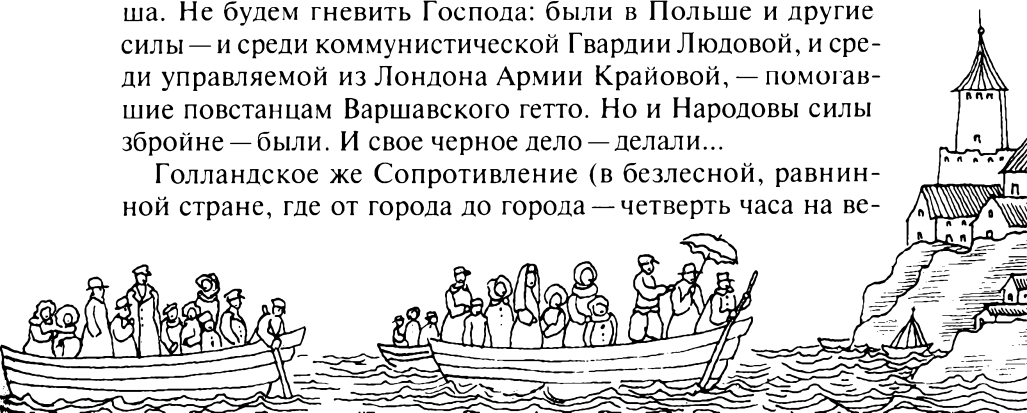
Казалось бы, небольшая страна — Голландия, но сколь насыщена, как своеобразна история ее еврейской общины!

Вскоре после начала немецкой оккупации страны возникло Еврейское движение сопротивления. Если быть точными, оно появилось как часть общеголландского Сопротивления. Подобные движения возникали, как известно, во многих странах, где приход немецких захватчиков растоптал привычный уклад и государственную самостоятельность.

Правда, не во всех — кое-где антифашистское подполье изобрели позже, уже после разгрома нацистов (как же можно — без Сопротивления, без партизан, без борьбы героической!...). И чем дальше по времени отстояла та война, тем большее количество ее героев открывалось, тем больше писалось книг о самоотверженности и жертвах. Не станем на этом останавливаться и уж тем более называть конкретные имена и приводить конкретные названия — чего людей обижать, тем более что потомки их, родившиеся много позже, зачастую верят и в жертвы, и в борьбу. И даже рассуждают порой: чего там эти евреи шумят о своих страданиях? Другим разве легче было?..

Итак, движения Сопротивления были во многих странах, хотя видеть в своих рядах евреев их участники желали не везде. Скажем, в Польше вполне воинственно настроенные и против немцев, и против русских Народовы силы збройне (Национальные вооруженные силы) считали уничтожение евреев благом для страны. Согласно их доктрине, немцы должны были истребить евреев, потом «швабы» и «москали» — друг дружку, а на костях всех вышеперечисленных поднималась и расцветала независимая Польша. Не будем гневить Господа: были в Польше и другие силы — и среди коммунистической Гвардии Людовой, и среди управляемой из Лондона Армии Крайовой, — помогавшие повстанцам Варшавского гетто. Но и Народовы силы збройне — были. И свое черное дело — делали...

Голландское же Сопротивление (в безлесной, равнинной стране, где от города до города — четверть часа на ве-

лосипеде, где и спрятаться-то некуда) не только сформировалось сразу, но и сразу же принялось за помощь гонимым, первыми среди которых были евреи — и из малочисленной сефардской общины, и из многочисленной ашкеназской. Как мы уже писали, помощь сефардам неожиданно начали оказывать испанские дипломатические представительства. Но до этого многие сефарды успели угодить в лагеря, хоть руководство их общины и пыталось доказать немцам, что они являются арийцами, исповедующими иудаизм. Дело рассматривали в научных центрах Германии, и немецкие ученые — специалисты по расовым вопросам (не путать этих, так сказать, ученых с нормальными антропологами и этнографами — тех, кто не хотел способствовать истреблению людей, из немецких институтов давно выкинули), известные своей пунктуальностью и дотошностью, отвечали: никак нет-с, евреи как евреи.

Это, кстати, очень важный вопрос: можете вы рассчитывать на помощь национального большинства (ведь, в конце концов, именно оно определяет ситуацию) или нет? К примеру, в оккупированной Риге евреев из гетто отправляли на работы без охраны. А зачем — местное население следило за узниками не хуже цепных псов, и попробовал бы кто из них убежать...

Некоторые из евреев (прежде всего члены голландского «Халуца»), бежав во Францию, организовали Сопротивление и партизанские отряды и там. Не зря профашистская (вишистская) французская печать всю трубила, что в отрядах партизан-маки воюют одни евреи, армяне и прочие эмигранты из Восточной Европы.

Голландцы создали для помощи евреям и другим преследуемым Национальную организацию помощи скрывающимся. Ее члены, рискуя жизнью (ибо избежать суровой кары за такое преступление, как укрытие евреев, не помогала самая-пресамая чистая германская кровь, текущая, согласно нацистским теориям, в жилах голландцев), укрывали евреев и спасли таким образом примерно 10 тысяч человек, в том числе три с половиной тысячи детей.

«Праведником мира» можно назвать весь голландский народ. И не удивляться потом тому, что из стран Западной

Европы Голландия в 1973 году оказалась чуть ли не единственной, кто не убоился арабского нефтяного бойкота...

Картина, которую мы рисуем о жизни евреев этого уголка Западной Европы, не была бы полной без зарисовки из жизни люксембургского еврейства. Впрочем, само выражение «люксембургское еврейство» представляется довольно-таки спорным. Если в стране проживает несколько евреев, это еще не значит, что они являются отдельной группой, заслуживающей особого рассмотрения. Действительно, в Люксембурге насчитывается 1200 евреев — очевидно, меньше, чем в московских Черемушках.

Но в Люксембурге населения-то тысяч четыреста, так что тысяча (а тем более — тысяча двести) человек — величина вполне заметная. Как говорится, маленькая страна — и евреев мало. Исключение тут одно: Израиль. Страна маленькая, а евреев много, и при этом они даже составляют подавляющее большинство. Но Израиль даже в самых скромных своих границах все равно в десять раз больше Люксембурга (наверное, какой-нибудь люксембургский еврей, побывав на исторической родине, с восторгом рассказывает близким и друзьям об израильских просторах: «Три часа едешь — и все одна страна!»). Так что для жителя Великого Герцогства Люксембург тысяча двести евреев представляется величиной не только не малой, но для отдельных антисемитов (а чего им там не быть — вон даже в Израиле, говорят, и то есть), наверное, даже и великоватой.

Впрочем, в список стран, отмеченных пылким антисемитизмом, Великое Герцогство не внесено.

Далее можно рассказывать по общеевропейскому образцу: евреи появляются в местных хрониках в XIII веке, о чем свидетельствуют древняя синагога и кладбище; во время чумы века следующего имел место погром, во время которого одних убили, а остальных из страны изгнали. К началу XV столетия в Люксембурге оставалось всего 2 (прописью: две!) еврейские семьи. Зато в XVI веке там поселились марраны. Понятно, что с Пиренейского полуострова, где, понятно, приняли католичество. Менее понятно, почему они в католичестве и остались в Люксембурге.

Понемногу какое-то число евреев (не марранов, а евреев как таковых и к тому же ашкеназов) в стране подкопилось, но в 1530 году их опять из страны изгнали. И до конца XVIII века никаких евреев, кроме марранов (впрочем, при их верности католической церкви на территории Люксембурга даже и не знаю, можем ли мы их так называть; к тому же они поголовно были испанскими дворянами — идальгос), в стране не осталось. Но тут нахлынули иудеи из Лотарингии. То ли надоело властям их изгонять (все равно снова проберутся!), то ли оттого, что на герцогство наложила руку Франция, но пребывание их стало узаконенным, да так и осталось на грядущие времена. Община стала крупной: аж 75 душ. А в начале XX века за счет переселения евреев из Германии — 1171 человек, и число это почти утроилось, когда в соседней Германии пришел к власти Гитлер. Естественно, что впоследствии Люксембург оказался оккупированным, а так как, с немецкой точки зрения, его населяют немцы, то он стал просто частью Германии.

Но дело в том, что сами люксембуржцы считают себя отдельным народом с много большей серьезностью, чем жители, скажем, Полтавы. И на гербе их написано: «Mir bliewen wolen wat mir zan!», что значит: «Мы хотим оставаться теми, кто мы есть». И на литературный немецкий это похоже не больше, чем «Ще не вмерла Украина» смахивает на «Боже, царя храни».

А потому все немецкие распоряжения встречались саботажем, больше похожим на действия голландцев или датчан, нежели на дисциплину подданных Третьего Рейха. Большинству евреев, разумеется, помогли бежать в неоккупированную еще Францию. Но 700 человек немцы все же арестовали, и выжило из них всего 35. После войны герцогское правительство помогло восстановить жизнь еврейской общины.

И все же... Кем же все-таки считать марранов? Так вот: в изданной правительством книге о Люксембурге говорится, что город превратил «в самую неприступную в Европе крепость» (почти как Гибралтар!) испанский еврей — военный инженер де Трайбак, «...предки которого смогли вернуться к вере отцов на земле Люксембурга». Дворянство же (с ча-

стицей «де» и сопутствующими ей привилегиями) подтвердил сам великий герцог.

Франсуа Саадун и Анри Хафиз

Во Франции крупнейшая еврейская община в Европе и одна из крупнейших в мире. Однако это не значит вовсе, что состоит она из французских евреев. На первый взгляд, довольно странное утверждение. А из кого тогда она, простите, состоит? Если с точки зрения юридической, то, конечно же, из французских евреев, граждан Франции. Плюс еще некоторое количество наших бывших сограждан еврейской национальности, где только не обретающихся, какого-то количества израильтян, отслуживших в армии и отправившихся погулять-подзаработать по белу свету, да, скажем, скольких-то американских евреев-туристов (последние, впрочем, не лезут ни в какие чужие гражданства: им и своего хватает).

А исторически мы можем выделить три компонента во французском еврействе. Во-первых, тех, чьи предки издавна, со Средних веков, жили во Франции: то изгонялись, то переселялись, но уж давно ассимилировались — кроме религии! — во французском обществе. И декреты Великой французской революции о равноправии граждан относились именно к ним. И из них созывал Наполеон Великий Синедрион, где евреи клялись в верности Франции. Среди наиболее известных фамилий, типичных для французского еврейства, стоит назвать такие, как Кремье (был министром юстиции в XIX веке), Астрюк, Мендес, Мендес-Франс (премьер-министр уже после войны). Поскольку во Франции нашли убежище марраны из Испании и Португалии, а произошло это в XVI веке, их тоже можно отнести к исконно французским евреям, но фамилии у них, естественно, пиренейские: Перейра, да Сильва и т. д. (У Вольтера, кстати, евреев недолюбливавшего и часто о них писавшего, всех отрицательных героев-евреев зовут как-нибудь вроде да Сильвы и д'Акосты.) Есть во Франции еще одна маленькая группка евреев, обычно не очень известная: так

называемые «папские евреи» Авиньона. Во время известного в истории «авиньонского пленения» Папы Римского — а держал там Папу, и не одного его, французский король — местные евреи оказали римскому первосвященнику уважение и помощь, а он за это, уже освободившись и возвращаясь в Рим, официально обещал им защиту и покровительство. О чем они из века в век получали документы из Рима. Вы будете удивлены, но даже во время оккупации эти документы спасли их от фашистов и вишистской полиции. С точки зрения имен и фамилий, они от других французских евреев не отличаются.

Но все вместе исконно французские евреи составляют лишь небольшой процент в общине Франции. Ибо с присоединением Эльзаса оттуда хлынули на территорию собственно Франции евреи, говорившие на идише. И основные антисемитские выпады во французской литературе и публицистике направлены были против этих «немецких евреев». (Капитан Дрейфус, кстати, был одним из них.) Судя по всему, в позапрошлом веке они так допекли французских антисемитов, что те, проклиная этих «немецких пришельцев», утверждали, что среди французских евреев очень много порядочных людей. Представляете, что нужно сделать, чтобы антисемит такое сказал!

Они, эти евреи, составили бы большинство в общине, да новый поток принес в эту симпатичную страну выходцев из великих стран Пейл и Литэ (Польши и Литвы, а точнее — из Российской империи и австрийской Галиции). Вот их-то во французской общине большинство. Потому особо об их фамилиях и говорить-то незачем: Гинзбурги как Гинзбурги, Шварцы как Шварцы, а также Гиршбергеры (последние, впрочем, могут читаться как Иршберже). Имена теперь все больше франкозвучащие: Андрэ Глюксман (с ударением на последнем слого), Леон Блюм (предвоенный премьер-министр) и все такое прочее.

Но и эта картина оказалась слишком простой, когда после обретения независимости североафриканскими колониями из этих свободных арабских стран рванулся во Францию протуберанец местных евреев. Им-то от победы арабского дела ждать ничего хорошего не приходилось. Вдобавок

они отлично владели французским, за время колониализма прекрасно европеизировались, были очень неглупы в делах, а также поголовно все имели французское гражданство. Фамилии у них восточные, примерно такие же, как у алжирцев и марокканцев-мусульман, зато имена — французские. Чем и могут они легко отличаться от арабов.

Вот фамилии трех врачей, списанные мною на улицах Ниццы: Франсуа Саадун, Мишель Леви (ну тут и так все ясно) и Раймон Бушараа.

И Ломброзо тоже

Еще в 80-е годы XVI века города Ливорно не существовало: была приморская деревушка в области Тоскана.

Расположена она была в месте удобном, чтобы стать портом. Тосканой правили тогда герцоги из дома Медичи, рода весьма заметного в итальянской и европейской истории. Единой Италии не существовало, и для тосканских герцогов Венеция была столь же чужим и опасным конкурентом, как любое другое зарубежное государство. Поэтому Медичи решили основать на месте деревни крупный портовый город.

Медичи были добрыми католиками, но при этом, если так можно выразиться, весьма знающими свое дело правителями. И потому приняли в 1583 году верное решение: пригласить поселиться в Ливорно евреев, причем не венецианских евреев, которых Шекспир обессмертил в образе Шейлока — ох, не каждое бессмертие желанно! — а марранов, весьма сведущих в средиземноморской торговле, имеющих надежные связи с Амстердамом, Турцией и всем Востоком. Марраны, сполна хлебнувшие лиха в Испании, очевидно, рассудил мудрый Медичи, с благодарностью отнесутся к государству, где жизнь их будет отличаться от прежней в лучшую сторону. И с 90-х годов XVI века еврейская община Ливорно получила широкие права: самоуправление, автономный суд, сбор налогов (со своих). Тут не было гетто, не требовалось носить отличительную одежду — ну просто, как сказали бы в СССР, коммунизм! Но, к счастью, тогда

такого слова не знали, хотя и понимали, что в Ливорно — хорошая жизнь (в рамках позднего Средневековья, естественно). Лет через сто Ливорно был объявлен вольным портом, что еще больше укрепило позиции еврейской общины.

Евреи составляли заметный, но не самый большой процент в населении города. Община могла себе позволить заниматься не только местными делами: скажем, во времена Хмельницкого здесь собирали средства на помощь выжившим евреям Украины. (Маленький вопрос: кто, кроме евреев, слышал в Ливорно, да и вообще в Италии, об Украине и стойком борце за ее свободу Б. Хмельницком? Но в еврейских общинах того времени знали об окружающем мире куда больше, чем в среднем европейском университете. К примеру, о странах Африки к югу от Сахары. И, естественно, о такой экзотике, как Украина.) При всех этих многотрудных международных занятиях ливорнские евреи сохраняли лояльность дому Медичи и старались, чтобы собратья в разных странах относились к нему не хуже.

О Ливорно тех времен говорили (в нееврейской среде), что в этом городе проще обидеть князя, чем еврея, ибо у общины были особые привилегии. При всем том получить диплом в Ливорнском университете евреи не могли, хотя многие и прослушивали полный курс, особенно на медицинском факультете. Не будем искать в этом особых антисемитских происков сотрудников народного образования. Евреи не могли получить диплом, поскольку по уставу университета выпускник обязан был принести присягу строго по католическому обряду. Принята мера была для того, чтобы протестанты из расположенных севернее стран Европы (в самой Италии, особенно на севере, их тогда тоже хватало) не смогли под видом медиков или учителей отравлять простые и чистые католические души. О евреях или не подумали, а если подумали, то тоже не имели никаких оснований помогать им проникать в христианские сердца. (Не забудем: это все же было хоть и позднее, но Средневековье.)

Занятно, что евреи Ливорно сохранили свои права и тогда, когда в 1737 году область перешла под власть Австрии, страны, где евреям особенно разгуляться не давали. Зато когда революционная, хоть и наполеоновская, Франция

в 1808 году захватила город, евреи утратили свои особые права. Французы были за права для всех, но против прав религиозных меньшинств, отличающих их от других граждан. Потом после крушения Наполеона вернулись австрийцы и к общему удивлению восстановили многие — но не все! — из этих особых прав.

Евреи Ливорно не чувствовали признательности к Австрии, но любили Италию, которую считали своей родиной. А потому вместе со всеми патриотами приняли участие в борьбе за освобождение и воссоединение страны. И когда Ливорно вошел в состав Итальянского королевства, ни о каких особых правах уже не могло быть и речи: у всех были общие права итальянских граждан.

Зато порт к концу XIX в. пришел в упадок, и численность еврейской общины сильно уменьшилась. В этом, впрочем, нет происков антисемитов. Как и последствий жидомасонского заговора...

В Италии тоже евреев не мало. Но как-то они не служат вечной темой итальянских разговоров. Более того — никто не считает их пришлецами, даже во времена Муссолини, когда под влиянием Гитлера он принял антиеврейские законы, серьезно в том, что это люди иной расы, никто не верил. Да и в антисемитизм самого Муссолини Гитлер не верил и частенько его критиковал. А итальянского короля Виктора-Эммануила в Берхтесгадене (резиденции фюрера) зачастую именовали «жиденком». Что вообще-то истине не соответствовало, но у уважающего себя убежденного антисемита, как известно, евреем назначается тот, кто этого заслуживает своим скверным и не достойным арийца поведением.

Наверное, в Италии одна из старейших — если не самая старая — еврейская община Европы. Иудея все-таки была колонией Рима, Рим сокрушил последние остатки ее независимости (в весьма кровавой и долгой войне), и именно римляне стали выселять евреев с Земли Обетованной в свои отдаленные колонии. (Местным Магаданом служила западная часть Германии — Ашкеназа, и тем положено было начало евреям-ашкеназим.)

Но еще задолго до падения Иерусалима в Риме поселилось множество евреев. Не только евреев, а вообще энергичных и пробивных выходцев со всех концов империи. Такова уж судьба всех империй ныне, и присно, и во веки веков: сначала она покоряет многие народы, а потом выходцы из покоренных покоряют саму империю. Современным языком говоря, в Риме скопилось огромное количество «лиц восточно-средиземноморских национальностей», к каковым, несомненно, принадлежали и евреи. И вот, пережив нашествия варваров, захваты, завоевания, они превратились все в нынешний итальянский народ, утративший классическую латынь и заговоривший на латыни вульгарной, а потом — на наследнике ее итальянском языке. Все то же самое произошло и с евреями на Апеннингах, кроме одного: веру отцов своих они не утратили, и в мозаике, которая составила итальянскую нацию, еврейское зерно сохранилось. Хотя — особенно после полной победы христианства — это стоило им многих трудностей.

Не следует думать, что жизнь евреев в этой стране была легкой и беззаботной. Скорее, наоборот. В разных районах Италии существовали хитроумные и унижительные ограничения для евреев. Справедливость, правда, требует отметить, что многие из них существовали только на бумаге, изобретаемые властями с одной целью: брать с евреев солидные суммы, чтобы с бумаги эти придумки не переползали в жизнь. И слово «гетто» (дословно: «плавильня») пришло не в добрый час во все языки мира из итальянского. Хотя землю в районе старой плавильни в Венеции евреи купили у города специально, чтобы жить в своем квартале по своим обычаям.

И тем не менее, когда корабль с изгнанниками из Испании приплыл к итальянским берегам, и измученные жаждой люди зывали: «Пить! Пить!», а толпа христиан на берегу отвечала: «Сначала креститесь!», воду все же принесли и напоили. Такая уж у итальянцев душа. Суровые испанцы или организованные немцы так бы никогда не поступили...

В Италии недоброжелательство к евреям объяснялось только религиозной разницей. Скажем, крещеных евреев никто после этого не отслеживал, чем занимались в Испании и Португалии и церковь, и власти, и общественное мнение.

Эмансипация евреев началась в Италии со времен наполеоновских завоеваний и с переменным успехом все же упрочилась ко временам Гарибальди, в войсках которого было довольно много евреев. В начале прошлого века евреем был мэром столицы королевства. И что занятно — это не вызвало ни малейшей дискуссии в местной печати. Был, правда, трудный вопрос: о благословении Папы, положенном мэру. Но это обошли. Русская, кстати, печать это избрание мэра в ужасе комментировала на все лады.

В венецианском Старом Гетто сосуществуют три синагоги: сефардская (то есть итальянских евреев), ашкеназская и венгерская. То есть три этих элемента в итальянском еврействе присутствуют. Но ядро его, так сказать, исконное.

Хотя фамилии итальянских евреев звучат для нас как итальянская ария, все же многие из них четко выделяются. К примеру, Ломброзо, Понтекорво, Миллиарди, особенно же много фамилий — неизменных названий городов: Падова (Падуа по-итальянски, а в полонизированной форме — Падва), Модена, Верона, Рома, Милано, Чивитта-Веккья.

Имена тоже итальянские, но таких, как Джованни-Баттиста (Иоанн Креститель), Джузеппе-Мария (имя мужское и состоит из Иосифа и Марии), и прочего подчеркнуто католического не встречается. Все остальное — пожалуйста, хоть Чезаре (Цезарь), как у великого криминалиста Ломброзо.

Впрочем, история итальянских евреев имеет свои гитики. К примеру, есть ли евреи на Сардинии?

Сардинское прошлое вообще изобилует загадками: мы сегодня, к примеру, не совсем представляем себе, кто именно населял Сардинию до римского завоевания, хотя можем предположить, что скорее всего обитатели острова ничем не походили ни на римлян, ни на другие народы Апеннин-

ского полуострова. Даже язык их вряд ли относился к числу индоевропейских. Здесь сохранились конусообразные каменные хижины, которые называют «тукули». Так, заметим, называют жилище и на некоторых африканских наречиях. От Сардинии до Африки, конечно, не так уж и далеко, но все-таки до Европы-то — ближе.

Зато мы с точностью можем сказать, когда на Сардинии появилась первая организованная группа евреев: в 19 году новой эры. Причем «организовались» они отнюдь не корысти ради, но волею выславшего их из города Рима императора Тиберия. Было их четыре тысячи. Чем они провинились — сказать трудно, но вряд ли чем-то из ряда вон выходящим. Во всяком случае, на древнеримскую «Колыму», каковой считались земли нынешней Румынии или берега Рейна, их не отправили. И в рабство не продали, как продавали преступников в целях перевоспитания посредством, так сказать, интенсивной трудотерапии... Ничего такого не было — просто предписали убыть на Сардинию (вроде как на 101-й километр, на поселение). С этих-то четырех тысяч и началась община поселения, а впоследствии — город Кальяри. И лет триста они пользовались всеми правами и привилегиями (и обязанностями, разумеется) римских граждан. Хороша же была та эпоха — эпоха языческого безбожия и упадка Рима.

Продолжаться долго такое, конечно же, не могло, и в первой половине IV века государственной религией империи стало христианство. Дабы очистить нравы от прежней скверны, стали вводить ограничения против тех, кто не пошел общим путем. Ибо сказано: «Не понимаешь добром, убеждаем будешь злом». (Не беремся настаивать на подлинности сказанного, но смысл действий всех властей против всех упорствующих всегда сводился именно к этому.) Ограничения, впрочем, не были столь уж суровыми, как те, что последовали в дальнейшем.

В самом конце VI века — вроде бы вполне уже просвещенного — некий еврей, едва принявши крещение (в коем наречен был Петром), пришел в такой экстаз, что спокойно лицезреть вокруг себя «врагов Христовых» оказался ну просто не в состоянии. И призвал толпу новых единоверцев сокру-

шить синагогу в Кальяри. Сокрушить-то, правда, не сокрушили, но осквернить сумели.

И все же до настоящего Средневековья было еще довольно далеко: и Папа Григорий I приказал городским властям выплатить еврейской общине компенсацию. Через сто лет эта синагога сгорела во время большого пожара.

Вплоть до тринадцатого столетия отношения евреев с окружающим (теперь уже окончательно христианским и говорящим на вульгарной латыни) населением были довольно равными, хотя и братскими их назвать сложно. Одну часть острова (Арборею) евреи даже совсем покинули по причине кровавых столкновений с тамошними христианами (не погромов, подчеркиваем, а столкновений).

Как это ни парадоксально, но когда остров перешел в XIV веке под власть королевства Арагон, что на Пиренейском полуострове, евреи получили дополнительные привилегии: той единой Испании, которая появилась на политической карте Европы в конце XV столетия, еще не существовало... И число евреев стало увеличиваться — они переселялись сюда из Барселоны и с Мальорки. Особенно же процветала община Альгеро, коммерсанты и банкиры которой финансировали самого короля. Но сколько веревочке ни виться...

Одновременно с образованием единого королевства Испания кардинально сменила ориентацию — от терпимости до полной нетерпимости. С середины XV века начали вводиться униженные ограничения. Обувь, например, разрешалось носить исключительно черного цвета. Не коснулось это лишь общины Альгеро — более того, она получила разрешение расширить свою синагогу, а потом и поместить на ее фасаде королевский герб.

А весной 1492 года был издан указ испанского короля Фердинанда об изгнании с острова всех евреев, не принявших крещения. Большая часть их покинула остров обычным, сефардским, путем. Некоторые — особенно богатые и знатные — перешли в католичество. Синагоги же были превращены в церкви.

...И больше на Сардинии никаких еврейских общин никогда не было. Хотя евреи, судя по всему, были: кого же еще,

в соответствии с итальянским законом от 1931 года, могли приписать к общине Рима?..

Что есть в Греции
и вообще на Балканах?

Пущенная в обиход великим Чеховым фраза «В Греции все есть» относится, естественно, и к евреям: они в Греции есть. Другое дело, что понятие «Греция» очень уж менялось на протяжении веков и даже тысячелетий, пока не пришло к нынешнему обозначению балканской страны средних размеров. Но история взаимоотношений греков с евреями касается минимум трех частей света: Европы, Азии и Африки.

Скажем честно: грекам не за что было любить евреев на протяжении всего этого времени, а евреям — греков. Очень уж два народа яркие и не похожие на другие. В начале нашей эры греки устроили знаменитый погром в Александрии, а евреи, восстав на Кипре, перебили тысяч сто греков. Греки составляли колониистское население древней Иудеи, навязывавшее свои (прогрессивно-европейские) языческие обычаи бороатым и по-азиатски отсталым евреям.

Прошу не принимать термины буквально: автор как бы переносит современные понятия на древнюю сцену. Греками считали себя правители эллинизированной Сирии, пытавшиеся установить статую своего царя Антиоха Эпифана в Храме, и именно греков перебили иудеи под водительством Иуды Маккавья. (Хотя, если разобраться, те еще греки это были! Скорее, древние друзья евреев — сирийцы, тогда эллинизированные язычники, потом — рьяные христиане, а теперь — правоверные мусульмане-арабы. Но всегда именно они яростнее всех нападали на иудаизм и евреев и получали крепко в ответ.) И именно с избиения греков в приморских городах древней Иудеи и началась Иудейская война. Об этом, впрочем, гораздо лучше меня написал Иосиф Флавий, моя же тема другая.

Был еще Византийский период, когда потомки древних греков, став христианами и приняв искаженные на свой

лад еврейские имена, пытались запретить еврейскую веру, а в ответ получали восстания. Все это было. Но кончилось тем, что на многие века греки попали в турецкое рабство, из которого вышли современной балканской страной. Если в древние — античные и византийские — времена тамошнее еврейское население переходило на греческий язык (так было и в Александрии), то турецкий султан, приняв решение пригласить в свои владения изгнанных из страны Сефарад евреев, изменил языковую ситуацию. С позднего Средневековья в еврейской общине победил и возоблададал испанский язык в его еврейской форме, называемый «ладино». И через некоторое время в документах еврейских общин Греции преобладают те же фамилии, что и в Болгарии, и в Сербии, и в самой Турции. Это, впрочем, неудивительно, ибо тогда все это была Турция.

Самым еврейским городом Греции были Салоники, но и в других местах евреев было немало. Отношения с греческим населением складывались непросто еще и потому, что по части коммерческих талантов греки тоже богато одарены. Сверх того, на всей территории Турецкой империи и собственно Греции активно преуспевал в коммерции еще один древний народ — армяне, конкурировавшие и с теми, и с другими. И оба конкурента считали евреев «турколюбями», что в их устах звучало почти как матерное ругательство.

Тем не менее в независимом Греческом королевстве с его активным православием не существовало антиеврейских законов, сравнимых, например, с тем, что было в Румынии или России. Хотя не грек и не православный должен был понимать свое положение и «не возникать».

Но друзья познаются в беде. И враги — тоже. И когда беда — немецкая оккупация — пришла, против преследования и депортации евреев выступила церковь, и общество в целом этих преследований не приняло. Евреев укрывали в горах крестьяне, прятали и в городах, как могли. В общем, совсем не Восточная Европа...

Евреев теперь в Греции совсем мало. Уехали в Израиль, в Америку. Греки тоже любят селиться по всему миру. Но не только это общее. Общая — совместная история.

А о еврействе в Югославии можно, увы, говорить только в прошедшем времени: многих истребили, многие уехали, в основном в Израиль

Как теперь стало видно, СФРЮ, как и бывшее Королевство Югославия, была образованием достаточно искусственным. И это нас интересует более всего, поскольку не было в этом государстве и единой еврейской общины. Что ни говорите, а евреи всегда были и остаются индикатором состояния любой страны и условий, в ней существующих. С этой точки зрения все и рассмотрим.

Тут были представлены обе этнические группы: ашкеназы и сефарды. Да к тому же и с более мелкими этническими подразделениями. В Хорватии и Словении преобладали ашкеназы. Это и неудивительно: две эти республики до включения их в Югославию были частью европейской Габсбургской империи — Австро-Венгрии. В Сербии же, Черногории и Македонии преобладали сефарды. И тут ничего странного: все это остатки Османской империи. Соответственно, в Боснии и Герцеговине тоже преобладали сефарды, но с того времени, как в начале XX века этот край присоединили к Австро-Венгрии, хлынули сюда, в начавший развиваться край, и ашкеназы. У них с сефардами были разные синагоги, разные раввины и даже некоторое недоверие друг к другу.

«Что это за евреи, — говорили сефарды, — фески не носят, многие бритые, говорят по-немецки».

«Что это за евреи, — говорили ашкеназы, — носят фески, как турки какие-то, по-немецки не говорят. А что за иврит у них! Разве это иврит: йитгадавал ва-йиткадаш! Искодол ва-искодош — надо!» (Знал бы кто тогда, что именно это произношение иврита и будет принято в Израиле!).

Общая сложная картина дополнялась еще и тем, что в Югославию (точнее — Сербию) включены были такие области, как Воеводина и Бачка, принадлежавшие Венгрии и, соответственно, населенные венгерскими евреями, говорящими на венгерском языке. Из их числа вышел, кстати, Нобелевский лауреат Эли Визель. И именно из его книг можно прочитать об истреблении еврейского населения в этих краях в самом конце прошедшей войны...

Отношение к евреям во время оккупации было разным. В Хорватии за дело радостно и с энтузиазмом взялись местные национал-фашисты усташа. В Словении, ставшей к тому моменту частью Австрии, проблема решалась при помощи местных специалистов и добровольцев. А вот в Сербии, стране своеобразной и непокорной, евреям помогали и коммунисты Тито, и монархисты-четники Драже Михайловича. Это отметил и израильский прокурор на процессе Эйхмана. Впрочем, находились сербы, действовавшие совсем наоборот.

В Македонии же, как и в крае Косово—Метохия, евреям помогали местные албанцы и турки: они переправляли их в Албанию. Тамошний оккупационный итальянский гарнизон принимал их весьма доброжелательно. Албанцы тоже ничего против них не имели. Так что же это за единая страна — с такими разными евреями? И с таким разным отношением к ним? Поверьте мне: евреи — лучший индикатор всего. В том числе и единства страны. Или его отсутствия...

Дубровник — город в Хорватии — называют жемчужиной Адриатики. Итальянцы когда-то называли его Рагузой. С 1808 года у города была автономия, хотя официальными его владельцами были то венецианцы, то турки. Как там турки и в чем выразилось их влияние — сказать трудно, но вот влияние итальянское видно во всем: от архитектуры до городского устройства власти. А устройство это городское и в то же время государственное имело ту особенность, что стать гражданином Рагузы-Дубровника было почти невозможно.

Население тут занималось торговлей, рыболовством и ремеслами, и лишние конкуренты были никому не нужны. Иноземец мог поселиться в городе, но права его оставались ограниченными. Да и изгнать его из города можно было по решению горсовета. «Горсовет», конечно, назывался по-другому, но городом правил неукоснительно строго. Поэтому, хотя о евреях упоминается в городских хрониках уже с XIV века (то это купцы из Албании, то французские евреи из Апулии, которая в Южной Италии, да и «турок, который испанский еврей из Голландии»), ни у кого удив-

ления не вызывал), горожанами Дубровника они не были, а только «подолгу проживали». Потом город стал транзитной базой для испанских евреев, направлявшихся в Турцию. Но кто-то остался, а когда из Южной Италии изгоняли евреев, то число евреев в Дубровнике увеличилось. Но не на много: в Дубровнике многим людям просто и жить-то было негде.

Народ в Дубровнике набожный, католический. И власти пытались евреев изгнать. («Что ж мы, хуже католики, чем испанцы?» — очевидно, думали мужи в горсовете.) Но тут вмешался турецкий султан — в тот период формальный сюзерен Дубровника. Султан, во-первых, верил в полезность евреев, во-вторых, не хотелось ему, чтобы христиане богатели без противовеса, в качестве коего он видел евреев. Евреи получили право жить внутри городских стен и завести свой квартал, а по-хорватски — жидерию. В квартале жило пятьдесят семейств. В тесноте, но хоть не в такой обиде, как во многих других странах. И в их руках сосредоточилась почти вся торговля с Турцией и еще много чего. А это не могло не вызывать законного негодования католического населения. Были здесь и попытки ритуальных наветов, и в конце концов многие евреи покинули Дубровник: благо, Турция была для них всегда открыта. Оставшиеся же жили в жидерии и имели право там жить, но гражданами города стать не могли. И помочь в этом не мог и сам турецкий султан: Дубровник был автономен.

Надо сказать, что в Дубровнике широких улиц, считай, что и нет. А еврейская — очень узкая, и на ней по сей день сохранилась очень красивая синагога из тех, что умело строили сефарды. Но хоть и узка эта улица, а хорошо продута морскими ветрами и солнцем согрета.

На Пасху христианские жители устраивали карнавалы, в которых обязательно фигурировали евреи как враги Христовы. Но когда в XVII веке один самодеятельный актер очень похоже и обидно изобразил местного еврея, суд приговорил его к крупному штрафу и стоянию у позорного столба «за то, что он позволил себе шутовское издевательство над уважаемым евреем». Просто торжество правосудия! Тут, конечно, не надо забывать, что католическое духовен-

ство смотрит на лицедейство крайне косо, вот и случай под-вернулся... Гражданство евреи получили в 70-е годы поза-прошлого века. Жило их тут тогда человек 250.

Во Вторую мировую войну евреям Дубровника вроде бы повезло: оккупировали город итальянцы. Но немцы стро-го следили за своими певучими союзниками и сильно им не доверяли. И по их требованию евреев перевезли на ост-ровок Лопуд — совсем рядом. Не рай земной, но уж точно — не Освенцим. Большинство их вывезли оттуда югославские партизаны и спасли. Немногие при бегстве итальянцев, увы, попали в руки к немцам... Дальше можно не продол-жать.

Сейчас в городе евреев — человек десять. Были бы все мужчинами — набралось бы на миньян в здешней краси-вой синагоге...

Основное еврейское население в Болгарии — сефарды. Ведь Османская империя была страной, куда направилось боль-ше всего изгнанников с Пиренеев. А Болгария, к своему не-счастью, была частью именно Османской империи.

Тут нужно сказать, что в большинстве стран, избавив-шихся от турецкого ига, евреев зачастую (и небезоснова-тельно: у сефардов даже была специальная молитва «Пор лос туркос» — «За турок») считали протурецким элементом. И им приходилось долгое время потом доказывать, что они не так уж тоскуют по турецким временам. Конечно, и в Бол-гарии, казенным языком говоря, имели место такие взгляды. И в Болгарии евреям досталось, но только тогда, когда гро-мили турок, а с ними и всякую нехристь. В антисврейские погромы это не превратилось. Не знаем, было ли то заслу-гой русских войск-освободителей (вообще-то русские вой-ска не склонны были защищать нехристей в целом и евреев в частности), или же причиной тому был тот факт, что в про-бужившееся болгарское национальное самосознание анти-семитизм не входил как источник и составляющая часть.

Первая конституция княжества Болгария была одной из самых демократических в мире и уж совсем не напоми-нала законы Российской империи и соседней Румынии. При всем том, что государственной религией провозглаша-

лось православие, остальные религии притеснялись в самой малой (для Восточной Европы) степени.

Совсем не похожей на другие страны оказалась Болгария и во время Второй мировой войны и немецкой оккупации. Страна была союзником Германии, но ее правительство, царь и патриарх с иерархами православной церкви резко выступали против депортации евреев. А Германия нажимала, причем сильно. Да и свои фашисты появились. И, скажем, евреев из Вардарской Македонии (ныне Республики Македония), оккупированной болгарскими и немецкими войсками, отстоять не удалось. Их вывезли в лагеря через болгарскую территорию.

Не следует думать, что при такой нетипичной для Восточной Европы поддержке властей и церкви жизнь евреев была безмятежной. Нет, и тут навесили на них нагрудные знаки, призывали на трудовые работы, вводили комендантский час. Но, согласитесь, как бы неприятно все это ни было, с Освенцимом не сравнить. И, что главное, еврейская община не ощущала той ненависти населения, которая облегчила нелегкий труд Эйхмана и его немецких и местных подручных во многих странах.

Среди антиеврейских законов был и такой: всем евреям, которые имели в фамилиях окончание «-ов» (Исааков, Коенов, Башмакджиев и т. п.), запрещалось пользоваться этим гордым славянским окончанием. Им предписывалось носить фамилии Исаак, Коен, Леви, Башмакджия. После войны большинство эти окончания себе не вернули. Да что там говорить: подавляющее большинство болгарских евреев уехали в Израиль сразу после его провозглашения. А многие — и до.

Надо сказать, что чувство благодарности к Болгарии испытывают многие из них, и когда в начале 1970-х годов Израиль посетил несостоявшийся болгарский царь Симеон (тот, что позже работал в Болгарии премьер-министром), выходцы из Болгарии встречали его на стадионе в Хайфе криками «Да живет наш царь!» — «Да здравствует наш царь!».

Болгарские евреи отличаются испанскими или мавританскими фамилиями: Толедано, Кастильо, Франко, Алкалай, Алькаид, Алших, Пинто, Папо, Буэнависта; очень

библейскими именами: Биньямин, Авраам, Сара, Мордехай, которые у них дивно сочетаются с французскими: Жан, Жак, Жюль, Раймон. Это следы деятельности в Османской империи французского еврейского просветительского общества «Альянс Израэлит». Этот «Альянс» не только заботился о евреях и их правовом положении, но и пропагандировал французский язык.

И наконец. Почему-то по болгарским законам, требующим иметь в документах имя отца в притяжательной форме (Иван Петров Карасимеонов), для армян, греков, румын и евреев делается исключение. Скажем, наш соловей Филипп Киркоров, который болгарский армянин, в болгарских документах не Филипп Бедросов, а Филипп Бедрос Киркоров. Соответственно, у евреев Биньямин Раймон Коэн, Мордехай Жан-Жак Алших.

Справедливость требует отметить, что если еврею захочется вдруг привести свое отчество к, так сказать, общеполитическому нормативу, то мешать ему никто не будет.

Но справедливо добавить и то, что никому еще не захотелось...

Если перефразировать известное выражение «Скажи мне, кто твои друзья...» с учетом разбираемой нами темы, то получится: «Скажи мне, что за евреи в стране, и я скажу тебе, что за страна». К Румынии это относится в высшей степени. Страна это молодая (мы сейчас не касаемся дакских и римских древностей, а имеем в виду лишь то, что как политическое образование на карте Европы страна появилась лишь к середине XIX века), границы ее то переползали с запада на восток, то, наоборот, на какой-то короткий исторический миг останавливали движение. То она была вассалом Турции, то Объединенными княжествами «Принципате Уните», то королевством. То союзником нацистской Германии, то непримиримейшим ее врагом (по крайней мере в освещении румынских историков). И все эти перипетии отражались на ее еврейском населении, его судьбе, его составе.

Очевидно, какие-то еврейские поселения существовали еще на территории римской колонии Дакия, о чем свиде-

тельствуют найденные надгробные камни с изображением меноры и Маген-Давида, с надписями на иврите и греческом. Но от тех еврейских поселений, как и от римской колонии, остались лишь археологические находки. Скорее всего жители их говорили на греческом языке и были переселенцами из Восточного Средиземноморья. Владели ли они исчезнувшим ныне дакским языком — неизвестно, но, наверное, нет, ибо в портовых городских поселениях господствовала разговорная (или вульгарная) латынь, превратившаяся впоследствии в румынский язык.

Но тот обильный отряд еврейства, который стал осваивать территорию нынешней Румынии в Средние века, когда хозяевами тут стали турки, несомненно, говорил на языке, тоже произошедшем от вульгарной латыни, — испанском. То были сефарды, выходцы из Испании, приглашенные султаном. Впрочем, очень уж широко распространиться по будущей Румынии они не могли: княжества были весьма своеобразным турецким вассалом. Сами турки не имели права селиться в городах и строить мечети (а в местах размещения гарнизонов могли строить только деревянные, чтобы их можно было сжечь после передислокации). Не могли они и ездить верхом в городах и деревнях. Вообще на некрещеных румыны смотрели, мягко говоря, косо; так что и евреям там было несладко. Но все-таки достаточно большое число евреев-сефардов там укоренилось. Из их числа, например, известный румынский художник-карикатурист Жюль Перахим (какое слово значит на иврите «цветы»).

Но все же говорить о большом еврейском населении в Средние века не приходится. Но пришел XVII век, а с ним и «хмельницкис цайтн», служивший — аж до самого Освенцима — символом бед и ужаса. И огромное количество евреев бежало с Украины в Молдову и Валахию (будущую Румынию) и было — не без нажима турок — принято здесь. В море ашкеназим с языком идиш растворились почти без остатка старожилы-сефарды.

Но картина получилась бы слишком простой, если бы после разгрома Австро-Венгрии в Первой мировой войне к Румынии (закончившей ее на стороне победителей) не отошла бы Трансильвания — обширный спорный край,

веками входивший в состав Венгрии, но с превосходившим венгерское румынским населением. А здешние евреи были и остаются евреями венгерскими: с венгерским языком, венгерскими же именами и фамилиями: Ваго Золтан, Сегё Дьёрдь, Фехервари Имре и т. д. И вот что занятно: эта «венгерскость» в них осталась, хотя и создавала преизрядные неудобства и во времена Чаушеску, да и теперь (хотя и не столь значительные).

Отвечая на румынский шовинизм, евреи стали давать своим детям такие «ультравенгерские» имена, как Аттила, Чаба или Элёд. В самой Венгрии таких имен среди евреев почти не встретишь.

А теперь об албанцах.

О них за последние годы в отечественных СМИ написано такое количество недружелюбных слов, что пришел черед сказать и доброе слово. Спора их с сербами и македонцами мы не касаемся. Но евреям есть что сказать хорошее.

Мы будем говорить именно об албанцах, а не об Албании. Албания — государственное образование очень молодое. Предки албанцев — иллирийцы — один из древнейших народов Европы. Евреи тоже не самый молодой народ — и вообще, и в этом углу Европы, в частности. Так что не пересечься пути этих народов никак не могли. Но почти никакого следа эти пересечения не оставили.

Может быть, потому, что еврейские хроники привычны описывать лишь преследования, гонения и испытания. Остается предположить, что на территории современной Албании таковые события не имели место быть. (А также на всех территориях, которые, как албанцы считают, входили — хоть на какой-то период — в Албанию.)

Длинная и весьма интересная история еврейского народа показывает нам, что такое могло произойти лишь по одной-единственной причине: если в стране не было евреев. Нет, так сказать, человека, нет и проблемы. С одной стороны — так оно почти и есть; с другой — не совсем так.

Возьмем первую сторону. В какую бы державу ни входили населенные албанцами края (в Византию, в Великую Сербию, в Турецкую империю), всегда они считались бес-

покойными и опасными. Так, в Турции для Албании даже не было названия, они пользовались словом «Арнавутлук», что обозначало «некое место, населенное албанцами»: не провинция, не вилайет-область, а некое место. Турки не могли ни налогов с него брать, ни солдат в армию. Естественно, мало кто из чужеземцев решался там поселиться, и евреям, изгнанным из Испании и Португалии, султан там места не предлагал. (Султан был не лишен своеобразного гуманизма.)

Даже такие вечные конкуренты евреев в Турции, как армяне, там почти не встречались. Греки, тоже конкуренты, говорят, были. Сами греки утверждают, что православные албанцы Северной Албании — не что иное, как греки, говорящие по-албански. Их мы в рассмотрение не берем, тем более что албанцы, наоборот, утверждают, что это все не греки. А вот греков-коммерсантов, коих полно было в любой части Османской империи, в Албании не было.

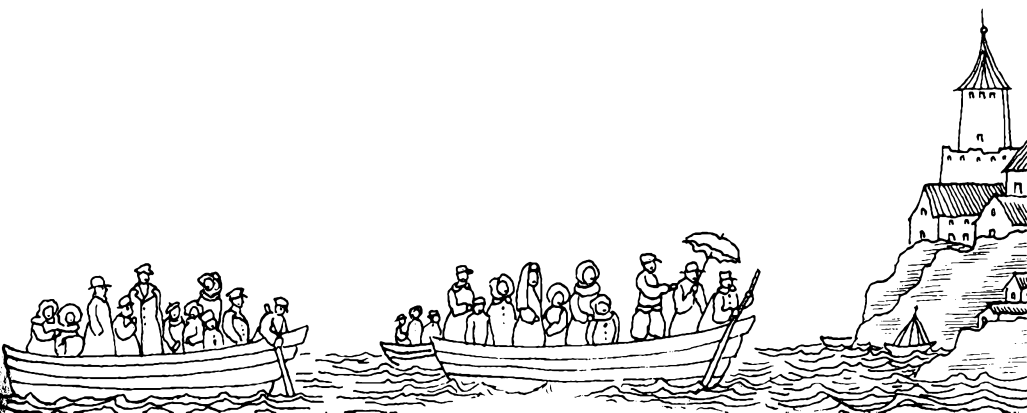
Тем не менее в еврейских «Сараевских хрониках» написано, что еще в XVII веке еврейские купцы из Сараева, Скопье и Манастира (ныне Битоля в Македонии) могли довольно спокойно путешествовать по торговым делам по Арнавутлуку, столь опасному для других путешественников, но, конечно, заручившись покровительством какого-нибудь албанского князя. Менее всего следовало доверять католикам: ориентированные на покровительство Венеции, они во всех некрещеных видели турецких шпионов. Зато князя-мусульмане считались очень надежными. Хроника добавляет, что «турки не верят в их мусульманство и думают, что они только прикидываются, чтобы иметь выгоды при дворе в Стамбуле». Остается добавить, что турок вышеупомянутые князя в свои родовые гнезда не допускали ни под каким видом.

Когда Албания после Первой мировой войны стала независимым королевством, там не было зафиксировано ни одной еврейской общины. Это все, так сказать, с одной стороны.

Но вот когда Югославию оккупировали фашисты, когда в Хорватии усташаи развернули бешеную травлю евреев, очень многим евреям удалось бежать в Албанию — тоже ок-

купированную, но итальянцами. (Справедливость требует заметить, что иногда помогали бежать усташи — за большие деньги.) То же происходило в Македонии, занятой болгарскими и немцами (как мы помним, немцы настояли на том, что покровительство болгарского царя не распространяется на македонских евреев). Там-то вообще до Албании рукой подать. Бежать евреям помогали местные албанцы и турки.

А дальше нам ничего не остается, как процитировать «Краткую еврейскую энциклопедию», которой вообще-то не свойственно кого-то хвалить. «Здесь беглецы встретили дружелюбное отношение населения и итальянского гарнизона...»

Глава V,

где рассказывается о трудящихся и красильщиках,
о профессиях, «записанных» как еврейские,
а также о том, что не все евреи — адвокаты,
но почти все адвокаты — хотя и не у нас — евреи

Трудящиеся и красильщики

Так уж повелось, что существуют профессии, в общественном мнении считающиеся еврейскими. К примеру, портной; зубной врач (в России — уже в довольно далеком прошлом); эстрадный и театральный администратор. Это признают и сами лица еврейской национальности, и лица с лицами совсем не еврейскими. Только первые, перечисляя, назовут гениальных математиков, скрипачей-виртуозов и именитых врачей. Вторые тоже про эти еврейские профессии слышали, но назовут ростовщика, фактора-посредника и корчмаря (лавочника — на выбор). Самое занятное, что правы будут и те, и другие. Хотя фантазия и информированность в обоих случаях просто удручают.

А ведь редко кто вспомнит одно ремесло, многие столетия (столь многие, что хочется сказать «тысячелетия») бывшее еврейской монополией: не такое высокое, как математика (далее — по списку), но и не вызывающее презрение,

как профессии из списка № 2. Я имею в виду ремесло красильщика — мастера, придающего ткани или пряже устойчивый цвет. Именно «устойчивый», а не тот, с которым инструкции требуют стирать изделие отдельно от белых и светлых вещей.

В древние времена пышно и хорошо окрашенная ткань и пряжа очень высоко ценились, а химия — мягко говоря — еще не развилась совсем, чтобы представить публике целую палитру едких красок. Владение секретом крашения было весьма надежным способом приличных (по меркам древнего мира) доходов. Чужим его секретов не выдавали, а учился каждый красильщик в своей семье у папы-красильщика, дяди-красильщика и дедушки — самого главного из них красильщика.

Пророчица Девора в своей Песни называет цветные и отделанные разноцветной вышивкой одежды «богатой добычей, которую враги хотят захватить у израильтян».

И на египетской росписи в гробнице Хнумхотепа III в Бени-Хасан, где изображены предки нынешних евреев — кочевые семиты, они одеты в двухцветные длинные рубахи. (Пройдут века и века, и египтяне заговорят на семитском языке, и сами наденут такие рубахи, сильно их удлинив, и нарекут их галабеями. Но пока еще стоит 1890 год — до нашей эры, разумеется, — и даже в страшном сне тогдашнему египтянину не приснится, что потомки его будут говорить на семитском языке...) И эта полосатая разноцветная одежда служит у древних евреев таким же отличительным знаком семита, как заметный нос и острая борода...

Скорее всего у каждого народа развиваются те ремесла, возможность заниматься которыми дает природа родной страны. Земля Израила богата пурпурными улитками-иглянками — на побережье Средиземного моря — и дубовой тлей: из нее получалась темно-красная краска. Горячее солнце позволяло отбеливать пряжу. Есть тут в изобилии и известь, и квасцы, и прочее. Более дешевую красно-желтую краску можно было получать из корней марены. (Интересно, что горские евреи возделывали марену до самого начала XX века, пока дешевые европейские ивановские ситцы

не вытеснили традиционный способ.) Синюю краску получали из листьев вайды красильной, а желто-коричневую добывали из скорлупы ореха и кожуры граната; гранатом Израиль был богат всегда, и не зря он входит в традиционный еврейский орнамент.

В средние века евреев-красильщиков приглашали в Грецию и Италию. Иерусалимский король-крестоносец Болдуин II взял евреев-красильщиков под свое покровительство, выделил им здание. Не любило его величество евреев хотя бы по своей должности крестоносца. Да и вообще, наверное. Но не всю же жизнь в латах ходить! А в увольнение (или что там у военнослужащих королей?) хотелось надеть красивую гражданскую одежду...

В странах Ближнего Востока чуть ли не до последнего времени ремесло красильщика считалось чисто еврейским. Европейские путешественники отмечали с присущей им наблюдательностью, что по этой причине магометане профессию красильщика презирают и ею не занимаются. Лишца из известной басни, знаете ли, тоже виноград презирала.

В Бухарском эмирате красильным ремеслом тоже занимались исключительно евреи (пока европейские ткани не хлынули, но до войны еще промысел держался). Надо сказать, что Бухара — место гнуснейшего антисемитизма и мерзейшего — даже по меркам мусульманского мира — угнетения евреев. Поэтому, когда после Октябрьской революции казалось, что положение изменится, на первую в Бухаре первомайскую демонстрацию вышли и обитатели еврейского квартала. В руках у них были транспаранты: «Долой угнетателей! Да здравствуют трудящиеся и красильщики!»

...И плиссировка юбок

Один мой приятель, человек сугубо православный, отлично говорил на идише. Так хорошо, что пожилые евреи вглядывались в его славянское лицо и говорили: «Ан эмсдыкер идишер пунем!» — «Настоящее еврейское лицо!».

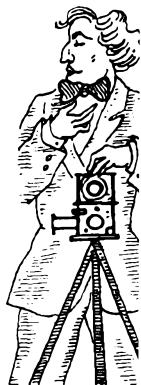
И поpronсу определяли — точно, из-под Киева. Хотя был он совсем не из-под Киева — родился и вырос в Москве. Просто поселилось после войны в его дворе население целого местечка с красивым названием Кобеляки, вот оно-то точно было под Киевом. А приятель — человек лингвистически одаренный — перенял от них не только язык, но и манеру говорить с легким завыванием и даже жестикуляцией.

Жители Кобеляк (имеются в виду уцелевшие — в основном те, кто успел эвакуироваться) перебрались на новое место жительства, потому что Кобеляки (ах, как они их вспоминали!) в качестве идишер штетл попросту перестали существовать.

Даже в Москве кобелякинцы занялись тем, к чему привыкли за несколько столетий в родном селе. А были среди них и бондари, и мелкие торговцы (гос- и коопслужащие), и портные, и сапожники, и... далее полный набор еврейских местечковых профессий. Но кадок и бочек, даже от лучшего кобелякинского мастера, в Москве, сами понимаете, не требовалось; лучший портной или парикмахер могли занять тут место, скажем так, довольно скромное. Сапожник — тот сел на углу и делал то же самое, что в Кобеляках: для него разница между городами оказалась не столь существенной. Самым зажиточным и культурным человеком оказался, конечно же, фотограф: он даже по будням ходил в шляпе и с галстуком и первым в семье начал говорить по-русски. Интеллигент!

Но рано или поздно все как-то пристроились. И вот тут-то мы сделаем небольшое историческое отступление.

Молодому читателю, быть может, трудно в это поверить, но в те послевоенные времена (и много позже, кстати) не хватало буквально всего. И обычно, покупая, скажем, брюки или крепдешиновое платье, люди рассчитывали на то, что вещь должна служить много лет. А поскольку вещи — даже самые качественные — все же изнашиваются, их периодически ремонтировали. Что там костюм! Чулки — и те покупали не каждый год! И появились мастерские «Поднятие петель на чулках». Обычно мастерская специализировалась не на одних чулках, поэтому вывеска выгляде-

ла следующим образом: «Мелкий ремонт одежды, поднятие петель на чулках и плиссировка юбок». В те годы как раз вошли в моду плиссированные юбки, как в трофейных фильмах, а промышленность, запланированная на пять лет вперед, их упорно не выпускала. Зато вы могли принести юбку в мастерскую и получить назад плиссированной — в точности как у Дины Дурбан. К «сорокоходовским» ботинкам вам подклеивали толстую подошву из микропорки, и вы выглядели настоящим стилигой из фельетона «Плесень» в «Комсомолке».

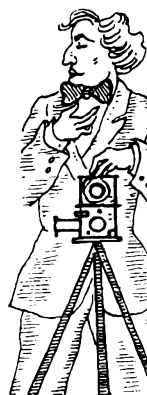
Рядом красили ткани и кожаные изделия. А поодаль заполняли и ремонтировали шариковые ручки. Они, кстати, мало походили на продукцию фирмы «ViC». Эти детища отечественной промышленности появились в начале 50-х, мерзко протекали и пачкали карманы. Однако после мук с чернильницами-непроливайками все же стали предметом повышенного спроса. Власти отреагировали на них традиционно: школьное начальство запретило пользоваться ими в школе, а общегосударственное — подписывать ими документы. И то правда: достаточно было приложить мякоть ладони к свежей подписи — и злоумышленник получал простейший поддельный штамп с чужим факсимиле. Заполнялись ручки при помощи большого стационарного алюминиевого насоса.

Вот всем этим и занялись вечно печальные скромные евреи. Причина тому проста: местечковая привычка к работе в сфере обслуживания. Как бы ни был мастеровит еврей, он все же предпочитал, по возможности, работать в одиночку или в крайнем случае с родственниками. И — скажем честно — ничего так не боялся, как оказаться в большом нееврейском коллективе. Вторая причина в том, что евреям свойственно быстро приспосабливаться к новым условиям (тоже не столько от большого ума, сколько оттого, что у евреев эти условия менялись довольно-таки часто). Сие означало, что новая техника и новая профессия страха у них не вызывали. И еще одна положительная еврейская черта: понимание несерьезности такой работы. А значит, надо было сделать все, чтобы дети зарабатывали свой кусок хлеба делом более солидным.

Так вот многие профессии, записанные в общем мнении за евреями и самими евреями излюбленные, были и солидны, и надежны. К примеру, мужской и женский портной.

Помните ли вы «мужского и женского портного Абрама Пружинера», чей комиссарский приказ так остроумно обыграли милые и интеллигентные герои «Белой гвардии» Булгакова? Им действительно было смешно, что власть в городе перешла в руки этого Пружинера, коему на роду написано было шить им костюмы «по последней парижской моде». «Парижской», конечно же, как ее представляли себе в Киеве, Одессе, а то и в Бердичеве. Но дело не в этом. Дело в том, что Абрам Пружинер выглядел совершенно естественно в роли портного и совершенно нелепо в любой другой.

И правда: в списке «еврейских профессий» портной, несомненно, занимал достойное место. Такой Пружинер зачастую не имел даже швейной машинки Зингера и шил все руками. И неплохо, кстати. Когда, спасаясь от немцев, многие польские евреи (включая украинских, белорусских и литовских) попали в Великобританию и открыли там свои мастерские, они быстро смогли разбогатеть. Разумеется, не вывеской «Лондонский портной из Быдгощи» — кого-кого, а лондонских портных в Англии хватало (и те из них, кто хотел быть замечен, именовали себя «парижскими» и «римскими»). Дело было в другом: как поется в русской народной песне «Дубинушка», «англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину». Поэтому в Англии портных, которые умели шить руками, почти не осталось, а те, кто остался, брали за свой труд непомерно высокую плату. Евреи же, навыками машинного шитья в стране исхода не овладевшие, шили, естественно, только руками и брали умеренно, но и это казалось им большими деньгами по сравнению с прежними гонорарами. Сейчас, конечно, те из евреев, которые в Британии осели и остались при игле («мит а нудл», как поется на идише), руками шить разучились, и все вещи, требующие ручной обработки или доработки, отправляются в какую-нибудь страну Восточной Европы или Азии. Но не об этих англазированных уже пружинерах разговор.

Разговор идет о том, почему профессия портного — а с ней фамилии Хаят, Хаяс, Шнейдер, Шнейдерман, Портной и даже Портнов — так распространена у евреев. Во-первых, приличное ремесло, наследственная профессия — а хазоке, — как говорится, всегда себя и семью прокормишь. Хоть в лагерь попади, и там не пропадешь. И требуется для дела всего лишь набор иглол и ножницы, и свой гешефт всегда с собой носишь.

Во-вторых, отцы-деды этим занимались. А почему?

Тут нам надо вернуться в средневековую Европу с ее на-прочь закрытыми для чужаков ремесленными гильдиями. И в гильдию портных еврей ни в средневековой Германии, ни в существенно менее антисемитской Италии попасть никак не мог. Но за евреями было записано право торговли подержанными вещами. Они их скупали, чистили и ремонтировали для приобретения товарного вида. И достигли в этом столь большого искусства, что отличить такую вещь от новой было почти невозможно. (Ну, если не особо приглядываться.)

В Средние века бедноты было много больше, чем даже сейчас в России, и беднота эта предпочитала покупать дешевые вещи у евреев, хотя религиозные взгляды их отнюдь не разделяла. В городских хрониках Европы сохранилось немало записей с жалобами христианских портных на евреев, что, мол, эти последние вместо старья торгуют запрещенным им к торговле новым товаром. И каждая проверка показывала, что обвинение зиждется на песке: хитроумные евреи ухитрялись старью придавать вид почти совершенно новых вещей. А поскольку возможностей приложения труда в средневековом гетто было не очень много, желающих работать в «шматес-бизнесе» — как впоследствии будут говорить в Америке — хватало.

Когда же массы евреев устремились в XIV веке на восток — в Польшу и принадлежащие ей земли, — свою профессию «хаята-шнейдера», портного, они понесли с собой. Тут ограничений на занятие портновским ремеслом не было — кроме них, шить «по-городскому» все равно никто не умел, и накопленное поколениями мастерство нашло себе применение.

Среди городских памятников Нью-Йорка, увековечивающих людей, своим трудом создавших богатство города, есть один: скромный тщедушный человек в кипе согнулся над швейной машинкой. Памятник так и называется: «А идишер шнайдер»...

«Моня-кожемяка»

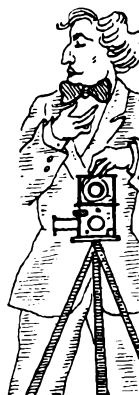
Странно, скажете вы, разве уменьшительное от Никита — это Моня? Ведь на Руси был известен богатырь Никита Кожемяка, и никто его Монею не звал.

Успокойтесь: никто Никитушку-богатыря Монею звать не собирается. Вспомнили же его только потому, что занимался до призыва в дружинишку хоробрую выделкой кож, а также тем, что это занятие на Руси ничем не выделялось из других ремесленных занятий. И был он не лучше и не хуже, скажем, Микулы Селяниновича, сына крестьянского.

А вспомнили мы кожемяк еще и потому, что выделка и дубление кож было долгое время не менее еврейской профессией, чем красильное дело и ювелирное искусство. Но сколь уважаема была эта профессия?

Всем известно, что профессия кожемяки требует изрядного физического труда, больших умений и... не брезгливого носа. Шкура ведь, когда мокнет, такое амбре извергает... А когда мокнет множество шкур?

В XIII веке Маймонид посетил Константинополь (тогда еще не Стамбул). И там ему сказали, что «из-за дубильщиков... которые выливают грязную воду из своих мастерских на улицу, еврейский квартал совершенно провонял... греки ненавидят всех евреев, как плохих, так и хороших». Ну, скажем, если бы недоброжелательство православных греков только на этом бы и основывалось, то что проще: евреям-дубильщикам предписать сменить занятие (стать всем, к примеру, поэтами), квартал проветрить, чтоб и духу не осталось, и все заживут как братья. Правда, сафьян на сапожки придется покупать за границей и кожу на куртки тоже, а импортный товар стоит куда дороже. Так что пришлось тер-

петь евреев-дубильщиков, их же и ругать, а заодно и всех остальных. В этом эпизоде содержится одна важная для нашего повествования деталь: если занятие полезное и нужное, но малоприятное и не слишком уважаемое и заниматься им никто не хочет, пусть им занимаются чужаки. А евреи, увы, повсюду были чужаками.

Некий египетский автор, описывая евреев, указывал, что вот-де были у них пророки и мудрецы, но Аллах наказал их за злонравие, и среди них теперь можно найти «только красильщиков, дубильщиков, кровопускателей, мясников и медников». Уточним, что к «кровопускателям» — средневековым врачевателям — приходилось обращаться тем же магометанам (не к пророкам же с мудрецами ходить по поводу болезни), а сафьян и другие тонко выделанные кожи были долгое время важными предметами египетского экспорта. Производили же их... (см. выше).

Горские евреи занимались выделкой кож еще в прошлом веке. К примеру, русский путешественник, описывая еврейский аул по соседству с кумыкским, подчеркнул, что живут в общем-то мирно, но между аулами есть обширное пустое пространство, где мокнут кожи, «и это такая граница, через которую не перейдешь, поскольку задохнешься». Может быть, это приводило к тому, что кожемяка относился к числу лиц малоуважаемых профессий. Что на мусульманском Востоке почти автоматически передавало эту профессию в руки неполноправных иноверцев.

К тому же для выделки особо тонких сортов кож требуется (при неразвитой химической промышленности) куриный помет. Евреи-кожемяки собирали его, за что и получили дружелюбное прозвище «тавук-пох» — по-азербайджански почти дословно: «куриный помет».

(Не будем удивляться: в Европе очень уважаемой профессией было ремесло чулочника, товар, производимый им, был дорог и народу недоступен; народ ходил в онучах. Так вот — у каждого дома чулочника стояла кадка с человеческой, простите, мочой, крайне необходимой при средневековом производстве такого дворянского товара, как чулки. И зайти в квартал чулочников можно было, лишь сильно зажав нос. Но господа в этот квартал не ходили, а чулки —

в тот период исключительно мужскую одежду — покупали в лавках далеко за пределами квартала.)

Половину, наверное, кожевников в Белоруссии и на Украине тоже составляли евреи. К примеру, незабвенный Лазарь Моисеевич Каганович получил специальность кожевника-дубильщика.

На чем, кстати, его образование и завершилось...

Купферман, он же Келайчиев

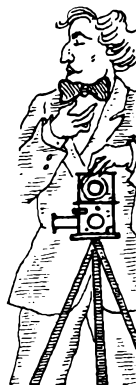
Да не подумает читатель, что речь идет о разыскиваемом террористе или уголовном авторитете: «...Органами внутренних дел разыскивается особо опасный преступник Купферман, он же Келайчиев...» И не поймешь, то ли террорист Купферман скрывается под фамилией скромного служащего Келайчиева, то ли уголовник Келайчиев замечает следы в образе дантиста Купфермана.

Никто никого за себя не выдает. Речь идет даже не об одном человеке (хотя его еще можно звать, к примеру, Исай-мисгар, если дело идет о локальном бухарском варианте). Речь идет о людях одной и той же профессии и, казенным языком говоря, лицах одной и той же — еврейской — национальности.

Тут, впрочем, так и подмывает употребить гениальную лингвистическую находку наших СМИ — «лица кавказских национальностей», сказав «лица еврейских национальностей», ибо речь идет о представителях разных еврейских этнических групп. Поскольку «купферман» на немецком и близкородственном ему идише, «келайчи» — на турецком и азербайджанском, а «мисгар» — на персидском и таджикском (которые оба суть диалекты фарси) означает «медник».

А медник — как профессия — был в еще недавнем прошлом записан за евреями почти как дантист. Но с меньшими доходами и престижностью.

Теперь, собственно говоря, надо разобраться с тем, что такое «медник». Во-первых, это мастер, изготавливающий различные изделия из меди, но в данном случае ско-

рее не украшения (это уже почти ювелир для бедных), а утварь и посуду: котлы, ведра, кастрюли, подносы. Во-вторых, мастер, ремонтирующий эту посуду и утварь: латающий дыры, лудящий и прочее. Если учесть, что медная утварь и посуда сохранились до наших дней как предмет постоянного потребления в бедных странах, где купить новый чайник не каждому по карману, а на ремонт наскрести можно, не удивляйтесь тому, что в любой восточной стране мастерские медников составляют целый ряд на базаре. Узнать их не трудно: у входа всегда грудятся и висят надраенные до блеска медные изделия.

Причин, по которым профессия эта была очень даже еврейской, несколько.

Медь — а на иврите «нэхошет» — одно из немногих полезных ископаемых Израиля во все времена. И среди списка профессий, встречающихся в самых древних текстах, всегда присутствует медник. Очевидно, так было и в кочевой период жизни евреев: оборудование мастера-медника легко поддается транспортировке гужевым транспортом (верблюд, осел), нужда в быстром ремонте есть всегда, а одновременно, наверное, медник умел ремонтировать и оружие (век-то был бронзовый).

Медь — металл красивый и блестящий, но легко поддается окислению (сильный яд «ярь-медянка»), а потому требует большого умения лудить поверхность. В ПТУ этому тогда не учили: не было ПТУ, и не считалось приличным учить секретам кого-нибудь, кроме сыновей и племянников. Такое умение человек мог таскать с собой без труда, куда бы его судьба ни забросила. А евреев, увы, судьба часто и безжалостно кидала.

Ну а третья причина в том, что евреями освоена была в общении с окружающим миром «сфера обслуживания». Это и понятно — землей они не владели, как господа. И не были к ней прикреплены, как подданные. Тут профессия медника ничем не отличается от других ремесленных занятий.

В Азербайджане есть горное селение Лагич, все жители которого славятся медными работами. Поэтому, встретив медника в любом городе, городишке и крупном селении

Азербайджана и Дагестана, смело спрашивайте его: не лагичец ли он. И, как правило, получите утвердительный ответ. Лагичцы — мусульмане. Спросите у них, на каком языке они говорят, и они ответят, что на лагичском. Резонно. А на какой он похож? На еврейский, ответят лагичцы, имея в виду, впрочем, татский. Только они «шалом» говорят, а мы — «салам». Но когда с ними говорим, скажем «шалом». И обязательно добавят в разговоре что-нибудь положительное о евреях.

В Бухаре я хотел купить медный поднос с крышкой для плова. Мне сказали, где это лучше всего сделать, но потом вспомнили, что сегодня суббота, и вздохнули: «Мастер сегодня не работает...»

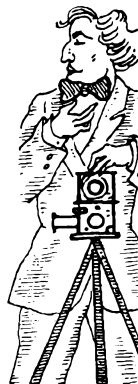
А на Украине мастера-лудильщика кое-где называли «котляром».

Почти все Котляры, которых встречал автор, были евреями: Боря Котляр, Сёма Котляр, Котляр Роза Моисеевна...

Шустер и однофамильцы

Среди распространенных еврейских фамилий заметное место занимает Шустер — со всеми ее разновидностями: Шустерман, Шустерович, Шустерзон. Ну, шустер и пр. — дело понятное: сапожник — он сапожник и есть. Потому никого не удивляет и русифицированная форма той же фамилии: Сапожник и Сапожников. Менее понятны Башмакчи и Скапат (и та, и другая встречались в Крыму среди тамошних евреев-крымчаков: башмакчи — башмачник, а скапат — от арамейского слова, обозначающего сапожника; встречалось оно прежде всего в Испании, но привычка евреев к недобровольным странствиям принесла его и в Крым, и в Турцию, и даже дальше). Надо, однако, разбираться в иврите, чтобы понять, что Сандлар на этом языке тоже значит «сапожник». А уж фамилия Сандлер (тот же самый Сандлар) звучит просто по-германски, не хуже, чем Зильберман или Сапирштейн.

Причина тому в распространенности сапожного ремесла среди евреев, особенно в Восточной Европе и на Востоке.

Сказано в Сангедрине: «семь лет продолжается голод, а в дом ремесленника он не заглядывает». Многие учителя Талмуда зарабатывали на жизнь ремеслом, а рабби Йоханан ха-Сандлар, как и следует из его прозвища, был сапожником, и никому из людей в голову не приходило сомневаться в его словах из-за простого этого занятия.

Как мы знаем, круг занятий в средневековом гетто был ограничен, желающих прокормиться было куда больше, чем возможностей, а христианские цеха к себе евреев не принимали. Но гордостью цехов было производство новой обуви, ремонтом они, как правило, не занимались, и так уж вышло, что ремонтом обуви стали заниматься евреи. (То же было и с портняжным ремеслом, как мы уже писали.)

Но как-то вышло, что ремесло это не получило такого развития в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине, как портняжное искусство. Как правило, не шили евреи новых сапог и туфель, а чинили пришедшие в негодность. И сапожников, что сидели на улице на ящике, а перед ними стоял другой ящик для инструментов и всякой дратвы, обычно презрительно называли «а латутник», то есть мастер ставить заплаты. Сам голодранец и такую же голоду обслуживает...

Поэтому в рассказе Шолом-Алейхема высоко мнящая о себе местечковая дама, увидев, что в ее дом пришел сапожник, отказывается туда зайти и возмущенно восклицает: «А бише! А шустер ин дер гейм!» — «Позор! Сапожник в доме!». Сапожник в доме благородной дамы, жены хозяйки на бакалейной лавки!

Множество евреев-сапожников ходили по Белоруссии и Украине и, остановившись в деревне на несколько дней, чинили крестьянам чеботы и сапоги. Человек, конечно, полезный и трудяга, но с чего, скажите, его уважать: кто отдает чинить рваную обувь? Бедняки. Так вот эти бедняки еще и его нанимают... (Правда, следует сказать, что домой без заработка он не возвращался — а что еще человеку надо?)

На мусульманском Востоке — к примеру, в Бухаре — мелкий ремонт обуви еще в середине прошлого века был чи-

сто еврейским занятием. Так же, как и чистка обуви. Мусульмане этим не занимались: что они — евреи, что ли? (Не хотелось бы оправдывать свойственное многим мусульманам стремление напомнить живущему среди них иноверцу его невысокое место, но... Многие ли евреи в Москве или Санкт-Петербурге занялись бы чисткой обуви? Нет — это было делом ассирийцев-айсоров, совсем недавних нестроенных беженцев, начавших новую жизнь с самой нижней позиции социальной пирамиды.)

И если, перебравшись в Новый Свет, большинство евреев находили себе место в «шматес-бизнесе» — на крупных фабриках одежды: портными, закройщиками, грузчиками и т. д., то сапожное ремесло среди ставших американскими евреев популярностью не пользовалось. В сапожники там чаще всего шли немцы, а потом почему-то поляки: кто начинал как латутник, а кто шил добротные хорошие башмаки.

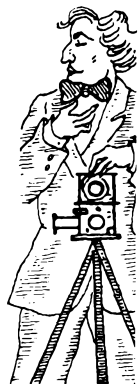
А фамилии Шустер, Шустерман, Сандлар и Сандлер, а также труднопроизносимая в Америке Сапожников оставались, показывая, сколько же предков промышляли шилом, молотком и драгвой.

Странно только, что при таком обилии в еврейском языке нет поговорки: «Шикер ви а шустер». (Если вы не знаете, «шикер» — «пьяница».)

«Только для еврейских глаз»

Эта английская идиома обозначает особо ценный и дорогой предмет. Кстати, английское «Jew» — «еврей» — на первый взгляд имеет единый корень со словом «jewel-гу» — «ювелирное дело». Но это только на первый взгляд, в действительности происхождение у слов разное, а так — просто похожее сочетание букв и звуков. В идиоме же сказались две вещи: распространенное мнение о том, что евреи сильно богаты, можно сказать, богаче всех, а также упомянутая нами случайная схожесть слов «еврей» и «ювелир».

Схожесть могла бы быть и не столь случайной, ибо ювелирное мастерство спокон веку было ремеслом (и высоким

художеством) очень даже еврейским. Об этом, среди всего прочего, говорит и огромное богатство еврейского языка для обозначения драгоценных камней. Многие из них плохо поддаются переводу на иностранные языки. Скажем, «саппир» переводили всегда как «сапфир», но многие знатоки иврита считают, что правильнее было бы «ляпис-лазурь». «Таршиш» — то ли «хризолит», то ли — «аквамарин». И так далее. Ведь один и тот же минерал может иметь разные оттенки и даже разные цвета. Но для того, чтобы все это различать и точно называть, нужно быть специалистом. (Для примера: в чукотском языке нет своего слова «пальма», ибо чукчи ее отродясь не видели, зато существует примерно 70 терминов для обозначения состояния снега, от которого на Чукотке никуда не денешься.)

Древние евреи любили украшаться, не забывая и серьги в носу, и кольца там же (хоть слово «пирсинг» не изобрели и даже не слышали), и браслеты на руках и на ногах, а в стране много было ценных камней и меди (хоть «эйлатский камень» возьмите к примеру). И импорт был развит из страны Офир и прочих концов света. Так что все условия для развития ювелирного мастерства существовали. Что же касается «времен потом», то ремесленник, особенно владеющий мастерством, неведомым другим, находится в лучшем положении, чем кто бы то ни был другой. И по долгим путям изгнаний и переселений шло и традиционное мастерство.

Уже во II веке рабби Элиэзер бен Гиркан запретил еврейским мастерам-цорфим (ювелирам) принимать заказы на изготовление украшений языческим идолам (а делать язычникам ожерелья, кольца, серьги — пожалуйста, отчего же и нет?). Это говорит нам, что искусство еврейских ювелиров ценилось, и им заказывали украшать самые ценные для наивных язычников предметы. А также, увы, и то, что всегда находились среди евреев не слишком праведные, готовые поступиться принципами ради заработка.

По прошествии двенадцати веков со времен рабби Элиэзера нашлись снова и те, и другие. В самом конце XIV века заказана была евреям-ювелирам в славном граде Барсело-

на серебряная рака для хранения мощей святого. И ведь не наивные язычники заказывали, а просвещенные монахи-августинцы. Кончилось тем, что Папа (точнее: антипапа) Бенедикт XIII издал эдикт, который запрещал заказывать у евреев церковную утварь.

И правильно сделал, кстати, ибо до этого раввины — со своей стороны — многократно подтверждали аналогичный запрет.

В домусульманские времена в славном городе Медина существовал целый квартал еврейских ювелиров, а ювелирные изделия, надо сказать, были одним из главных артикулов мединского экспорта. Все эти мастера принадлежали к клану Звайнуга. Впоследствии этот клан старательно обращали в ислам (и обратили): ведь пророк изгнал евреев из Медины, а этих, видать, нужно было удерживать на месте.

Во всех странах существуют искусства и ремесла, но некоторые качеством своих работ выделяются особенно. На Западе — Италия, на Востоке — Персия. Так вот и там, и тут работа еврейских мастеров высоко ценилась. К примеру, в Италии XV—XVI веков прославлен был выкрест Эрколе деи Фидели (в девичестве Соломон де Сесса). Выкрест-то он выкрест, да ведь искусство унаследовал от некрещеных предков... В самом Израиле тех времен город Цфат славился своими ювелирами; но это были люди благочестивые и ритуальные заказы иноверцев не брали. В Цфате народ был всегда в вере крепок.

Мы замечали уже, что мусульмане называли ремесло краильщика еврейским, а потому его презирали и им не занимались. Мастерство ювелира тоже считалось еврейским. Но за него брались и мусульмане.

В Йемене всегда предметом первой необходимости считался круто изогнутый кинжал-джамбия в великолепных ножнах. Делали его исключительно евреи. Когда их в Йемене не стало, не стало и новых кинжалов. Те же, что делают, настолько бледная копия, что приличный человек с таким и ходить-то не станет. И когда в столице Сане заезжий путешественник захочет купить хороший кинжал, торговец,

оценив его взглядом, вытащит из-под прилавка истинный экземпляр и шепнет доверительно: «Очень дорогой. Еврейская работа!»

Ей-ей, такая похвала из арабских уст многого стоит...

Карты — дело серьезное

Скажем сразу: не евреи изобрели географические карты. Это так же верно, как то, что не Россия — родина слонов. Более того, среди великих картографов, создававших эту науку (даже можно сказать — искусство), тоже евреев не было. Ну и что? Часы тоже не евреи изобрели, зато среди «еврейских ремесел» профессия часовщика далеко не последняя.

Мы говорим о занятиях, которые в некоторое определенное время и в некотором определенном месте считались еврейскими. Хотя бы потому, что евреи из поколения в поколение занимались этим делом, достигли в нем немалых успехов, и их ценили именно как незаменимых мастеров. Был момент — и довольно продолжительный, — когда понятия «еврей» и «картограф» почти совпадали.

Можно сказать, что первая известная нам карта, созданная евреем, была составлена пророком Иезекиилем в конце VI века до нашей эры. Предсказав грядущее падение Иерусалима, пророк нацарапал его схему на кирпиче. (Как вы знаете, бумаги тогда не было, а надписи и рисунки на глиняных кирпичах были делом обычным.) Далее сведения об еврейских картах прерываются до XII века — но уже новой эры. Это были скорее схематические чертежи Земли Обетованной с обозначенными границами («чужой земли мы не хотим ни пяди...»), уделами колен Израилевых, маршрутом сорокалетнего странствования по пустыне Синайской. Среди авторов еврейских карт, всегда привязанных к Земле Обетованной, такие столпы, как Маймонид, итальянский раввин Моше бен-Мордехай Басола, в XVI веке объездивший Святую землю, константинопольский раввин Мизрахи, пражский раввин Йосеф бен-Иссахар, наконец — последняя в ряду традиционных карт принадлежит Элияху бен-

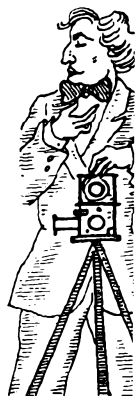
Шломо-Залману — Гаону (Мудрец — прописной!) Виленскому.

Но только с этой, довольно специфической (скажем так) отраслью картографии вряд ли можно было оказаться востребованными в широком мире за пределами еврейских общин.

Однако в XIII веке появляются и получают большое развитие особого вида карты-портуланы — морские навигационные карты, просто необходимые для торговцев-мореплавателей. На портуланах сам континент почти не изображен, зато побережье со всеми его заливами, бухтами, мелями изображено очень подробно. И очень тщательно нанесены линии-маршруты по компасу: от одного пункта к другому. Назначение портуланов было чисто практическим. (Почти, хотя это не совсем точно, как у нынешних дорожных карт.) Изобрели эти карты в Италии, стране мореходов высшего класса. Там искусство изготовления карт-портуланов, очевидно, и освоили евреи. Следует не забывать (и об этом уже было сказано), что уровень знаний о далеких, зачастую недоступных европейцам странах в еврейских общинах был гораздо выше, чем у нееврейских купцов-путешественников. Поэтому, когда стали составлять портуланы не только для Средиземного моря, а потом и карты, где изображались уже не одни побережья и морские маршруты, христианские власть имущие охотно стали прибегать к еврейской помощи.

В XIV—XV веках на острове Мальорка занималась картами еврейская семья Крескес. Глава семьи Авраам Крескес носил при дворе арагонского короля высокий титул «магистр карт и компасов». Вместе со своим сыном Иудой (а у того был тоже своеобразный титул или, точнее, прозвище «Judeo de las Maras» — «Еврей карт») он составил Каталанский атлас — один из лучших в Средневековье.

И португальский принц Энрике (Генрих Мореплаватель, как принято называть его у нас) не случайно пригласил к себе множество евреев, мастеров карт. Принц был католиком настоящим, но дело было для него прежде всего, а потому евреев в его окружении было столько, сколько требовалось, и недоброжелатели именовали его (за глаза, разумеется) Царем Иудейским.

Принц просто болел за морское будущее своей державы. И хорошо знал — кого приглашать создавать карты, надежные и точные.

Аптекарь и его ученик

Э то в наше время существуют химико-фармацевтические институты и факультеты, да еще средние учебные заведения, где готовят фармацевтов или, по-простому, аптекарей. В ранние Средние века, как и в древнее время, аптекарей готовили в семье. И сын аптекаря неминуемо становился аптекарем: во-первых, он с детства обучался всем премудростям составления лекарств; во-вторых, профессия эта всегда была нужной и уважаемой. Хотя и более скромной, чем, скажем, профессия врача. Как вы знаете, еврейская мама на вопрос, кто ее сын, с особой гордостью отвечает: «А доктор!» Но и сыном-фармацевтом гордились не меньше.

Если уж на то пошло, то в старые времена доктор самостоятельно составлял, а то и изобретал лекарства, и слишком уж бросающейся в глаза разницы между этими занятиями не было. Ну а растирал травы и минералы в ступке и смешивал их в пробирке его помощник, который, наверное, и был прообразом аптекаря.

Евреи знали множество лекарств и держали аптеки, это видно хотя бы из того, что Римские Папы (не все, но многие) не уставали издавать распоряжения о том, что еврейским аптекарям не следует обслуживать христианское население. Отсюда же следует и то, что, несмотря на эти запреты, христианское население упорно обращалось к аптекарям-евреям.

В эпоху позднего Средневековья, когда для занятий фармацевтикой требовалось уже наличие диплома, многим евреям пришлось нелегко, ибо дипломов они зачастую иметь не могли. И совсем не от тупости (прослушать курс удавалось многим), а лишь потому, что во многих лучших университетах Европы следовало принимать для этого призыву по католическому ритуалу. Тут дело даже не в хитрой

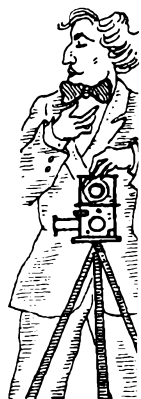
задумке антисемитов: кажется, о евреях-то думали совсем не в первую очередь. Это должно было отсеять протестантов. И все же прослушавший полный курс, но не получивший диплома, мог со своим заполненным матрикулом (по-нынешнему — зачеткой) работать помощником или учеником аптекаря, так и оставаясь «учеником» до седых волос и почтенной лысины. Что не мешало ему жить, зарабатывать и семью свою ученическую даже очень неплохо кормить. Но числился он всегда при дипломированном специалисте, а тот почти всегда был человеком крещеным и имел, скажем без обиняков, определенный доход от того, что считался пожизненным учителем и покровителем своего умелого и немолодого ученика.

Кто же мог знать, что сотни лет спустя и под совсем другим солнцем чин «аптекарского ученика» станет весьма и весьма среди евреев востребованным!

В Нидерландах, где поселилось множество изгнанных из свято-католической Испании евреев, доступ к получению диплома им перекрыт не был. И, естественно, во врачи и в скромные их помощники устремились евреи-аптекари. Там же учились и многие евреи из огромных (по еврейской географии) стран Пейл и Литэ, тогда уже, кстати, бывших одним государством.

Все это мы ведем к тому, что когда государство Российское, отхватив громадный кусок Польши и всю Литву, приобрело самую большую еврейскую общину в мире, оно получило вдобавок еще и такое количество аптекарей, что можно было бы обеспечить фармацевтическим обслуживанием чуть ли не всю империю. Но, как рекла матушка императрица Елизавета Петровна, от врагов Христовых мне интересов не надо. И все они остались в черте оседлости, где их и без того хватало. Столицы же и крупные города губернского и частично уездного значения обслуживали немцы.

Внуки немцев-аптекарей становились крупными (и даже великими) русскими учеными, чиновниками, а случалось, и дворянами, и немецкое, кроме фамилий, проскальзывало у них только в отчествах типа Карлович (а в третьем поколении были они уже сплошь Ивановичами...). Россия же пре-

врашалась в цивилизованное европейское государство, где рассчитана была густота аптек и т. д. Короче говоря, в списке профессий, дававших евреям право повсеместного проживания, на одном из первых мест числились аптекарский ученик и, конечно же, сам аптекарь.

К началу прошлого века понятия «аптекарь» и «еврей» частенько совпадали. При советской власти — и того более. И когда в стране бушевало «Дело врачей», ходили меж людей слухи: «Ой, что делается! Марья Васильевна таблетки купила, разломилась, а там — рак! Она в органы сбегала. А вечером еврей-аптекарь повесился...»

«Фигаро таки тут!»

... Если, конечно, называть так любого парикмахера. Ибо Фигаро из Севильи к нашей теме отношения иметь не может уже хотя бы потому, что евреи из этого прекрасного города и всей страны были изгнаны задолго до того, как родился он сам, создавший его писатель Бомарше и положивший всю эту историю на музыку композитор Верди.

Среди очень распространенных среди евреев профессий парикмахер занимает далеко не последнее место. Это у ашкеназим. А в некоторых этнических группах — так вообще занимает одно из главных, т. е. не все евреи — парикмахеры, но все парикмахеры — евреи. Ну или почти все... Впрочем, прошедшее время тут более уместно. Много ли осталось бухарских или горских евреев в местах их традиционного проживания? А на новых местах они не занимаются скорее всего традиционными занятиями.

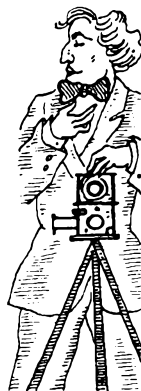
Надо сказать, что в не очень давние времена в обязанности цирюльника входили не только бритье бороды и стрижка (завивка). Цирюльник еще и кровь умел отворить, и больной зуб выдрать. Вследствие чего и по сей день есть места, где в память о цирюльниках-зубодерах к зубному врачу относятся недостаточно серьезно. Поскольку занятие цирюльника/парикмахера в числе самых уважаемых не значится.

Во-первых, любой обслуживающий персонал издавна считался чем-то второсортным по сравнению с теми, кого обслуживает. Во-вторых, человек, имеющий дело с остриженными чужими волосами (которые сразу же после удаления становятся чем-то грязным и неприятным), моющий чужую голову и т. д., как бы и сам кажется запачканным. Предрассудки, конечно, но предрассудки очень древние и ввевшиеся в сознание намертво — независимо от того, понимаем мы это или нет.

А следовательно, занятие это изначально стало делом неполноправных чужаков, которым иметь свою землю и связанное с ней всеобщее уважение не положено. У мусульман это прослеживается довольно отчетливо: всегда известно, кому какая профессия предписана. Скажем, баншиков-евреев не было у них никогда — законы зимми (о покровительствуемых) не позволяли евреям и христианам посещать одни бани с приверженцами Магомета. Но хотя профессия баншика и могла приносить неплохой и стабильный доход, слишком уважаемой не была — по причинам, схожим с приведенными выше. И выход был найден: баншики были мусульмане, но мусульмане... как бы это сказать, чтоб никого не обидеть... второго сорта. Например, в суннитских странах таковыми считались персы-шииты или азербайджанцы, а в Бухарском эмирате — иранцы, занимавшая социально низкое положение этническая группа, потомки захваченных шайтан знает когда в плен персов.

У европейцев (русских, в частности) такого явно пренебрежительного отношения к профессии парикмахера не было. У евреев, кстати, тоже. Но что поделаешь: как ни крути, а парикмахер — это вам не доктор и не купец любой гильдии.

Кстати, в обеих столицах империи евреев-парикмахеров не было: эта профессия права жительства не давала. А были парикмахеры-французы (или лица, за французов себя выдающие) для богатых и обычные русские мешане — для публики попроще. В черте оседлости за французов *каналы* евреи — хорошие мастера. Впрочем, так ли уж *каналы*?.. Если по-русски было написано на вывеске «Куафёр Жан Кобе

из Парыжа», то на идише — куда проще: «Янкель Кобылякер, парукмахер».

Во время эвакуации из разных бывших польских, а также независимых литовских и латвийских городов и городишек великое множество парикмахеров-евреев было разбросано по разным местам Советского Союза. Со своим почти европейским умением они быстро завоевали себе популярность и у городских элит, и у трудового населения.

В столицах же они появились после революции. И кое-кто сделал себе имя — к этим загодя записывались писатели, народные артисты и генеральские жены. Но дети таких мастеров никогда не становились парикмахерами, а выходили в инженеры, кандидаты наук и писатели-юмористы.

Так что в России порода евреев-парикмахеров как распространенная профессия вымерла или, если хотите, развилась и переродилась. А вот в Дербенте, Баку, Ташкенте, Ходжене и прочих солнечных центрах все уважающие себя мужчины по несколько часов в день проводили в парикмахерской у мастера Мордохаяева или Ханукоева. Это был, так сказать, клуб, и там можно было узнать все городские новости и сплетни. Потому и ценили мастера не только за мастерство (это само собой!), но и за умение собирать информацию и делиться ею.

Моисей Абрамсон, дантист

Почему все зубные врачи — евреи?.. Вопрос, надо сказать, в наше время совсем не актуальный, ибо сыскать в Москве зубного врача-еврея скоро будет так же трудно, как и любимого незабвенным генералом Лебедем еврея-оленовода (и генерала-либерала, разумеется).

И все же совсем недавно вопрос этот странным не казался. Конечно, основательное преувеличение в утверждении о поголовном еврействе дантистов содержалось — достаточно было взглянуть на список врачей любой стоматологической поликлиники, чтобы убедиться: евреев там было меньше половины. Но, с другой стороны, мы же прекрасно помним о знаменитой еврейской тайне: если евреев так

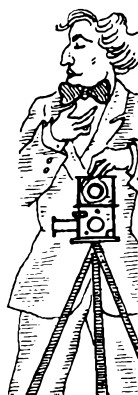
мало, то отчего же их так много?.. И, положив руку на сердце, среди дантистов, которых рекомендовали для частного приема и про которых говорили, что рука у них легкая, среди зубной, так сказать, элиты процент евреев неуклонно приближался к ста. И Сталину лечили зубы евреи (и даже ухитрились не попасть в число врачей-убийц), и Брежневу челюсть делал знаменитейший зубной протезист той же национальности (правда, знаменитый-то знаменитый, а чего ж Леонид Ильич с этой челюстью говорил так невнятно?.. Есть над чем задуматься антисемитам).

Необъяснимую и страстную любовь к профессии дантиста вы без особого труда обнаружите среди еврейских граждан Нью-Йорка, Лондона, Бухары, Ташкента, Душанбе, не говоря уж об Израиле... В чем же тут дело?

Начнем с небольшого исторического экскурса. Лечить зубы квалифицированно человечество научилось относительно недавно. Были, конечно, разные отвары и полоскания, а также заговоры, чтобы утихомирить боль. У одного фараона, дошедшего до наших дней в виде мумии, обнаружили вставной, мастерски выточенный из слоновой кости зуб (и еще неизвестно, когда этот зуб выточили и вставили: уж не в то ли время, когда евреи мучились в Египте?). И все же первейшим средством против больного зуба было его удаление. Выдиранье то есть.

А драл зубы не господин доктор, а зубодер-цирюльник (он же брил и стриг, он же ставил пиявок и отворял кровь). Именно это привело к несколько пренебрежительному отношению к ремеслу зубного врача (в Англии, например, дантиста и хирурга до сих пор не называют «доктор Смит», а «мистер Смит». Скажем, гинеколог, отоларинголог, прозектор, наконец... все поголовно именуется «доктор Смит», «доктор Хопкинс» или «доктор Рабинович»).

И чуть ли не до середины прошлого века основная масса зубных врачей заканчивала не мединституты и университеты, а курсы дантистов (что-то вроде медучилища). Работа эта среди медиков считалась непрестижной, и почти каждый молодой человек или девушка, мечтавшие о медицинской карьере, стремились в хирургию, психиатрию или педиатрию.

Взять хоть специфические и родные для нас российские условия. В университетах с их медицинскими факультетами свирепствовала процентная норма, и еврейский парень должен был не раз подумать: а стоит ли ему туда идти. А вот на курсах дантистов процентной нормы не было. Недоглядели. Плюс ко всему диплом давал право повсеместного жительства. Ну и не будем забывать о том, что работа дантиста, особенно с «легкой рукой», всегда была выгодной. Когда у человека зуб болит, когда он на стену лезет, он никаких денег не пожалеет, чтобы от боли избавиться. Всем это известно, а одно из еврейских проклятий звучит так: «Чтоб у тебя все зубы выпали, кроме одного, чтоб не забыл ты про зубную боль!»

И зубные врачи всегда извлекали из этого материальную выгоду. Евреи же всегда предпочитают работу, хорошо оплачиваемую, работе, оплачиваемой плохо. И этим, кстати, не отличаются от всех других сынов Адамовых, разве что у многих евреев это лучше получается.

Между прочим, не стоит забывать и о том, что работа дантиста еще и физически трудна: проводи-ка день в самых некомфортных позах, чтобы не только залезть в чужой рот, но и под стоны напрягшегося пациента подремонтировать на редкость неудобно расположенный зуб. Здесь требуется немалая сосредоточенность и прилежность, но именно в этих качествах евреям не отказывают даже закоренелые антисемиты.

Кроме того, евреям свойствен, так сказать, «династический подход»: если у папы хорошее дело, то будет разумнее и лучше, чтобы сын пошел по его стопам. У зубоврачебного кресла без куска хлеба с маслом не останешься. Это, кстати, уже поняли гордые сыны гор и степей, заменившие в Москве, Питере и, очевидно, не только там, Моисея Абрамсона, дантиста.

Слесарь Лошакер

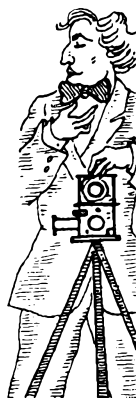
Покопавшись в этимологии слова «слесарь», мы узнаем, что произошло оно от немецкого «шлоссер», корень

которого, «шлосс», означает «замок» — ударение на втором слоге (кстати, с ударением на первом получается тот самый средневековый замок, который своими неприступными стенами запирает дорогу или горный перевал). Следовательно, слесарем изначально был именно мастер по замкам, запорам и всяческим механизмам. Это теперь заводской слесарь сочетает в себе и сборщика, и механика, и все такое прочее. Первоначальный же слесарь трудился в одиночку или в маленькой мастерской (теперь это называется «Металлоремонт. Срочное изготовление ключей»).

Москвичи старшего поколения, наверное, еще помнят будочки слесарей, на стенах которых обычно красовался патент, выданный владельцу — мелкому предпринимателю; всмотревшись в него, можно было заметить еврейские по большей части фамилии, а имена — словно из Шолом-Алейхема: Янкелевич Зуся Берович или, скажем, Лошакер Моисей Менделеевич (вообще-то во втором «е» Моисей Менделевич не очень-то нуждался, но паспортисты под влиянием фамилии великого русского химика огулом переделывали всех Менделей в Менделеевых).

Фамилии и имена эти, скажем прямо, не очень свойственные интеллигентным и обрусевшим московским и ленинградским евреям, были не случайны: в глухомань столиц и промышленных городов из шумных центров вроде Орши, Бобруйска или, страшно сказать, самой Козолоевки этих людей занесла война. Именно в этих городках, местечках, а то и деревнях профессия слесаря всегда была самой что ни на есть еврейской. Когда же по городкам и местечкам прокатилась война, чудом уцелевшему мастеру (а дай Бог, и семье его, хоть, может, и не всей) возвращаться было нскуда. А в крупном городе человек мастерской всегда себе на хлеб заработает.

По подсчетам демографов, изучавших профессиональный состав населения малых городков и поселков Белоруссии (самой что ни на есть черты оседлости), на пятьсот жителей там приходилось не менее трех слесарей. И если бы даже эти пятьсот жителей все имели по замку и прочему сложному механизму, а замки эти постоянно ломались, то все равно бы работы для трех среднестатистических слесарей

не нашлось. Да и, между нами говоря, кому нужен такой мастер, работу которого нужно вечно чинить? Не стать ли ему лучше водоносом?

В действительности же еврей-слесарь обслуживал целый прилегающий к местечку сельский район. К иным приносили в починку сломанные вещи приезжавшие в местечко на базар крестьяне (а можно было самому и не ехать: каждый крестьянин держался своего мастера и частенько напутствовал соседа: «Як будзеш у мястэчку, заскачы да Янкеля, а мы с им патом сасчытаемся»), иные сами ходили по деревням с инструментом. Зная, что кому в селе надо, прихватывали еще и мелкого товара на продажу. Знали и у кого переночевать, и где в шутку сала в кашу не положат. Сосуществовали земледельцы и ремесленники в целом довольно мирно, каждый знал, у кого какая работа, и относился к этому как к должному.

Причиной такого разделения труда было не только отсутствие у евреев земли и то, что в массе своей они, скажем прямо, к сельской работе не тяготели, но и то, что местные паны-поляки веками не позволяли крепостным крестьянам заниматься чем-нибудь другим. Русские помещики норавлили всех, так сказать, младших технических специалистов воспитать из собственных крепостных — отсюда и объявления в «Московских ведомостях» XVIII века вроде такого: «Продается слесарь с женой и двумя детьми...» Более же европеизированные польские паны предпочитали работу городских мастеров. А поскольку города эти стояли на их землях, то и мастеровой-еврей должен был платить и за разрешение работать, и обычный налог. Потому пан и был заинтересован в том, чтобы тот зарабатывал, равно как и в том, чтобы «хлопы» не вздумали сами бесплатно делать то, что могут сделать за деньги, часть из которых, все одно, достанется пану.

Завидный жених

Нет, ни о каких матримониальных проблемах, свадебных обычаях и прочем тому подобном речь не пойдет. А слово «жених» мы использовали только потому, что пред-

ставитель сугубо еврейской профессии, о котором хотим рассказать, всегда числился в сознании местечковых невест среди весьма и весьма желанных. Да что там местечковых! В самом Бобруйске, Жмеринке и даже (вы не поверите!) в Житомире о таком женихе можно было только мечтать. А лет 50—60 назад — и в Москве...

Но о ком идет разговор, мы вам сразу не скажем, а начнем с загадки, сочиненной в свое время поэтом Губерманом. Вот скажите-ка, что это такое: «Без окон, без дверей, а вовнутрь влез еврей?»

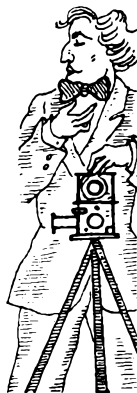
Конечно, зная пролазливый характер этой нации, можно предположить самое мрачное — многие, кстати, на этом и ловились. В действительности же поэт имел в виду... обыкновенного часовщика. Да-да, именно часовщика! Ибо ни окон, ни дверей не имеют часы, а тот, кто влезает в их внутренности, чтобы починить, всегда — еврей.

Боюсь, что для нынешних читателей это загадка сложна вдвойне. Вот скажите, положи руку на сердце, кто последние лет тридцать, а то и сорок, видел настоящего часовщика? Теперь вокруг действуют пункты приема испортившихся часов — какие-то совершенно безликие, где сидит девица, ни уха ни рыла в часах не смыслящая, берет у вас часы и отправляет их на завод. А там тоже неизвестно кто их ремонтирует. После чего они уже не ходят никогда.

То ли дело раньше!.. Стояли в людных местах будочки, мастер сам копался в шестеренках-пружинках, вглядывался через свой монокль и говорил вам, когда прийти. И таки иногда часы после этого продолжали ходить! Большинство этих часовщиков были евреями. Так уж получилось.

Вообще-то это ремесло не относилось к разряду сугубо еврейских с глубокой древности. Более того, к западу от Польши евреи-часовщики были (если были) большо-о-ой редкостью. А в восточной части Европы — наоборот. Правда, только с середины XIX века. До этого же большинство мастеров часового ремонта составляли немцы. Даже часы кремлевской Фроловской (Спасской) башни при Иване Грозном ремонтировал приглашенный немец.

Немцы селились на востоке Европы как пекари, колбасники, аптекари, поскольку в Германии такого рода масте-

ров наблюдался переизбыток и, как следствие, там царила жестокая конкуренция. Восток же и особенно Россия предоставляли возможность спокойной жизни и хорошего заработка. Каждый мастер приезжал с мечтой поднакопить денег и убыть на историческую родину — в смысле «нах Фатерлянд», что редко кому удавалось: мастер строил в России дом, передавал мастерство и гешефт сыну, тот — своему... и так далее.

Но когда благосостояние укреплялось и участь честного ремесленника переставала тешить семейную гордость, когда сыновья, окончив гимназии, поступали в университеты, на службу, приходилось задумываться о том, на кого оставить отлаженное поколениями мастерство и предприятие, даже если это была и крошечная мастерская. Очевидно, на учеников.

Вот тут-то мы и подходим к занимательному повороту событий. В ученики немцы (мы имеем в виду русских немцев) предпочитали брать еврейских парней. Что вовсе не означает, что они были... э-э-э... филосемитами. Дочку свою, к примеру, они за подмастерье-еврея ни за что бы не выдали. Но зато ценили в нем прилежность, способность учиться и не боялись, что он пропьет инструменты, а заодно и часы заказчиков. Так часто бывает в мире: сначала некая этническая группа занимает какую-то нишу и укрепляется в ней, а потом старается перейти к более престижным и привилегированным занятиям. А нишу занимает другая, которой только еще предстоит завоевать место под солнцем, и она же ниша представляется для нее вполне почетной и означает шагок вверх. Патриотическая печать уже в те времена отметила эту пагубную тенденцию и даже описывала ее в достаточно трагических тонах: «...Немцы предпочитают брать себе в ученики жидов и бесстыдно объясняют это тем, что жида — способнее, прилежнее и не пьют...» Ну, далее, как водится, следовали призывы дать по рукам и так далее...

Мы за немецкие слова не отвечаем и смысла их не разделяем, а приводим только потому, что это все поспособствовало стремительному распространению среди евреев профессии часовщика. Может быть, часовщик был не в каждом

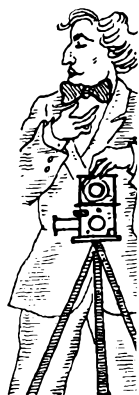
маленьком штетле — там некому было ремонтировать и нечего; но в городах чуток покрупнее несколько часовых дел мастеров, «зейгермахер», мастерские свои держали обязательно — ремонтировали часы в домах окрестных помещиков, купцов. Да и крестьянин, становясь зажиточнее, часы покупал непременно.

Естественно, появились и соответствующие фамилии: Зегарник, Зейгермахер, произошедшие от польского «zegar», что и означает «часы». И был этот зейгермахер завидным женихом: всегда с работой, при деньгах и прилично одетый...

Фотохудожник с ателье

Присущая вообще евреям скромность в рассуждении по себе самих не позволяет нам утверждать, что фотография — одно из древнейших из еврейских занятий. Скорее всего потому, что сама фотография — не так уж стара. Ни в каком древнем еврейском тексте она не обозначена даже намеком. Более того, признаем, что и изобрели фотографию не евреи. И, наконец, согласимся с тем, что до Российской империи это «светописное искусство» дошло со значительным опозданием. Мы, конечно, не имеем в виду Санкт-Петербург и Москву, Киев и Одессу: там-то все европейские (впоследствии — американские) новинки появлялись почти сразу, но долгое время служили развлечением богатых и очень богатых людей. Скажем, в русскую деревню привычка украшать жилище (горницу) фотографиями близких и дальних родственников пришла только в конце XIX века.

И тем не менее, только лишь появившись, фотография — в России — стала занятием еврейским. Чтобы не быть голословными, вспомним те превосходные, с коричневатым оттенком фотографии, сохранившиеся во многих семьях. Они обычно наклеены на великолепный картон и сзади — среди виньеток и непонятной принадлежности медалей — вычурным шрифтом изображена фамилия владельца ателье. Набор там однообразный: Бомштейн, Диамант, Быховский,

Варшавский и далее все в таком же духе. То есть однообразие достигается исключительно национальной окраской фамилий. Сознаюсь вам, что, просмотрев множество старых фотографий, я ни разу не столкнулся с фамилией другой этнической принадлежности.

Приведем еще один — но убийственный! — аргумент. Придворным фотографом великого князя Владимира Александровича в Санкт-Петербурге в конце XIX века был г-н К. А. Шапиро. Клянусь вам, что если бы можно было найти для этой службы не Шапиро, не был бы он придворным фотографом. Кстати, он снимал не только великокняжескую семью, но и Льва Толстого.

В конце XIX века занятие фотографией в еврейской среде играло роль ремесла. Евреи стремительно пользовались возможностью расширить круг традиционных промыслов и яростно завоевывали эту область профессиональной деятельности.

Дело здесь не только в особых талантах (что, все фотографы были талантливы, как Шапиро?). Дело здесь в общечеловеческой мудрости: «Хочешь жить — умей вертеться». Евреям вертеться приходилось ох как, а в это умение входила и способность вовремя оценить новое. Пока другие еще об этом не подумали.

А ведь тут нужно было владеть новыми техническими навыками, может быть, даже обладать некоторым художественным чутьем (а то и талантом), приобретать дорогое оборудование и материалы.

Но какие еврейские родители станут экономить на благе и успехах своего ребенка? И покупали все необходимое. Подвиг их представляется тем значительнее, если учесть, что многим набожным и темным людям занятие фотографа, изготовляющего изображения людей, казалось греховным.

Салон художественной фотографии в начале прошлого века был уже обязательной принадлежностью не только губернских, но и уездных городов.

Советская власть частные салоны ликвидировала как класс. Бывшие владельцы превращались в мелких служащих ателье, где делали фото на документы, хотя и не только. Это уже не очень интересная история, но фо-

тографы все еще в большом количестве принадлежали к лицам еврейской национальности. Недаром поэт Губерман, желая подчеркнуть переходный период в еврейской истории, когда евреи только что оторвались от земли, пишет:

Они уже не сеют хлеба,
Но не фотографии еще...

То есть фотограф в поэтических глазах превратился в символ местечковых занятий. (Это мы, впрочем, оставляем на совести поэта.)

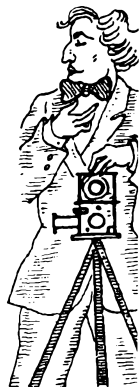
Но был еще один момент, который забывать не следует. Не все фотографии и дети их стали снимать фото для досок почета и профбилетов. Многие из этой среды, вооруженные знанием дела, хорошей техникой, ушли в документальную фотографию. Она в 20—30 годы бурно развивалась. Так появились известные фотографы-репортеры: Альперт, Липскеров, Наппельбаум, Е. Халдей, всемирно прославившийся снимком «Водружение Красного знамени над рейхстагом», и многие другие.

Из этой же среды вышли пионеры новой отрасли искусств — кинооператоры.

Но это уже совсем другая тема.

Юрист, сын юриста

Наверное, все евреи в душе — юристы. Хотя бы потому, что обожают дискутировать и успокаиваются только тогда, когда победят соперника. Соперник, правда, не всегда знает о том, что он побежден, и убежден и часто считает, что победил он. Но — главное — оба довольны. Кроме того — даже с точки зрения чисто религиозной, — жизнью иудеев управляет такое количество правил и предписаний, что нормальное и спокойное существование может обеспечить только точное их знание и умение толковать. Так что хочешь не хочешь, а юристом (в смысле: знатоком законов), хотя бы и не профессиональным, быть приходилось.

Если же говорить не о любителях, а о профессионалах, то и тут количество евреев-юристов на еврейскую же душу населения весьма велико. Настолько велико, что выражение «я — сын юриста» может переводиться как «мой папа — еврей». (Мы, естественно, никого конкретного в виду не имеем; у нас у самих у многих — папа-юрист.)

А ведь если посмотреть повнимательнее в историю, выяснится, что евреи в юридическом сословии появились относительно недавно. Да что там «относительно»! Совсем недавно: в самых веротерпимых странах не раньше конца XVIII столетия. А в менее веротерпимых (в том числе — и нам хорошо известных) гораздо позже.

Не будем жаловаться на вечное стремление окружающего мира не давать евреям жить по-человечески. Дело во многом в том, что право в большинстве стран зиждилось на постулатах христианской религии, и считалось, что иноверец не может ни руководствоваться ими, ни глубоко принять их в сердце.

Тем не менее юридическая карьера евреев сильно привлекала. Не забудем, что действовали во всех странах Европы (и не только) раввинские суды, работа в которых требовала юридических способностей и навыков, и существовали люди, специализировавшиеся на работе в таких судах. Таких содержит множество нормативных предписаний — законов, а также их религиозное обоснование. Кстати, эти законы — во многом — вошли в различные системы законодательства современного мира. (Да еще и в почти тождественных формулировках!) Талмуд носит еще более последовательный юридический характер: ведь он собрание правовых, этических и прочих принципов иудаизма.

Существует и понятие «еврейского права» — системы, объединяющей принципы ритуала и юриспруденции. И мало кого в еврейской среде так уважали, как знатоков еврейского права. Таких знатоков хватало в любой крупной еврейской общине.

Так что можно сказать, что эмансипация евреев еще не наступила, а стремление стать юристами уже было.

Но, увы, помимо обоснования церковного были и другие обстоятельства, мешавшие евреям наконец-то заняться любимым делом: почти повсюду юриспруденция считалась

занятием уважаемым настолько, что допускать в нее чужаков казалось невозможным. (Не забудем к тому же, что профессия юридическая всегда оставалась делом хлебным; это толкало к ней евреев, но и сплачивало ряды не желающих их до нее допустить.)

С приходом эмансипации, открывшей двери юридических факультетов для нехристиан, евреи составили изрядный процент от общего числа студентов.

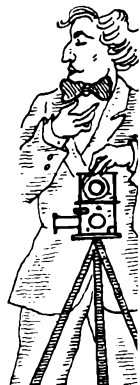
Но — по причинам, изложенным выше — путь на государственную службу — судьями, прокурорами («королевскими адвокатами» в Англии) — был им где закрыт, где здорово затруднен. А вот адвокатура во всех странах относилась к «свободным профессиям». Правда, и в гильдию адвокатов вступить оказалось не просто. Но можно.

И наступила эпоха Великого Перелома: в адвокатуру пошел еврей.

Изменения, произошедшие в России после Великой Октябрьской революции, привели к тому, что все закрытые для евреев двери широко распахнулись. И евреи, естественно, в эти двери хлынули. Уж во всяком случае, исконная тяга их к юриспруденции во всех ее видах теперь могла быть удовлетворена полностью. Новая власть нуждалась в квалифицированных кадрах, коих среди евреев хватало и в царское время. А вслед за квалифицированными взялись за дело и кадры, может, не столь квалифицированные, но пробивные. Их, разумеется, хватало тоже. Кадры требовались и в прокуратуру, и в суд, и в милицию, и в ЧК. В последнем случае, впрочем, на первом месте стояла не столько юридическая подкованность, сколько преданность делу победившего пролетариата.

Следует заметить, что старые зубры присяжные поверенные, будучи буржуазного социального положения, частью эмигрировали, частью же, как бы теперь сказали, «залегли под корягу». Как никто другой они чувствовали шаткость правовой ситуации в новом социалистическом государстве и потому предпочитали не высовываться.

Казалось бы, адвокат-либерал, известный критическим отношением к проклятому царизму, успешно выступавший

в политических процессах и тем снискавший славу в либеральной и демократической частях русского общества, мог бы преспокойно пожинать лавры уже потому, что его бывшие подзащитные стали видными государственными и партийными деятелями! Но хороший адвокат тем и хорош, что изучает своего подзащитного и знает, чего от него самого и от неумеренных его политических амбиций ждать. Ну а уж если тот подзащитный был эсером или меньшевиком... Тут жизненный опыт подсказывал бывшему присяжному поверенному однозначно держаться подальше. Многие из дореволюционных юристов устраивались на совершенно незаметные места, вроде счетовода, и рады были тому, что о них никто не вспоминает. И ведь до чего ж оказались правы! Уже через двадцать лет после революции (да и раньше тоже) бывшие их подзащитные, некогда пламенные революционеры, оказались врагами народа, причем на новых процессах никакой адвокатский опыт им бы уже не помог.

И вообще первое время после Великого Октября адвокатов в стране попросту не было. Не нужны были. Владимир Ильич, сам дослужившийся в свое время до помощника присяжного поверенного, прекрасно понимал, что в деле осуществления революционного правосудия адвокат — только досадная помеха.

Потом адвокатов вернули в судебное заседание. И, хотя евреям была теперь открыта дорога и к другим сферам юридической деятельности, многие традиционно предпочли свободную профессию адвоката. Из их среды вышли такие гиганты, как, например, Брауде, крупнейший советский адвокат-криминалист 1920–1930-х годов. Но все же большинства среди адвокатов, скажем, Москвы и Ленинграда евреи не составляли, хотя были заметны.

Ни для кого уже не секрет, что в Советском Союзе господствовало так называемое «телефонное право», когда приговор зависел не от умения защитника, не от убеждения судьи, а от решения партийных органов, сообщавшегося судье по телефону. Зато в разных мелких делах приобретал все большее распространение не адвокат, а скорее, «аблакат», человек, все юридическое умение которого заключа-

лось в том, что только от него и ни от кого другого принимали на лапу судьи и прокуроры. Да и милиция не брезговала. Это был не юрист (хотя, возможно, бумажкой об окончании юридического техникума он обладал), а тот самый фактор-посредник, о котором мы уже писали. К сожалению, профессия фактора (в данном случае аблаката) находила всегда среди лиц еврейской национальности немалое число приерженцев.

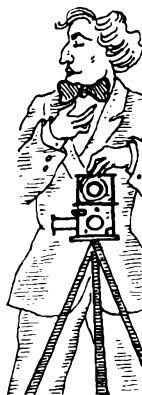
Резкое увеличение процента евреев среди адвокатов (имеются в виду прежде всего настоящие адвокаты) произошло тогда, когда советская власть пришла к выводу, что слегка перегнула в еврейском вопросе после революции, и стала перекрывать доступ лиц вышеназванной национальности в суды и прокуратуру (но, что интересно, не в милицию — особенно в далекой провинции). А заодно стала очищать ряды стражей закона. Вот тогда-то все освобожденные от прежних занятий стройными рядами и направились в адвокатуру. Многие — с облегчением, ибо им казалось, что эта свободная профессия и доходнее, и привольнее, чем сидение в прокурорском (или еще каком) мундире. Некоторые — с печалью, ибо статут государственного чиновника представлялся им самым престижным.

Потому и не еврейские выпускники юридических вузов предпочитали госслужбу. Процент евреев в адвокатуре нарастал.

Снизился он — и притом резко — в новых наших условиях, когда профессия адвоката стала более чем престижной и в адвокаты стремятся люди самого безупречного происхождения. Что же касается детей пожилых и знаменитых адвокатов-евреев (мы не имеем в виду никого лично!), то они, чаще всего, тоже адвокаты. За океаном...

Адвокаты и Плевако

Не в России появились первые еврей-адвокаты в крещеном мире, но начнем мы с нее, хотя бы потому, что она нам ближе. При этом подзаголовок может на первый взгляд показаться странным или даже неуместным, как выраже-

ние «масляное масло». Если масло — оно всегда масляное, то Плевако — это значит адвокат, поскольку Плевако был настолько талантливым, удачливым и знаменитым адвокатом в начале прошлого века, что само имя его стало нарицательным. Не спешите с выводами. Мы имеем в виду не всех адвокатов, а лишь адвокатов-евреев. И вот между ними и знаменитым Плевако имел место быть антагонизм. Плевако тут выступил просто в роли предшественника, можно сказать. Только позвольте нам далее уточнить, чьего предшественника.

Начнем с того, что в отличие от большинства европейских стран в России до самого 1864 года — года судебной реформы — адвокатов не было вообще. Соответственно, не было и адвокатов-евреев. Правда, с 1832 года существовал институт присяжных стряпчих, в рядах которых евреи были, но это вовсе не то, что адвокат. Похоже, но не то.

В 1864 году в России была создана демократическая (без всякой иронии!) судебная система и появилась адвокатура. И судебные уставы той поры не содержат никаких ограничений для евреев. Пожалуйста: прослужи пять лет по судебному ведомству — и тебя допускают до адвокатской практики. Не хочешь прослужить по этому ведомству (ах, вас не берут на эту государственную службу, ох как жаль!), найдем выход: те же пять годков прослужите у присяжного поверенного (так именовали адвокатов, имевших право на выступление в суде любой инстанции, полноценных адвокатов) — и опять пожалуйста!

Но — гладко было на бумаге, да забыли про овраги, на каковые никогда не скупилась Россия на любой еврейской дорожке. С 1889 года начали постепенно вводить всякие ограничения. Но в стране уже заслужили известность многие еврейские адвокаты. И аристократический герой «Анны Карениной» по бракоразводному делу идет к известному в Петербурге адвокату и, ожидая приема, сочиняет — вполне беззлобно — «Было дело до жида, и я дожидался». Причем из текста гениального романа можно понять, что никакой экзотики или хотя бы новизны в петербургском адвокате-еврее нет. Обычное дело-с.

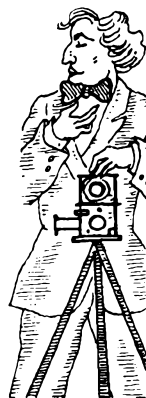
Ограничения тихой сапой вводились, и большинство еврейских выпускников юридических факультетов становились помощниками присяжных поверенных. Что вообще-то слишком больших неудобств не создавало (особенно если патрон был человеком своим или просто приличным), но морально несколько угнетало. Вроде бы вас пора Иосиф Григорьевич называть, а они — все Ося да Ося...

«Журнал гражданского и уголовного права» утверждал, что «...наплыв евреев в сословие присяжных поверенных — явление ненормальное, и вообще нельзя отрицать, что у евреев есть неприятные черты» (с чем мы спорить не будем и это подтвердим, добавив только, что именно этим евреи никак не отличаются от всех других народов). Журнал с арийской прямоотой заявлял, перечисляя еврейские неудобства: «...более талантливы, обладают большими знаниями, более внимательно относятся к клиентам». Но вместо вывода типа: «Г-да присяжные поверенные! Держите равнение на ваших еврейских коллег! Повысим квалификацию и улучшим отношение к клиентам!», журнал призывал к ограничению евреев в сословии. (Занятно только, как их вышеприведенные аргументы чуть ли не до слова совпадают с рассуждениями самых бездарных и неумных борцов за еврейское дело; выводы, конечно, совершенно разные.)

И император Александр III утвердил в «Учреждении судебных установлений» в 1889 году ограничение «принятия в число... присяжных поверенных лиц нехристианского вероисповедания». То, что имелись в виду евреи, ясно было и без разъяснений. Другие нехристиане в юриспруденцию тогда еще не лезли.

(Для сравнения: в советскую эпоху существовала инструкция о недопущении к ряду занятий лиц, национальность которых имеет государство за границей. К примеру, австралийцев, евреев, японцев, немцев и т. д. Скажите мне: много ли японцев стремились стать старшим инженером в каком-нибудь Гипробум? Отечественным немцам, правда, от отделов кадров досталось...)

Часть не стойких морально евреев постаралась быстро креститься. Но, узрев это, известный и влиятельный адво-

кат Плевако предложил с этих новохристиан ограничений не снимать, ибо главное здесь «...начало национальности...».

И этим стал предшественником тех, кто во главу угла поставил расу. Уточнять не хочу, поскольку г-н Плевако, в сущности, был человеком либеральным...

Однако как ни старайся, а число евреев среди адвокатского сословия России все увеличивалось. Был ли человек полным присяжным поверенным или помощником вышеозначенного, он имел право выступать в суде, а клиенту — если он уж совсем не упертый на расовой чистоте — совсем чихать было, кто поведет его дело. Был бы результат. Тут, конечно, сыграла свою роль твердая убежденность лиц не еврейских национальностей в том, что еврей, если надо, так и черта со дна моря достанет. Об этом говаривал еще такой известный семитофил, как Тарас Бульба..

Как известно, к адвокату, как и к доктору, обращаются не от хорошей жизни. А когда прижмет...

Вдобавок крупные компании нуждались в юридических консультантах. Скажем, известному финансисту барону (признанному в баронстве своим российскими законами) Гинцбургу был необходим юридический советник по еврейским делам. У каждого барона, как известно, своя фантазия, вот и Гинцбург среди множества прочих своих дел уделял повышенное внимание еврейскому вопросу. А запретить барону иметь советником по таким делам именно еврея не мог никто. Вот и стал им известный юрист Г. Слиозберг.

Слиозберг и еще несколько крупных евреев-адвокатов были утверждены в полном звании еще в 1904 году, когда министром юстиции стал либерал князь Святополк-Мирский. И множество евреев были утверждены сразу после 1905 года. Конечно, это безобразие длилось всего год, потом последовало разъяснение, что на присяжных поверенных (как и на присяжных заседателей) распространяется процентная норма — от 5 до 10 процентов. Сами понимаете, что в Одессе или Житомире процент был самый большой, да и то люди жаловались, что на практике он куда больше.

(Тут следует заметить хотя бы в скобках, что как это ни парадоксально, но со времен еще государя императора Алек-

сандра I разрешено было брать евреев на государственную службу. Надо было только иметь ученую степень по медицине, а по другим наукам — даже докторскую. Но когда евреев останавливала необходимость иметь степень? Как говорила одна знакомая мне заведующая отделом кадров недавних времен: «Да они все готовы защититься!»

Разрешение, бывало, отменялось, но вновь восстанавливалось. Список евреев в должностях вице-директоров департаментов и в чине действительного статского советника — генеральском! — достаточно обширен. Справедливость требует добавить, что такого зачастую не бывало в куда более либеральных странах. Хотя бы из-за необходимости принесения христианской присяги.

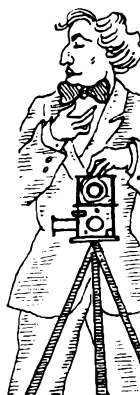
При этом мы не говорим о выкрестах, которых столь справедливо порицал Плевако. С ними список действительно мог навести на мысли о засилье и заговоре. И многих наводил...)

В адвокатуре за евреями числятся несколько персональных рекордов.

Возьмем, к примеру, присяжного поверенного Л. Геллерсона. Выступая на процессе по делу о погроме в Белостоке, он внимательно и весьма профессионально разобрал антисемитские провокации... Чьи? Горько сказать, но Министерств юстиции и внутренних дел. То есть тех, как сказали бы сейчас, силовых структур, которые, наоборот, должны бы были пресекать подобные провокации. Очевидно, руководство вышеназванных министерств необычайно удивилось и приняло меры, чтобы не допустить впредь подобных безответственных высказываний. Зарвавшегося Геллерсона привлекли к судебной ответственности и приговорили к году заключения. Такого в царской России не бывало ни до, ни после.

Первой женщиной, вознамерившейся стать адвокатом, была г-жа Флейшиз. Не будем кивать на антисемитов: само словосочетание «женщина-адвокат» казалось большинству общества противоестественным. Так мало ей, что женщины! Еще и еврейка! Из адвокатуры ее выжили.

Такого поворота событий не мог ожидать даже мудрый Плевако...

Певец доли народной поэт Игорь Губерман в одном из своих стихотворений-гариков так сказал о вечной еврейской загадке: «...На свете евреев мало, а всюду их очень много». И был прав, хотя бессмертные строки его можно, конечно, понимать по-разному.

К примеру, любой еврейский источник в подробностях поведает вам о том, как почти всюду злые люди всячески мешали евреям, скажем, стать адвокатами, а потом приведет такие проценты занятых в этой сфере лиц еврейской национальности, что сразу становится ясно: упомянутые злые люди в отвратительной своей деятельности совершенно не преуспели. И потому, очевидно, исходили злобой и изобретали все новые и новые препоны и рогатки, в результате чего численность евреев в охраняемой от них области еще более возросла... И так далее до бесконечности.

Если бы евреи только в России (Советском Союзе) так любили быть адвокатами, то тему вполне можно было бы завершить современным периодом. Но в том-то все и дело, что нечто подобное имело место едва ли не во всех странах с еврейским населением. Естественно, что в странах, где евреев нет, они никак не могут заполнить собою местный адвокатский корпус. Не будем же мы писать про Вьетнам (при всем уважении к этой стране)! Нет евреев — нет и темы. Хотя, справедливости ради, отметим, что в тяжкие для вьетнамского народа годы французского колониализма в Сайгоне существовала адвокатская контора «Марсель Коэн и партнеры», обслуживавшая юридические интересы французских колонистов, а также вьетнамских и китайских коммерсантов, обращавшихся во французский суд. Кстати, в этой самой конторе повышали свою квалификацию молодые вьетнамские юристы, среди которых, к слову сказать, был даже один будущий крупный деятель партии и правительства. Но все же говорить о евреях во вьетнамской адвокатуре не приходится — за отсутствием последних. Вместе с другими колонистами и колонизаторами Марсель Коэн и его партнеры убыли во Францию, и потому говорить о них следует во французском контексте.

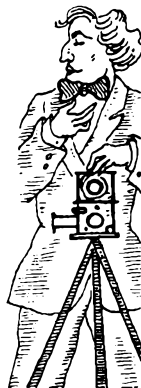
До Второй мировой войны районами с очень большим еврейским населением были страны Центральной Евро-

пы (которую раньше называли Восточной, но теперь жители этих стран под Восточной Европой понимают исключительно наше ближнее зарубежье, себя переместив в центр континента). Польша, Венгрия, Румыния, Чехословакия — повсюду процент еврейского населения был исключительно высоким.

До немецкой оккупации Венгрии процент евреев в Будапеште приближался к нью-йоркскому. В австро-венгерские времена 60 процентов адвокатов венгерской столицы исповедовали иудаизм (указываем на вероисповедание лишь потому, что с учетом выкрестов этот процент увеличился бы еще заметнее). Принятие расовых законов — ближе ко Второй мировой войне — полностью отстранило евреев от этой работы. А при императоре Франце-Иосифе не только многие видные судьи, но даже королевский министр юстиции были евреями (и некрещеными к тому же...).

О Польше до 1918 года следует писать или как о части Российской империи, или как о части Австро-Венгрии и Пруссии (тамшние евреи тогда ничем в юриспруденции не отличились, потому что центрами, куда они стягивались, были Вена и Берлин). После обретения независимости Польшей евреи получили право заниматься юридической деятельностью, после евреи составили примерно половину всех польских адвокатов — это в местах, где их было не очень много. А там, где евреев было очень много, там и число адвокатов-евреев соответственно половину заметно превышало. На другие юридические посты евреев, по негласному правилу, не допускали и, очевидно, чтобы скрыть этот факт, назначили Гласса окружным судьей, Аллерханда — представителем Польши в Международном суде в Гааге, а Литауэра — членом Верховного суда. Надо сказать, что по-польски принято обращаться к адвокату «пан меценас» («покровитель») — от имени римлянина Мецената. И когда одного польского мальчика спросили в школе, кем был Меценат, ребенок не раздумывая отвечал: евреем. До такой вот степени в его незрелом мозгу слились эти понятия...

Во Франции, как и в других странах, евреи стремились к юридической карьере. Можно долго описывать историю

их вращая в сообщество правоведов: были тут и свои трудности, и свои особенности, ибо Франция начиная с конца XVIII века являлась светской страной, но культура ее все же осталась христианской; на принципах христианства основано и право. В общем, принципиально наш рассказ не выйдет слишком оригинальным, а потому остановимся сразу на одной из выдающихся фигур французской юстиции — Изаке Адольфе Кремье, деятеле не только французского, но и международного масштаба.

Жизнь его была не лишена парадоксов. Начать хотя бы с того, что он не только был евреем по рождению (причем из старинной провансальской семьи), но и считал себя евреем. Казалось бы, что тут странного? Кем же еще считать себя евреем? Вот тут надо учесть, что отец его был убежденным атеистом и дал сыну только светское образование — никакой талмуд-торы (начальная религиозная школа). Такому безбожнику и креститься бы морального труда не составило, а это облегчило бы сыну жизнь даже во вполне светской Франции. Однако папаша хоть и атеистом был, но чтобы в выкресты идти — ни-ни!

Одно время Кремье являлся членом и даже президентом Центральной консистории (так сказать, духовного управления французских евреев), но пост этот вынужден был покинуть — и вовсе не из-за происков антисемитов, но исключительно потому, что его жена-католичка крестила детей. Ну, вроде бы типичный интеллигентный приличный еврей, коих и в России хоть пруд пруди: от своих не отрекается, а большого (да и малого) интереса не проявляет. Однако же и это не так.

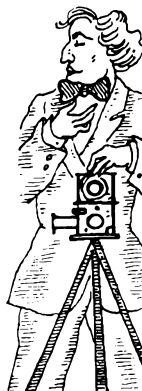
Свою юридическую практику он начал в городе Ниме и через суд добился признания права не приносить «еврейскую присягу» в суде. «Еврейская присяга», которую, как следует из названия, приносили в суде только евреи, казалась евреям унижительной. Произносили ее на иврите, призывая на свою голову фантастические проклятия в случае нарушения. Проклятия с иудаизмом имели мало что общего: изобрели ее и перевели на иврит средневековые монахи-выкресты. Произносить ее еврей обязан был босым (почему? отчего?), в набедренной повязке и влася-

нице, держа в руке Тору. И хотя власяница с набедренной повязкой, равно как совсем уж средневековые вода или же свиная шкура под ногами свидетеля, давным-давно ушли в область легенд, сам факт этих псевдоеврейских проклятий представлялся евреям ущемлением их прав. Суд удовлетворил иск Кремье, и в 1846 году «Еврейская клятва» была отменена. Отныне евреи приносили присягу (или лжесвидетельствовали), положив руку на Ветхий Завет (на французском языке), и предупреждали их лишь об уголовной ответственности.

Во Франции карьера этого человека была весьма завидной. В революционном 1848 году он несколько месяцев был министром юстиции, способствовал отмене смертной казни за политические преступления, отмене публичной смертной казни (лишил народ дармового развлечения!) и добился упразднения рабства чернокожих во французских колониях. В 1851-м, когда к власти пришел Луи-Наполеон, чему Кремье противился, ему пришлось некоторое время провести за решеткой. Впрочем, недолго. Затем бывший министр продолжил заниматься юридической практикой. Прожил он 84 года, и дай Бог, чтобы все евреи так прожили!

А славу международную ему принесло участие в так называемом «Дамасском деле». Речь идет о кровавом навете — будто бы евреи убили христианского монаха. Напраслину возвели в Дамаске монахи-капуцины, а Франция имела в этом деле свой интерес — хотела заполучить под свою руку местных христиан. Довольно-таки гнусную роль во всем этом сыграл — не без ведома правительства — французский консул. Но и Кремье был не последним парнем на Париже! В дело вмешались австрийский, английский и другие европейские консулы. Сирия была вассалом Египта, где правил некий Мухаммад-Али, которому нужны были хорошие отношения с Англией и Австрией, а не местная дамаская самодеятельность с французскими интригами... Сложная все-таки это штука — политика! Кстати, в Париже штучки-дрючки консула и в правительственных кругах тоже не всем понравились: каждый ведь вел свою игру...

Как бы то ни было, Кремье добился оправдания. А потом, когда власть в Сирии прибрали к рукам турки, султан

специальным фирманом повелел считать кровавые наветы клеветой. Ныне и присно.

Великобритания всегда была одной из наименее антисемитских стран Европы. Не следует, естественно, понимать, что широкие трудовые и джентльменско-лордские массы дружно приветствовали обильное появление евреев на каком-нибудь участке деятельности, но и активного противодействия этому, как правило, не оказывали. Британцы вообще славятся умением находить компромисс и точку соприкосновения с кем угодно, хотя «кто угодно», разумеется, должен был перенять британские нормы поведения, говорить на безупречном английском и в конечном итоге своей деятельностью служить интересам Великобритании. К примеру, никого из англичан никогда не смущало, что архитекторов им приглашают из Франции, композиторов и оперных певцов — из Италии, что шестьдесят процентов лексического запаса английского языка похищено (вернее, усвоено) из французского (или хотя бы через французский)... Никто, конечно, не пытался доказать, что Великобритания — родина слонов: тем более что все и так знали, что подавляющее большинство слонов проживает на территории именно Британской империи, над которой совсем недавно никогда не заходило солнце... И посмотрите: кто бы ни строил дома и дворцы — строили их именно для британцев и с учетом именно их вкусов, чужие слова приобрели такое звучание, что их никто бы не понял (или сочли бы английскими) даже на прародине, да и слоны, наверное, тоже приобрели какие-то британские манеры. За это, впрочем, мы не ручаемся.

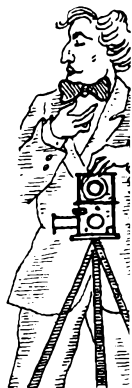
Все это мы рассказали затем, чтобы стало ясно, почему путь к юридической карьере евреям вроде бы перекрыт не был, но... В «Клятве юриста» были слова: «по истинной вере христианина». А без «Клятвы» вы не могли стать юристом. Что же вы хотите: Британия — христианская страна, и христианская вера (в протестантском варианте) является такой же неотъемлемой частью здешней культурной традиции, как и все остальное.

Так что тут даже еврейские источники, склонные усматривать антисемитский выпад даже в наводнении на островах Фиджи, в сознательных мерах антиеврейского характера Англию не обвиняют. Если уж кого и хотели попридержать британские законодатели, то это католиков, и потому в присягах и прочем присутствовали некоторые элементы подчеркнуто протестантского характера, чтобы католик не мог через них пройти. А то, что это мешает евреям, никому в голову не приходило, так же как, кстати, и мусульманам с индусами. Впрочем, мысль о том, что мусульманин сподобится претендовать на пост юриста, могла прийти тогда разве что в совершенно безумную голову.

А вот местные евреи никогда не оставляли своего стремления заняться адвокатской практикой. Первым евреем, который в 1887 году стал адвокатом, был Ф. Голдсмит: произнося присягу, он опустил мешавшие ему слова, правда (насколько же человек стал британцем по духу!), заранее предупредил об этом всех, кому эту присягу давал. И так как-то получилось (о, это важное для британцев слово «прецедент»!), что адвокатами становилось все больше и больше евреев. Хотя в сравнении с другими европейскими странами число их все равно было трудно назвать великим. Но и малым его тоже не назовешь. Не Польша, конечно же, не Венгрия и даже не Австрия догитлеровских времен... А вот юристы-судьи, правоведа еврейского происхождения и вероисповедания были заметны.

Зато после Второй мировой евреи составляли уже десять процентов солиситоров (адвокатов, имеющих право выступать лишь в низших судебных инстанциях, вроде нашего нарсуда). Среди барристеров (выступающих в судах высшей инстанции) этот процент был чуть ниже. Но зато к 1970 году членами Верховного суда были аж шестеро евреев. Такого вы во всей остальной Европе не найдете, сколько бы ни старались.

Как известно, в Англии все не как у людей. Нет, к примеру, в стране прокуроров. Вместо них — адвокат короля (королевы). А есть еще и королевские адвокаты — люди, которым доверены дела правящего дома (из их числа очень часто

назначаются члены Верховного суда и прочие юридические сановники). Называют их «silk coats» («шелковые мантии»). Так вот — первой женщиной, получившей такую мантию, была еврейка по имени Роза Хейлборн.

В Британии по этому поводу остроили:

— Как же она будет заседать с другими «шелковыми»?

— А что?

— Так ведь у евреев, кажется, мужчины и женщины даже в синагоге вместе не сидят...

Расцвет и процветание бывших британских колоний (впоследствии — членов Британского Содружества Наций) вполне естественным образом привели к расцвету и процветанию тамошних еврейских общин. И, соответственно, к росту юридической активности местных иудеев. Мы сейчас имеем в виду прежде всего такие страны, как Австралия и Канада. И, разумеется, времена, когда поездка туда никак не напоминала ссылку без возврата.

Прежде всего эти страны можно было рассматривать как районы (огромные!) единого англосаксонского мира (тоже огромного!) с единым, как любят писать в нашей прессе, юридическим полем. Поэтому, получив образование, скажем, в Англии и не найдя в метрополии достойного своим силам применения, молодой адвокат мог перебраться в Австралию или Канаду и начать свою карьеру там. У него не было ни языкового барьера, ни трудностей с признанием диплома. И вдобавок никаких ограничений для лиц, выразимся так, нехристианских вероисповеданий тоже не существовало (анекдоты про мистера Кона или Шапиро во внимание принимать не будем: где без этих анекдотов обходится? Даже там, где ни Кона, ни Шапиро нет...).

В Австралии были другие заботы — как ограничить иммиграцию из Азии да Восточной и Южной Европы. Но дедушки Кона и Шапиро так давно перебрались из Восточной Европы в Англию, что внуки их стали уже привилегированными переселенцами со «Старой Родины-Матери».

Потребность же в специалистах была, и немалая. Так уж вышло, что многие евреи-юристы, начав с младших

партнеров в юридических конторах, получали столь лестные предложения на государственную службу, что переходили на службу британской короны. И многие приезжавшие, чтобы сколотить состояние и вернуться в Англию, оставались насовсем. Не зря на Зеленом континенте говорят: до Австралии трудно добраться, зато, добравшись, назад не захочешь. Не уверен, что первопоселенцы этого материка, которых везли в трюмах, в цепях и по приговору суда, так уж назад не хотели. Но то, что их потомки, равно как и потомки их надзирателей, и бодрые правнуки Кона и Шапиро, все как один являются отчаянными австралийскими патриотами — факт, отмеченный в литературе.

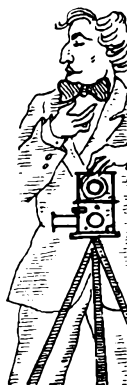
В 60-е годы XIX века был принят в сословие адвокатов Сиднея Дж. Саломон. Но не успел он развернуть адвокатскую практику, как его назначили высшим чиновником министерства юстиции штата Новый Южный Уэльс, а еще лет через двадцать — главным судьей штата. Там же членом Верховного суда стал Коэн, а спикером парламента — Леви. А еще один Коэн занял пост королевского адвоката (по-нашему: прокурора штата).

И вот ведь какая странная вещь: после Первой мировой войны еврейское население Австралии выросло (и заметно!), а число евреев среди юристов — нет. Число адвокатов даже уменьшилось. Слишком их, видать, оттягивала госслужба...

К примеру, сэра Айзек Айзекс в 1927 году исполнял обязанности председателя Верховного суда Австралии, затем, в 1930—1931 годах, стал уже не «и. о.», а полным председателем. И кто знает, как далеко бы пошел, если б не назначили его генерал-губернатором страны, то есть вторым человеком после британского короля. Но король-то — в стольном граде Лондоне, а сэра Айзек — тут. Я так думаю, что за пост генерал-губернатора любой еврей-адвокат от Варшавы до Берлина отказался бы от занятий адвокатурой не раздумывая. Так что не будем судить сэра Айзека строго...

Короче говоря, в Австралии и сегодня много евреев-адвокатов. Но это не единственное их занятие в юриспруденции.

Никто не мешал евреям заниматься любым видом юридической деятельности и в братской Канаде. Были среди

них и судьи, и министры (в провинциях), и изрядное количество профессоров юриспруденции. Генерал-губернаторов, правда, не было.

И все же количество евреев-адвокатов не столь велико, хоть и дискриминации нет. Причиной тому, увы, близость Соединенных Штатов. Образование дешевле получить в Канаде, причем образование высокого качества, а дипломы признаются по обе стороны Ниагарского водопада. Вот и полетели стаи евреев-адвокатов к югу. Поле деятельности там шире. А поле юридическое — одно.

Немецкий адвокат немислим без титула «доктор». А получал этот титул каждый окончивший университет, тогда как оканчивавшие технический вуз становились обладателями не менее почетного звания «инженер», которое тоже употреблялось повсюду. Даже на списке жильцов у входа обязательно было отмечено: «инженер» или «доктор». Или «обер-лейтенант полиции»... Юрист обозначался как JUDr — аббревиатурой от латинского «доктор общего права». Как вы знаете, слово «еврей» на немецком звучит «Jude», и это давало повод для многочисленных плоских шуточек, обыгрывавших сходство юридического титула с названием национальности. Шуточки отпускали профессиональные юмористы, а эта профессия во многих европейских странах всегда была не менее еврейской, чем те, о которых мы уже писали.

Само собой, причиной изобилия такого рода шуток было изобилие еврейских адвокатов. Учиться в немецких университетах, не меняя вероисповедания, евреи начали еще в XVIII веке; правда, поначалу лишь на медицинских факультетах. Юридические же оставались для них закрытыми еще довольно долго. После революционных событий 1848 года евреи получили-таки право заниматься юриспруденцией, хотя, конечно, и не во всех немецких государствах. В Пруссии, к примеру, получили. Но одно дело — диплом иметь, а другое — заниматься практикой. Те, кого ну очень тянуло в юриспруденцию, крестились (потому о них пока что и разговора нет), другие писали теоретические труды и даже приобретали на этом поприще широ-

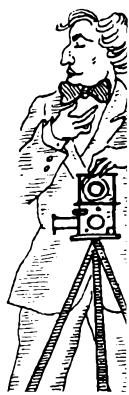
кую известность. Известностью, впрочем, сыт не будешь, а в адвокаты, где сытость обеспечена, попасть было крайне затруднительно.

О выкрестах и их профессиональных успехах мы здесь вспоминать не будем, заметим только, что первым иудеем, оставшимся таковым в момент превращения на пике карьеры в университетского профессора права в Берлине, был Дернабург. Опять-таки заметим, что было это в Пруссии, традиционно считающейся государством реакционным и казарменным. Что и говорить: порядок там действительно любили, и если закон не препятствовал лицу иудейского вероисповедания стать профессором, то никакие эмоции лиц других вероисповеданий помешать этому не могли. В разумных пределах, разумеется.

Но адвокат — профессия свободная, и тут коллегам-адвокатам никто не мог указать, с кем им заседать в одной коллегии, а с кем не заседать. Доктор Риссер в 1860 году стал членом Высшего суда с генеральским чином государственного советника (герр штаатсрат), а несколькими годами ранее его так и не приняли в коллегию адвокатов. Надеюсь, как истинно германский юрист его превосходительство в своих судебных решениях не сводил счетов с давними обидчиками.

Все же определенный процент адвокатов-евреев во времена императора Вильгельма II существовал. Но после крушения империи и провозглашения так называемой Веймарской республики этот процент стал весьма неопределенным, ибо не учитывались выкресты, но все равно процент евреев среди адвокатов круто превосходил процент евреев среди всего населения (мы уж не считаем судей, профессоров-правоведов и пр.).

Конец этого, мягко скажем, ненаучного подхода к исчислению евреев положили нацисты, вооруженные единственно правильным научным методом расовой перестройки вселенной — гитлеризмом. Тут уж, крещен ты или нет, остаешься евреем по главному критерию — расовому. И, следовательно, подлежишь вычищению из германской юриспруденции. В общем, в 1933-м судьям и правоведам пришлось освободить рабочие места для истинных арийцев.

Адвокаты же продолжали выполнять свои обязанности аж до 1935 года. Им лишь запретили носить партийные значки на мантиях. Только им, заметьте! И потому можно предположить, что свастики-то пытались нацепить на себя как раз выкресты, против собственной воли объявленные евреями.

Ждать два года, чтобы очистить адвокатуру, Гитлеру, наверное, пришлось потому, что при всем своем людоедстве одним махом оставить весь германский народ без юридического обслуживания он не решился...

В то самое время, когда процент лиц иудейского вероисповедания среди юристов значительно превосходил процент лиц того же вероисповедания среди населения большей части стран Восточной, Центральной и Западной Европы, совсем недалеко от Европы, в принадлежащей туркам восточносредиземноморской провинции, которая для евреев всегда была Эрец Исраэль, адвокатов-евреев почти не было (при том, что самих евреев, хотя и не представлявших пока большинства, в общем-то хватало).

Причин тому было несколько. Пока Турция оставалась обычной мусульманской монархией, хоть и влиятельной, но дряхлеющей, местное право, основанное на шариате, вообще не предусматривало ни адвокатов, ни прокуроров: по духовным делам все решал кадий, а по гражданским и уголовным — либо сам паша, либо лица, его представляющие. Да и не принято было привлекать к отправлению юридической практики иноверцев. Впрочем, некоторыми правомочиями по внутренним делам той или иной общины обладали общинные духовные суды.

Когда (еще при султанах) Турция стала на путь европеизации, судебную систему реформировали: официально юристом мог стать любой грек, армянин или еврей, но... В отличие от названных христиан евреи этим почти не воспользовались — они плохо знали турецкий язык и в образовании своем сильно от армян и греков отставали.

Что же касается европейских евреев, численность которых в Эрец Исраэль росла, то адвокатов среди них не было: приезжали все больше земледельцы, ремесленники или очень религиозные люди, ученость которых никак не определя-

лась дипломом европейского университета. Короче говоря, когда мандат получили англичане (вот уж при ком юриспруденция должна была расцвести и заколоситься!), в Иерусалиме имелся единственный еврей-адвокат, и фамилия его была Фрумкин... Надо же — единственной страной, о которой никак не скажешь, что все адвокаты в ней — евреи, оказался Израиль (как бы он там тогда официально ни назывался). Кроме того, именно там никто бы и не осмелился сказать, что все евреи — адвокаты.

Столь безобразного положения англичане потерпеть не могли и открыли в Иерусалиме школу правоведения. Главным недостатком ее был язык преподавания — английский. И право, изучаемое в школе, тоже, естественно, было британским (то есть то право, которое изучают в британских университетах). При всех указанных нами недостатках нехватки студентов школа не испытывала, и на момент провозглашения независимости большинство практиковавших в стране юристов составляли ее выпускники. Впрочем, в 1926 году курс еврейского права был введен и в иерусалимском Еврейском университете, а в 1935-м — в Тель-Авиве.

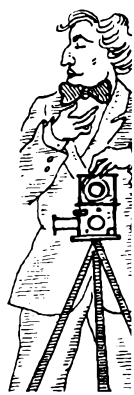
А когда хлынули репатрианты-олим, среди них нашлось место и адвокатам, и врачам, и зубным врачам отдельно, и скрипачам... Адвокатам все же было труднее других: требовалось отличное знание иврита. Но нет такой крепости, которую не возьмет еврей, стремящийся к достижению своей цели.

Поэт Игорь Губерман эту непреклонную волю описал так:

Если надо, язык суахили,
Звуком трудный и словом обильный,
Быстро выучат внуки Рахили
И фольклор создадут суахильный.

Это, конечно, не из юридической практики, но суть дела передает достаточно верно.

Нынешний Израиль — государство современное и демократическое (можно сказать, почти европейское), и адвока-

тов в нем на душу населения приходится примерно столько же, сколько и в странах Европы. Да и учиться на юрфаке престижно и дорого.

И все же именно Израиль — единственная на свете страна, где ищущий юридической помощи человек не скажет озадаченно: да тут одни евреи!..

Ибо это само собой разумеется. Но уж зато процента в населении они никак не превышают.

Глава VI,

где рассказывается о еврейских словах и словечках и еврейской географии, согласно которой Европа состояла из двух великих государств и нескольких поменьше; об открытии Золотой Страны, изменившей эту географию; об именах и фамилиях, а также о том, как история и география эти имена меняли и почему

Лингвисты-оптимисты утверждают, что уровень знания иврита среди евреев России (да и многих других стран) сильно повысился. Лингвисты — люди ученые, им и карты в руки.

Насчет знания идиша лингвисты высказываются редко. Очевидно, не для ученых занятий этот скромный язык, на котором говорили еврейские бабушки и дедушки. И много поколений их предков. Хотя, как правило, они знали иврит (в столь вызывающей в Израиле улыбку местечковой «ашкеназской» форме), но все же в быту — а быт ведь и есть вся жизнь! — мастерски пользовались языком идиш. Так что их потомки, перешедшие на великий и могучий, разговаривая между собой, просто не могут обойтись без словечек и крылатых выражений на этом языке.

При этом интересно, что, говоря на одном и том же русском языке, они, стоит им вернуть что-нибудь на идише, немедленно и автоматически употребляют эти слова

на том диалекте, на котором говорили в родном местечке дед или бабка.

И кто говорит «вус», скажет «цурес» и «мишиге», а кто скажет «вос», употребит «цорес» и «мешуге». Хотя вообще-то что цурес, что цорес: разницы между ними не больше, чем между мишиге и мешуге... Словечки эти и выражения окрашивают весьма своеобразно речь русских евреев и придают ей некоторый колорит. Не стоит, наверное, от них отказываться. Но стоит их правильно понимать.

Чаще всего можно слышать такое выражение, как «азохн вей». Сначала выясним, как оно переводится, а уж потом поговорим об употреблении. Хотя, и не разбираясь в этимологии, употребляют его обычно по делу. Собственно говоря, писать-то следует «аз ох-н-вей», что дословно переводится: «Когда (хочется сказать) “ох!” и “вей!”».

«Ох» понятно, от хорошей жизни такого не скажешь, а «вей» значит «горе», пришедшее с нами, скорее всего прямо с исторической родины, ибо все восточные народы выражают горестное настроение воплями и стонами «вай!», «ой-вой!» и «вай ме!». (Сравните с еврейским «Вей из мир!» и «Ой-вей!», обозначающими то же самое.)

Но еврейский язык идиш отличается одним качеством: слова в нем многозначны и зачастую выражают совсем противоположные качества. Причем собеседник это прекрасно понимает. А посторонний чаще всего — нет.

«Сынок, — говорит мама, — ты совсем не занимаешься. И ты надеешься сдать экзамены?» — «Азохн вей экзамены!» — отвечает юный балбес, что не следует понимать как ужас перед испытаниями, а совсем наоборот: «Тоже мне экзамены, мама! В гробу я их видел!»

А вот на вопрос «Как дела?» ответ «Азохн вей!..» нужно понимать буквально: «Такие дела, что остается кряхтеть “ох” и “вей”». И выражение «А глик от им гетрофен», что дословно значит «Счастье ему привалило!» в действительности имеет в виду такую беду, что не дай Бог никому!

Но особенно в полноте и силе это свойство идиша раскрылось в широко употребляемом слове «шлимазл». Пришло оно из иврита — «шейлем мазаль»: «полное счастье», но стало обозначать человека, и такого, что, если вам

кто-нибудь скажет, что у Рабиновича зять — просто шлимазл, не спешите поздравлять Рабиновича, веселиться ему не с чего.

Лучшее научное определение шлимазла дал великий ученый Ибн-Эзра, объяснив его так: «Если ты начнешь заниматься изготовлением гробов, то люди перестанут умирать ныне, и присно, и во веки веков. Аминь! А если ты займешься изготовлением свечей, то солнце станет посреди ясного неба и будет стоять ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!» Теперь-то, надеюсь, вам ясно, кто такой шлимазл?

Зато слово «шикер» имеет один смысл: «пьяный». А «шикер ви аа гой» — так очень пьяный.

«Цорес (цурес)» — «несчастье», хоть с «о», хоть с «у»; «шиксе» — всегда женщина не еврейской национальности, и ничего обидного в этом слове нет: может быть, она — шведская королева, а может, жена турецкого султана. «Мишиге (мишуге)» — они же «мишигенер» и «мишугенер» — всегда сумасшедшие, иногда в ласкательном смысле, а «цудрейтер» — ненормальный. Пойти «ин дрерт» — «сойти в могилу».

А вот с «урлом» дело посложнее. В сущности, «урл» значит «необрезанный» и имело презрительный оттенок. Теперь оно переосмыслено, обозначает нечто грубое и неотесанное. Но — главное — употребляется зачастую одним необрезанным в отношении другого и никак не связано с древним смыслом.

Говоря по-научному, этот маленький труд следовало бы назвать «Определение качеств и степени сравнения в языке идиш». Но идиш, уложенный в строгие и жесткие научные рамки, сразу теряет минимум половину своей прелести и живости. Кроме того, мы не пишем учебник языка, а всего лишь стараемся обогатить русскую речь наших читателей путем добавления в эту полезную и сытную пищу щепотки соли и перца. Лингвисты вообще называют разновидность общего языка, употребляемую какой-то этнической группой, использующей словечки и обороты, не понятные другим, но создающие атмосферу взаимопонимания и доверия между своими, этнолектом.

Потому — да не обидится на нас читатель за неполноту, а также за то, что его дедушка произносил некоторые слова

иначе. Что делать? Моя бабушка произносила их так. Ручаюсь, что думали они при этом одинаково.

Все люди тем или иным способом выражают свое удовольствие или неудовольствие и т. д. Евреи в этом смысле не представляют исключения. И когда еврею хорошо, даже очень хорошо, он удовлетворенно произносит «Амэхайя». К примеру, вы удачно выдали дочку замуж, жених вам нравится, а женихова мама накрыла великолепный стол с гифилте фиш, цимесом, рубленой селедкой, гусиной шейкой и прочими тончайшими блюдами еврейской кухни, а вы с вашим сватом, отцом зятя, хорошо и в меру выпили, тут остается откинуться на спинку стула и сказать с искренним чувством глубокого удовлетворения: «Ой, амэхайя!..» Корень слова — ивритский «мэхайе», что означает «оживляет, делает живым». На идише же получилось «амэхайя», и это даже лучше, чем «цукер зис!» — «сладко, как сахар», потому что это последнее относится скорее к вкусовой сфере. Только надо помнить, что на идише сладким, как сахар, может быть все, включая рубленую селедку. И это не значит, что она посыпана сахаром или полита медом, а всего лишь очень вкусна.

Впрочем, отличный вкус блюда может быть выражен и словом «цимес», а в совершенно отличных случаях — «цимес мит компот». Собственно говоря, сам цимес — сладкое блюдо из тушеной моркови с черносливом; можете любить или не любить его, но знать, что он значит не в предметном, а в абстрактном смысле нужно, если вы хотите овладеть этнолектом. Только помните, что и цимес, и цукер зис могут выражать также качества девушки и качество жизни в целом. «Ах, как я тогда жил! Цимес! Цимес мит компот!» Очевидно с доходами у человека было все в порядке.

О красоте девушки (или парня) можно выразиться и «шейн ви голд!» — «красива, как золото». Правда, не все то золото, что блестит...

О хорошей жизни говорить можно долго и разнообразно. Показывая превосходную степень хорошего, можно воскликнуть: «Аф мир гезукт!» — «Про меня будь сказано!». Вы видели человека, который себе пожелал бы плохого? Ну а если уж так хорошо, что было бы эгоистичным желать это-

го только себе, прилично пожелать «аф алэ йидн гезукт!» — «чтоб всем евреям так было!». Согласитесь, что так может желать лишь глубоко патриотичный народ! Можно еще пожелать себе «азай юр аф мир!» — «чтобы мне так было» и «алэ вай едер туг» — «чтоб так было каждый день». Но поскольку существуют в жизни вещи не только приятные, то и они нашли отражение в языке.

— Как дела?

— Аф алэ сойним гезукт! Чтоб всем врагам так было!

(Вариант: «Азай юр аф алэ сойним!» или в модернизированном виде: «Аф Усама бен-Ладен гезукт!» Последнее, мне кажется, в переводе не нуждается.)

Врагу же можно пожелать дырку в голову — «а лох ин коп!». Скажем, при упоминании имени его: «Г-н М. — а лох им ин коп! — делал то-то и то-то».

Есть еще одно чудесное выражение на идише, употребляемое зачастую бессмысленно: «Как дела?»

— Тугой-тугай! (Тогой-тогай!)

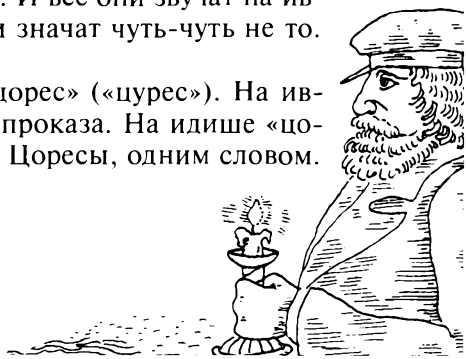
Просто «туг» (тог) значит «день», а «ой» и «ай» — выражения интернациональные. Все вместе значит: «День ой, день ай, так и живу, если это жизнь...» В общем-то жизнь человеческая не состоит из одних «ихес» и «нахес», но еще и из «цурес» и «макес»...

Мы, конечно, имеем в виду еврейскую жизнь. Возможно, существуют народы, жизнь которых включает в себе большее или меньшее число компонентов.

Хотя скорее всего в любом случае и ее можно уложить в нашу четырехкомпонентную схему. Но называют эти четыре краеугольных камня на идише, несомненно, только евреи. Потому и знать эти термины и то, что они означают, просто необходимо для свободного владения этнолектом.

Все эти термины — ивритского происхождения (пользоваться для столь важных понятий заимствованными словами было бы просто недопустимо). И все они звучат на иврите чуть-чуть не так, а иногда и значат чуть-чуть не то. Но близкое.

Начнем со всем известного «цорес» («цурес»). На иврите «царот» — напасти, недуги, проказа. На идише «цорес» — неприятности, огорчения. Цоресы, одним словом.

Употребляем безграмотное выражение «цоресы» только потому, что значительная часть лиц еврейской национальности по малому образованию в родной словесности говорит именно так: «Ты еще моих цоресов не знаешь!»

Малограмотность же заключается в том, что слово это от природы уже множественного числа и добавлять к нему еще и славянское множественное окончание — просто ни к чему. Но говорят-то так...

В конце концов, как говорили еврейские бабушки: «Як рэйдэла, то рэйдэла, абы добре мэйнела!» — «Как сказала, так сказала, только б думала хорошо!» (В этой мешанине идишских и украинских слов тоже библейских корней не сыскать, а ведь как сочно звучит! И главное — все по делу.)

Семантически (или проще — по смыслу) к слову «цорес» ближе всего «макес». Тоже вещь крайне неприятная, но зато более конкретная: «болячки». Скажем, упоминая кого-то, кому вы заведомо ничего доброго не желаете, прилично пожелать ему эти самые макес на живот. К примеру: «Ахмадинежад — макес им ойфн а бойх! — заявил...» Но это же слово может вполне употребляться для описания положения дел. «Купил шесть соток. Не хватало мне моих макес!» Или «Не буду даже рассказывать про все наши макес (макесы)». В этом случае на разговорный нынешний русский язык слово «макес» есть смысл переводить как «геморрой».

Повторяем: не для обозначения определенной и крайне неприятной болезни (аф унзере сойним гезукт! — про наших врагов будет сказано!), а только в разговорном нынешнем смысле. Ибо в противном случае, придя к доктору, которого вы можете подозревать в понимании этих терминов, и сказав, что у вас макес, не ждите, что он тут же полезет в то место, где водятся макес именно этого свойства. Придется уточнять.

Категорически от двух вышеназванных терминов отличаются «ихес» и «нахес». По смыслу, естественно. Ибо «ихес» — это «гордость». Лучше всего для примера тут подходят чувства матери, когда она может сообщить самой заклятой из своих подруг, что у нее сын уже доктор, а может быть, даже зубной врач. Тут можете быть уверены — «зи от ихес!».

«Нахес» — это и достаток, и благополучие, и все то, что объясняется формулой «аф мир гезукт!».

Итак — макес, цорес — врагам нашим чтоб так было!

Нахес и ихес — про нас с вами да будет сказано!

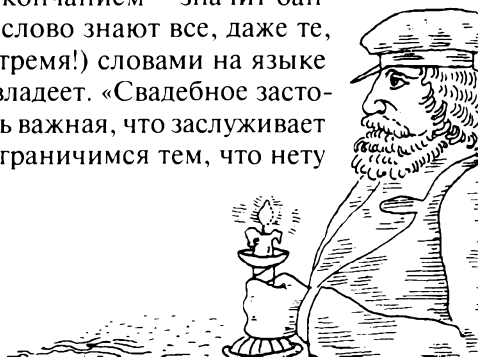
Кстати, фамилию автора — Минц — передавая по буквам, можно расшифровать так: Макеc, Ихес, Нахес, Цорес. Ну и что? Это же жизнь?

Само слово «мазлтов!» — «поздравляю!» содержит в себе целых два слова на иврите: «мазаль» — «счастье» и «тов» — «хорошее». Вы спросите: «А что, разве счастье бывает плохим?» И я вам отвечу, что, конечно, нет, ибо тогда это не счастье, а цорес. Все дело в том, что целые словосочетания на иврите становятся на идише одним словом и приобретают хотя и близкий, но не совсем тот смысл, как было в ближневосточном оригинале. Оттого-то единое слово «мазлтов!» следует понимать и употреблять как «поздравляю!».

Еще большее приключение произошло с выражением «а танганэйдендыкер там». Значит оно «райский вкус» и употребляется как особо сильная форма выражения «цукер зис».

Должно быть очень вкусно, чтобы навевать мысли о рае небесном. А вот он-то на иврите «ган эйден» — «райский сад», а вкус «та'ам», и вместе будет «та'ам ган эйден». Идиш из этого сотворил одно слово «танганэйден», добавил благозвучное окончание «дыкер» (вышло что-то вроде «райскосадновкусный»), а за отсутствием отличного от иврита слова «вкус» поставил тот же «там», отчего и получилось на первый взгляд чудовишное «райскосадновкусный вкус». Не будь это идиш, языковые пуристы руки-ноги бы обломали тому, кто такие словечки употребляет!

Так вот, «танганэйдендыкер там» особо применим на «хасэнэ сиденю». «Сиденю» — слово ивритского происхождения с идишским ласковым окончанием — значит банкет. А «хасэнэ» — свадьба. И это слово знают все, даже те, кто больше ни одним (ну двумя-тремя!) словами на языке не слишком далеких предков не владеет. «Свадебное застолье» вещь в еврейской жизни столь важная, что заслуживает особого разговора. Пока же мы ограничимся тем, что нету

радостней дня, чем тот, когда близкие скажут вам: «Мазл-тов фар а хасэнэ!» Причем и не скажешь — для того, кто женится (выходит замуж), или для родителей...

Итак, родители молодых договорились. В еще не очень далекую пору им обязательно помог бы «шадхен» (на иврите «шадхан») — профессиональный сват, держащий в голове десятки потенциальных невест и женихов. Профессия шадхена и перешла к отделам брачных объявлений в газетах («Мол. интелл. женщ. 32-160-42 хоч. вступ. в пер. с цел. знак.»), а слово в языке сохранилось в значении чего-то навязчивого, приставучего. «Пристал ви а шадхен!» — лучше всего на русский это переводить как «Прицепился, как торговый агент с гербалайфом». Назначена свадьба — «хасэнэ» на идише. На иврите — «хатуна», и трехбуквенный семитский корень «ХТН» просматривается почти во всех словах, с этим приятным мероприятием связанных.

Во-первых, это жених — «хусн» («хосн»). На иврите — «хатан». Во-вторых, «мехутоним». Это, так сказать, родственные участники свадебного процесса (звучит немного по-канцелярски, зато всеобъемлюще): папа и мама жениха, папа и мама невесты. Оба папы носят теперь титул «мехутн» (множественное число «мехутоним»), а обе мамы — «мехутенесте». Поэтому когда ваша мама говорит, что Эсфирь Борисовна — моя мехутенесте, это значит, что вышеупомянутая Эстер, дочь Боруха, — мама вашей жены. Или мужа, если жена вы сами. Зато в звании невесты — «калэ» (на иврите «кала») корень другой. Вызвано это разными ролями, которые играют жених и невеста на свадьбе (да и в последующей жизни), но разбирать этого мы не будем, ибо залезем в такие историко-филологические дебри, что не скоро выберемся.

Друзья жениха — «хуснс цат», а подруги невесты — «калэс цат». Именно «друзья» и «подруги», ибо во времена, когда термины возникли, было немислимо, чтобы у жениха до того были подруги, а у невесты — друзья. С женихом и невестой связано еще одно выражение, которое, как и почти все в идише, нельзя переводить дословно: «а хусн он а калэ» — «жених без невесты». Переводить его

следует как символ чего-то предельно нелепого, вроде русского «сапоги всмятку».

— А что, скажите, этот Боря действительно серьезный человек, и у него фирма?

— Аз-ох-н-вей! А хусн он а калэ! Какая там фирма! Смотрите, чтоб он у вас носовой платок не украл!

Отгремела свадьба. Не уверен, что на ней был «бадхен» — это уж было бы настолько традиционно, что хоть этнографов приглашай, но свадьба состоялась, и о ней сказали с уважением и пониманием: «Ан эмэсдыке идише хасэнэ!», что значит «настоящая еврейская свадьба» — в смысле очень хорошая, просто замечательная. В данном случае слово «идише» употреблено как синоним чего-то очень хорошего и правильного. Давайте заметим это и, пройдясь по основным деталям свадьбы и будущей жизни, о которых мы еще не упоминали, вернемся к слову «идише» и способам его употребления.

Чтобы не забыть: «бадхен» — от «бадхан» на иврите — обычно переводят как «свадебный шут». Это так и не так. Действительно, бадхен всех на свадьбе веселит, но не только. Он еще распорядитель свадьбы, тончайший знаток всех ритуалов. Он не спутает время, когда надо петь песнь расставания невесты с девичьей жизнью «Базецн ди калэ», с временем, когда надо петь и кричать «Мазлтов!». Раньше это была профессия не хуже шадхенской... Сейчас бадхена не встретишь, но знать о том, что такой существовал, — надо.

У всех есть родственники, а у евреев, для которых шестнадцатипородный брат — близкий родственник, тем более. Как и у всех людей, у еврея есть отец — «татэ», мать — «мамэ», но у еврея — в отличие от всех прочих смертных — не просто мамэ, а «а идише мамэ», то есть такая заботливая и любящая мама, что и когда сыну лет пятьдесят, не забудет позвонить и напомнить, что сегодня холодно и надо надеть пальто. (Заметьте, что и тут определение «идише» употреблено в самом положительном смысле.) Еще есть «фэтер» (не путать с немецким «фатер» — отец) — дядя. Но — главное — «мумэ». Мумэ — не мамэ. Мумэ — это тетя. Но у евреев так уж сложилось, что самым близким человеком по-

сле матери всегда была ее сестра. И если ребенок оставался сиротой (не про вас и ваших близких будь сказано!), заботу о нем всегда брала на себя мумэ. В общем, мумэ — это «а идише мумэ», что и звучит как похвала.

Есть у еврея также «бобэ» — «бабушка», «зейде» — «дедушка», а сам он для них «ан эйникл» — «внучек».

И все это очень «аф идиш», в данном случае «очень хорошо»...

А идише коп

Обычно, когда хотят похвалить умственные способности какого-нибудь человека еврейской национальности, говорят о нем: «А идише коп» — «еврейская голова». Ни у говорящего, ни у слушающего нет никаких сомнений, что это высшая похвала, что человек этот очень умен, способен разбираться в изменяющейся обстановке и принимать единственно правильное решение. О гражданине добросердечном и отзывчивом скажут «а идише харц».

— Яков Исаакович вам помог?

— Ой, дай ему Бог здоровья! А идише харц!

Или вариант:

— Человек надежный?

— А вадэ! А ид! Несомненно! Это же еврей!

Но глубоко заблуждается тот, кто подумает, что разбираемое нами слово всегда носит исключительно положительный характер. Я не имею в виду антисемитов, для которых определение «еврейский» имеет смысл столь отрицательный, что как бы противостоит слову «человеческий». (Для придания этому определению умеренно положительного оттенка используется сложная конструкция «хотя и еврейский», что показывает даже некоторое удивление: «Во, смотри-ка, еврей, а туда же, типа ничего...») Нет, автор разбирает случаи, когда в самых что ни на есть еврейских устах знак «+» резко вдруг меняется на решительный «—».

Спросите у пожилой женщины из тех, кто еще с идишем в ладах, что она так злится, чистя, скажем, картошку.

— А! — ответит она. — А идишер мессер!

И тут не следует переводить сказанное ею дословно как «еврейский нож», хотя именно так дословно она и выразилась.

Переводить следует как «нож никуда не годится, он не режет, он безнадежно затупился, а с них разве можно помощи ждать? И т. д.». («С них» — от мужа, сына, зятя — ненужное зачеркнуть.)

Как-то автор этих строк пришел в гости к своей знакомой — очень приятной даме. Стоило ему сесть на диван, как к нему на колени прыгнула пушистая кошечка. Автор — то есть я — почесал кошечку за ухом. Та замурлыкала, как-то очень уютно устроилась, так что согнать ее не представлялось возможным, хотя чай пить стало неудобно. Хозяйка, увидев, что кошка мне понравилась, заметила, что животное это очень деликатное и ласковое. И чтобы усилить описание положительных черт кошки, добавила на идише: «А идише кецеле!» Что дословно, как вы понимаете, означало «еврейская кошечка», но переводить выражение следовало: «Ой, какая ласковая и душевная!»

В ходе беседы выяснилось, что хозяйке в этом доме старой постройки докучают мыши.

— А что ж кошечка? — спросил я. — Самое ей охотничье раздолье.

— Ей? — протянула хозяйка. — Будет она вам мышей ловить! А! — Она махнула рукой. — А идише кешл!

Причем тут это следовало понимать, что с ЭТОЙ кошки толку нет и быть не может.

В общем, говорил я вам раньше: в идише словарь и грамматика не помогут, его надо слышать и видеть...

Само слово «идиш» есть прилагательное от слова «ид». А это слово евреи употребляют обычно с неопределенным артиклем «а» — вместе «а ид». Вот это-то слово знают многие, даже если не ведают больше ни одного слова на идише. Но по причине неграмотности полагают, что это единое с артиклем выражение «айд» (да и вообще о существовании артикля — этой принадлежности цивилизованных языков! — в бабушкином наречии не догадываются).

С уменьшением знания даже элементов идиша появилось чудовищное выражение для обозначения, так сказать,

аида женского рода — «айдка». Это, простите меня, такой уже бред собачий, что и объяснять-то не стоит. Лучше запомните, что женщина соответствующей национальности называется «а идышке».

Само слово «ид» возникло и попало в идиш не без приключений.

Как известно, названия народов (и евреи тут — и это редкий случай — не исключение) происходят или от имени, которое народ дает себе сам, или от того слова, которым пользуются для его обозначения другие. К примеру, индейцы никогда не звали себя индейцами (и даже не подозревали, что таковыми являются), китайцы не зовут себя китайцами, а немцы — немцами. Но так их называли другие, и это прижилось, по крайней мере в иностранных языках. А евреев, сплошь проживающих в окружении носителей нееврейских языков, все зовут именно так, как выбрали для себя они сами. Мне могут возразить: «ид» — слово на идише, идиш — заимствован из верхненемецкого, на котором «еврей» звучит как «юд» («юде»), и с особо большой симпатией это слово никогда не произносилось. И я ни с каким из этих утверждений спорить не буду — они все правильные. Я только спрошу: а откуда в немецком языке это слово появилось? И как на иврите, исконном еврейском языке, будет «еврей»? И отвечу: «егуди», то есть «житель Иудеи», которая как раз и есть «Егуд». У римлян, которые познакомились с евреями много раньше германцев, «Егуд» стал «Iudaea» — «Иудеей», маленькой, но беспокойной провинцией Римской империи. А будущая Германия — Прирейнские провинции — стала зачастую тем древнеримским Магаданом, куда иудейских повстанцев ссылали в массовом порядке. Из латинского «iudaeus» и получилось немецкое «юде» и столь нам близкое «а ид». Слово, так сказать, вернулось к законным владельцам. Как поется в хасидской песне «Ой, ви гит ци зайн а ид!» — «Как же хорошо быть евреем!». Впрочем, этот вопрос каждый решает для себя сам. Я лишь добавлю: «Хорошо быть таким евреем, который понимает, что это такое».

Ксива на шмон

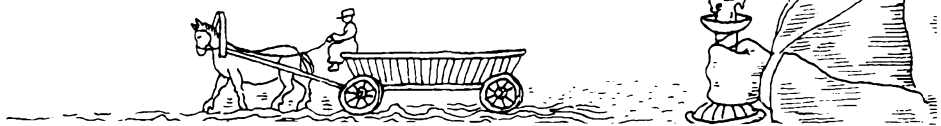
Все, чьи бабушки разговаривали с дедушками на идише в попытке скрыть от внуков тему разговора, помнят удивительное сочетание слов и целых оборотов — то совершенно непонятных, то вдруг абсолютно ясных. Для этих людей выражение вроде «А банке мит варенье штейт аф а полке ин ди кладовке» не представляется ни противоестественным, ни непонятным, ни сказанным на любом другом языке, кроме илиша.

Идиш — язык рассеяния, говорящие на нем люди всегда жили среди других народов, как правило, владели их языками и при постоянно возникавшей необходимости вводить новые слова и понятия заимствовали их из языка окружающего населения. И тем, кстати, ничем не отличались от других народов, дополнявших свой язык, хватая отовсюду, где можно. Разве что столь быстро заимствовали из разных источников. Так что с течением небольшого времени говорившие на разных диалектах идиша переставали понимать друг друга. Это, кстати, евреев особенно не беспокоило: для контактов разных общин использовался иврит, резко не принимающий иноземных заимствований.

Но идиш с его судьбой интересует нас тут лишь с одной и гораздо менее известной стороны: как язык, не только бравший слова из других языков, но и донор, дававший им свои. Практически во всех языках Европы присутствуют слова из идиша. Частью это так называемые «экзотизмы», то есть слова, необходимые для передачи специфики описываемой среды. К примеру, слова «ребе», «хедер», «балагула». Они понятны всем, описывают только еврейскую среду и привязаны к ней, к быту местечка и черты оседлости.

Другие слова — тоже однозначно понимаемые как еврейские — могут употребляться в любом случае и не обязательно связаны с евреями и их бытом.

«Мишиге», «бекицер», «халеймес», широко употребляемые на юге России и на Украине (особенно в Одессе или Херсоне), понятны всем, и когда цыганка из-под Одес-

сы говорит: «Вы мне эти халеймасы для киндероу не рассказывайте!», вовсе не значит, что она говорит с еврейкой или о еврее.

Мы сейчас не будем говорить о таких словах, как «аминь», «аллилуйя», «херувимы» и «серафимы». Они вошли в европейские языки из древнееврейского, но воспринимаются не более еврейскими, чем имена Мария, Михаил или — что далеко ходить за примерами — Иван.

Но есть масса слов, о происхождении которых никто и не догадывается: раньше их знали немногие — увы, представители криминального, как теперь говорят, мира. Теперь их знают все, так уж повернулась наша жизнь. «Хипеш», «шмон», «ксива», «малина», «мусор», «халява» — список можно продолжать, но для первого знакомства нам хватит разбора и этих «понятий». Занятно, что они проникли в «блатную музыку» через идиш, но все они родом из иврита. Очевидно, евреи, которые плотно контактировали с блатными, не доверяли непонятности идиша и употребляли то, что в Европе никому не понятно, — иврит, но, разумеется, в ашкеназском произношении. Отсюда и фонетические особенности. Так, «ктуба» — на иврите документ (брачный), в грубом местечковом произношении может звучать как «ксивэ». Отсюда и блатное «ксива» — «документ, бумага».

При этом слова, попадая в русский, переиначивали свой смысл. К примеру, «хипеш» восходит к глаголу «хипес», что значит «искать». Но «хипеш» — это не обыск, а шум, крик, скандал. Зато «шмон» от глагола «шмаа» («слушать») — не «допрос», как, казалось бы, а как раз «обыск». Эти слова понятны всем, но их нерусское происхождение все-таки заметно (как у слов «пахан» и «бабай», попавших в ту же среду из татарского).

А вот «малина» звучит более чем по-русски. Место, где встречаются, отдыхают, пьют, где все вокруг свои — одно слово — малина! Между тем в девичестве малина звалась «мелуна», в точном переводе — «ночлег». Ну уж очень совпали звук и содержание! Увы, то же следует сказать и о «мусоре», который в бытность евреем был «мосер» — «шпион», «соглядатай». В обрусении этого понятия сказались вся не-

ненависть и презрение темного элемента к доблестным стражам порядка во все времена.

По пятницам в еврейских общинах раздавали пищу неимущим. Не всегда это было молоко, но называли это вспомоществование «молоком» — «халяв» на иврит. Надеюсь, переводить читателю это слово не нужно.

С этим словом связана забавная история. Среди людей, поселившихся в Израиле и осваивающих иврит, довольно много жизнерадостных остроумцев. И они иногда развлекаются, составляя фразы на смеси недоученного иврита и не совсем забытого русского. Так родилось очень по-ближневосточному звучащее выражение «аль-хахальяуа» — «на халяву».

...Знать бы весельчакам историю родного народа и его наречий, никогда бы этому слову не вернуться в родные места.

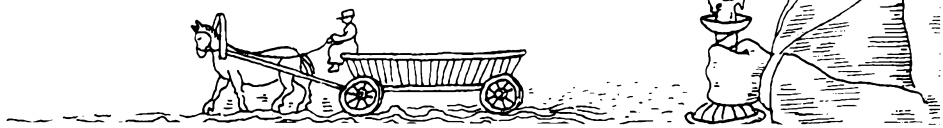
Бекицер — нет худа без добра...

В русском языке есть много выражений, взятых из идиша. К примеру, «талмуд». Но вот что интересно: евреи это выражение обычно в своем разговоре на русском языке не употребляют. Я думаю, дело здесь в том, что в русском просторечии «талмуд» (а часто — «талмут») обозначает толстую книгу, где написано нечто совершенно непонятное. Вам рассказывают о бухгалтере, расчеты которого непонятны, но доказать ему ничего невозможно, потому что он всегда прав.

— Я ему говорю: чего мне здесь не доплатили? А он талмут свой открывает: смотри, мол, вот здесь и здесь с тебя по столько-то процентов положено...

Скорее всего евреи — сколь бы необразованными в еврейских вопросах они ни были — все-таки представляют себе, что «талмуд» значит нечто совсем иное. И даже если Талмуд им непонятен, показывать этого не хотят ни в коем случае.

А вот выражение «порнос» (порнус, порносы) они употребляют, и с удовольствием. С еще большей теплотой относятся к смыслу этого слова. Ибо в разговорном смысле — на идише — это означает «заработки». И не те, что записаны в платежной ведомости.

- Как дела? Как заработки?
- А! Какие там заработки! Как везде...
- Ну а порнусы есть?
- Без них бы я вообще с голоду помер!

Слово восходит к ивритскому «парнаса», что обозначало доходы религиозной общины. Сейчас это слово (в идишско-разговорной версии) я бы переводил как «черный нал».

Значительно чаще можно услышать выражение «а хиц ин паровоз». Причем от небольшого знания зачастую произносится как «а ицн паровоз» и т. д. И смысла зачастую говорящие не понимают, употребляя это сочное и не такое уж древнее выражение как что-то вроде азохн-вей. А выражение возникло, когда по «черте оседлости» прошла железнодорожная колея и побежали вагоны, влекомые паровозом. Сначала выражение значило нечто совершенно не нужное: ведь «а хиц» — «жар», «горячие угли» — в паровоз добавлять не надо. Жару там хватает. С другой стороны, наоборот: нечто нужное, необходимое.

- Вам помочь?
- А хиц ин паровоз! То есть помоги, поддай угольку!

Вы скажете, что оба смысла противоречат один другому. И мы согласимся. Да, противоречат. Ну и что? Такой уж язык идиш, где помимо грамматики еще надо знать, кто сказал, кому сказал, зачем сказал. И самое главное — где.

Слова «гелт» и «гешефт» к ивриту отношения не имеют, они целиком идишские — в том смысле, что заимствованы из немецкого.

«Гелт» — немецкое «гельде» — всего лишь деньги, которые еще не все в жизни, но без них — трудно. И вообще не так хорошо с деньгами, как плохо без них.

А вот гешефт — по-немецки «предприятие», а на идише — очень хитрое мероприятие. И «некоторые гешефты» — это, развее всего, разные шахер-махеры.

Слово «гевалт!» (обязательно с восклицательным знаком!) пришло из польского, а туда — из немецкого. В обоих обозначало «насилие», а в идише стало значить нечто вроде крика «караул!» (Гевалт! Что он со мной хочет сделать! Этот шлимазл меня просто разорит!). Зато в русском, куда оно — гвалт — попало из идиша, это слово стало обозначать

шум, неразбериху. И верно: представьте себе, что происходит, когда хотя бы два еврея рассказывают друг другу истории из жизни, восклицая «гевалт!».

Наконец, грех не сказать о выражениях типа «танцышманцы». Никому из лиц еврейской национальности разъяснять смысл усилительной замены первой согласной (и никогда гласной!) на «шм» не надо. Как лицам кавказской национальности не стоит объяснять смысл выражения «танцы-манцы» (культура-мультиура и т. п.).

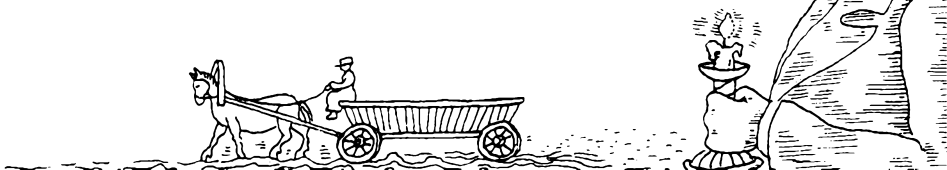
Хороших вам порносов и чтобы налоги-шмалоги не заедали!

А ид и окрестности

Поскольку в известном нам слове «а ид» есть не что иное, как неопределенный артикль единственного числа, то во множественном он употребляться не может по определению. К сожалению, среди пренебрегающих языком бабушек людей распространилась чудовищная форма «аиды» с ее производными типа «я много аидов видел». Это все равно что сказать по-русски «я видел много одного русских».

Во множественном числе это будет «идн», а если точнее следовать правильному произношению — «йидн». И потому, если один Гриша Рабинович — а ид, то когда их (не только Рабиновича) много, следует говорить «а сах идн». (Правда, в наше время, чтобы увидеть одновременно и сразу а сах идн, надо обладать орлиным взором записного автора газет «Завтра» и «Дуэль», а также журналов «Молодая Гвардия» и «Наш современник». Но, слава Богу, таланты на Руси не переводятся...) Само собой, что тот, кто не а ид, тот — а гой. Надо сказать, что в слове этом нет ничего ни обидного, ни оскорбительного. Не виноват же, в конце концов, человек, что он не еврей!

Точно так же ничего обидного и во множественном числе от этого слова — «гойим». Ничего предосудительного нет в еврейских названиях разных стран, народов и городов. Скажем, еврейская народная география делила всю Восточную Европу на две части, две страны: Пэйл и Литэ.,

т. е. Польшу (включая Украину и даже изрядную часть бывшей Австро-Венгрии) и Литву (с Белоруссией, Смоленской, Великолукской, Брянской и пр. областями). Столица одной — Варшэ, столица другой — Вилнэ. Эту последнюю называли часто по-арамейски «Иерушалаим д'Литэ» — Литовский Иерусалим.

Кроме этих крупнейших стран Европы, а может быть, и целого мира с их столицами Варшэ и Вилнэ, евреям были известны и другие державы, можно сказать, почти такого же значения. Среди них прежде всего следует отметить страны Ойстрах и Тайц.

Чтобы вы не ломали голову, подскажу вам их столицы: Вин (Вена) и Берлин. У Тайц — вы уже поняли, что это просто Германия, — прочно существовало и другое название: Ашкеназ. Еще на книгах, изданных в первой половине прошлого века и предназначенных для продажи в Германии, цена обозначалась — на иврите, разумеется, — «маркот ашкеназийот». Я сам видел эти книги. Но, очевидно, потому, что крепко усвоенное слово «ашкенази» утратило свой первоначальный смысл «немец» (в смысле «немецкий еврей»), а приобрело смысл «европейский еврей» (в отличие от восточного), от названия «Ашкеназ» в значении «Германия» отказались. В иврите это Германия, а в идише по причине его несравнимой своеобразности — Тайц.

Кстати, для наименования еврея из Германии, да еще претендующего на очень правильный немецкий язык и якобы не понимающего нормального идиша, употребляли насмешливое слово «еке» часто с добавлением какого-нибудь короткого нецензурного словечка, а учитывая, что эти люди были очень, ну очень культурные и по-европейски одетые, «еке мит а теке», то есть «еке с портфелем».

Но, конечно, и многие другие страны были известны евреям, и каждая из них имела свое звучное название. К примеру, «мумэ Рэйзл» — «тетя Рэйзл», а точнее, Россия. Поскольку «мумэ» — «тетя, мамина сестра» — для любого еврея человек очень близкий и дорогой, мне кажется, что в это выражение вложена вся любовь и уважение к России.

Конечно, вышеперечисленными странами объем географических знаний не исчерпывался. Хотя все остальные, ле-

жашие аж за Тайцем и Ойстрахом, вряд ли были столь же важны и значительны. (И уж тем более сравнимы с Пэйл и Литэ!) Среди них важное место занимала страна Сефарад, знаменитая хотя бы уж тем, что оттуда были изгнаны евреи. Страна во многом полусказочная, как, скажем, река Самбатсион, ревушая и клокочущая целую неделю, но умиротворенная и тихая в шабат. Все про нее знают, а кто ее видел? Вот так и Сефарад. Вы уже поняли, что разговор идет об Испании, но не только: еще и о Португалии. Сефарад — он и есть Сефарад, а уж как гои его между собой делят, так это их дело. Правда, всем было известно, что сразу за страной Тайц простирается страна Церфат с ее главным городом Парижем. Она столь велика, что, начинаясь прямо у Тайца, доходит до полусказочного Сефарада.

Италию, где живут люди, говорящие на языке италкит, чаще называли, как в древности, Рум. Мы еще не знаем, кто более прав: те, кто говорит Рим, или те, кто предпочитал звучание Рум. По-латыни ведь это Рома, значит, после буквы «рейш» идет буква «вав». А «вав» вы можете читать как «у» и как «о», но уж точно не как «и».

А потом — кто-кто, а евреи с Румом (увы!) дела имели еще в глубокой древности! И в результате этих дел многое в истории изменилось. Вот и язык идиш возник именно благодаря им...

Конечно, для таких молодых и новых стран, как, скажем, Англия или Норвегия, в идише польско-литвацких евреев употреблялись совершенно не библейские наименования: Англие, Норвегие. Зато все те страны, которые упомянуты в Танахе и Талмуде, четко сохраняли традиционные имена. Причем зачастую тут сохранялось такое архаическое звучание и смысл, что понять их можно было лишь при хорошем знании истории Востока и Средиземноморья. То, что Греция — это Яван (йод, вав, нун софит), знали в любом местечке. Мы с вами, слава Богу, учились в школе и знаем, что по-гречески эта страна называется Эллада. А что за Яван?

Помните, в учебнике истории древнего мира изображена капитель колонны и написано «ионический ордер»? Ионийцы были одним из древних греческих племен, и, видать,

именно они были первым племенем этого этноса, с которым встретились евреи. «Ион» как раз и пишется через йод, вав, нун конечное. В зависимости от огласовки это сочетание можно прочитать и как Яван (Йаван). При этом вполне возможно, что именно евреи сохранили исконное произношение. А нынешние греки себя вообще римлянами называют. Но это их дело, в которое мы не лезем; мы-то знаем, что они «яваним»...

Есть страна, которая связана с еврейской историей с глубокой древности до самых наших дней. Эта страна — Египет, по-еврейски Мицраим. Нынешние египтяне, ставшие ближайшими языковыми родственниками евреев, употребляют родственное, одного корня слово Мыср. (Древние египтяне говорили Кем-Та). Имена схожие, но есть в них большая разница, и разница эта в исторической памяти, а память заключена в окончании «-аим». В иврите это окончание двойственного числа, которое употребляется для предметов и явлений, существующих парой: руки, ноги, штаны, в конце концов; в идише двойственного числа нет, но в названии Египта оно четко сохраняется. И таким образом «Мицраим» следует дословно переводить как «Два Египта», в то время как по-арабски это просто «Египет».

А теперь давайте вспомним все ту же историю древнего мира. Как титуловали тогда фараона? «Повелитель ОБОИХ Египтов», то есть Египта Верхнего и Нижнего. Для самих древних египтян Египтов было два.

В одной некогда весьма популярной еврейской песенке рассказывалось, что прилетела птичка — фэйгэлэ фин ибер Шварцер Ям Ун мир гебрахт а бривеле Фин малке фин Таргам.

Птичка прилетела из-за Черного моря — Шварцер Ям и принесла лирическому герою письмо от турецкой царицы. Потому что «малке» — это царица, а «Таргам» — Турция. Надо сказать, что Турция никак не была для евреев сказочной страной.

Особенно если кто жил в Одессе. Во-первых, сколько коммерции было с ней связано! А во-вторых, сейчас это может показаться невероятным, но среди одесских, да и кишиневских (вообще бессарабских) евреев было полно «турецкоподданных».

Помните Остапа-Сулеймана-Берту-Марию Бендер-бея, сына турецкоподданного? У тех, кто знал обстоятельства тогдашней жизни, сомнений в национальной принадлежности Великого Комбинатора не было: а ид! Все это отнюдь не значило, что он родился в Стамбуле, был янычаром и т. д. Ни он, ни его папа скорее всего Таргам в глаза не видывали и по-турецки не говорили. Просто в специфических условиях царской России многим евреям удобнее было принять за небольшую мзду турецкое подданство, чем оставаться в черте оседлости, лишенными многих прав, но не обделенными почетным правом быть призванными в армию.

И птичка-фэйгэлэ из песни, с которой мы начали, скорее всего летела не из-за Черного моря, а из турецкого консульства в Одессе...

Можно по-разному относиться к названию Таргам. Все дело в том, что оно появилось в иврите (а оттуда перекочевало в идиш) задолго до того, как появилась Турция. Если уж быть совсем точным, то и слово «Ашкеназ» много старше именуемой им страны Германия. Так что идишское Тайц — сравните с немецким Дойч — куда правильнее. Но, конечно, что бы ни значило слово «Ашкеназ» в древности, евреи под ним понимают именно Германию. Этим, кстати, и оправдывается собственное имя «ашкеназим». То же относится и к Таргаму: чем бы это ни было когда-то, а «малке фин Таргам» — турецкая царица. И не говорите мне, пожалуйста, что в Турции царицы не правили, владычествовали там султаны. Да, султаны — и это совершенно верно, поскольку на иврите «шилтон» — это «власть». А что, у него жены не было? Было, и еще сколько! (Все равно меньше, чем у еврейского царя Соломона, хотя это к делу не относится.)

Зато еще несколько стран, чьи названия перешли в идиш из иврита, как существовали тогда, так и существуют по сей день. Это страны Син, Парас, Ходу и Куш.

То, что Син — это Китай, вы можете догадаться хотя бы потому, что тамошний обезьяночеловек по национальности был синантропом, т. е. «китайским человеком». Китайцы, как правило, не знающие ни идиша, ни иврита, на-

зывают, правда, свою страну и самих себя совсем иначе, но это, в сущности, их личное дело. Зато на языках Европы и Востока это название звучит так же (или похоже), как на идише.

Парас на идише — Персия, сколько бы она ни звала себя Ираном и даже Исламской Республикой Иран. Если говорить серьезно, то в названии сохранилось имя исторической области Фарс — колыбели языка фарси, но произнесенное с древнееврейским акцентом. (Произношение с сильным идишским прононсом, надеюсь, наши читатели себе представляют без объяснений.)

А Ходу — не более (но и не менее) чем Индия. Если учесть, что имя появилось куда как раньше, чем Индия впервые в своей истории стала единым государством, нельзя не восхититься прозорливостью евреев и их знанию географии.

Свидетельство тому — содержание генизы. «Гениза» — вошедшее в европейские языки ивритское слово «гниза» (дословно — «хранилище»).

Словом этим пользуются для обозначения места хранения пришедших в негодность свитков, книг, где содержится имя Бога. По еврейским законам такие книги уничтожать нельзя. И очень хорошо. Потому что за века в генизах накапливались ценнейшие документы, имеющие не только религиозное значение. К примеру, переписка с главами еврейских общин, занесенных еврейской судьбой в самые отдаленные концы мира. В том числе и такие, о которых и представления не имели народы, среди которых евреи жили. Именно потому, что уровень еврейских географических знаний был в Средние века гораздо выше, чем у их соседей по планете Земля.

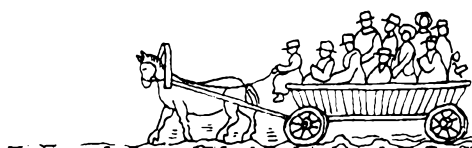
Между нами говоря, поедете вы торговать в неизвестно где находящуюся страну, об обитателях которой знаете только то, что они одноноги и с песьими головами? И что они вам дадут? Наоборот, если вы знаете подробно и по-средневековому точно, сколько караванных переходов до пункта назначения, какие колодцы и где, что может встретиться по пути, что водится в стране и чего там ждут, то пусть ваш сосед и конкурент верит в бубэ-майзес о песьих головах и одноногих прыгунах. Эгоистично? Наверное,

да, но где конкуренция бывает другой? И разве соседи-иноверцы ведут себя не эгоистично, когда стараются еврея в чем-то ограничить или налогов с него побольше взять? Оружием евреев всегда были спаянность и знание. Сильное, между прочим, оружие.

Из всех гениз еврейского мира самой знаменитой была и остается гениза на чердаке синагоги Эзра в Старом Каире. Построена она была в 882 году и ухитрилась не пострадать за тысячу лет. Климат в Каире сухой, в таком хорошо сохраняются документы. Это относится и к египетским папирусам, о которых речи тут нет, зато они столь хорошо всем известны, что могут послужить доказательством правоты наших слов. Каирская гениза вообще была архивом общины, а то, что главы самых отдаленных общин переписывались на иврите, делает документы читаемыми и понятными. Естественно, для тех, кто знает иврит. Но среди ринувшихся в Каир исследователей, когда о сокровищах этого архива узнал ученый мир, не владевших ивритом не было. Что в высшей степени относится и к известному фальсификатору истории Абраму Фирковичу, который доказывал, что евреи и караимы разные народы. (Поверившие ему доверчивые караимы-энтузиасты даже иврит именуют «синайскими письменами», чтоб, не дай Бог, никто не подумал, что они молятся на иврите и на нем же всю свою историю писали.) Фиркович же, служивший в Луцке «хахамом», что древнесинайскими письменами обозначает «мудрец», а так бы надо было сказать «реб», иврит знал прекрасно, ибо без него его бы ни из ешивы, ни даже из хедера не выпустили. И часть документов, очевидно, украденных из генизы, приобрел и опубликовал.

И так же поступили многие ученые — евреи и не евреи. Не судите их строго: научный зуд буквально гнал их, а исследовать бесценные материалы в синагоге Эзра главы общины не позволяли.

Нас интересуют светские материалы, пущенные в научный оборот. Географические. Ибо они достоверно подтверждают, что в те времена, когда даже Колумб не отправился искать Индию в стороне от нее противоположной, а Васко да Гама даже не родился, евреи в далекой Европе прекрас-

но были об этой стране и ее, так сказать, экономической географии осведомлены. А также о географии физической и даже об этнографии. И знали они неплохо о Тропической Африке и о путях караванов через Сахару. И еще многое другое, о чем нет места писать. Хотя просто подмывает написать: «и об Америке». Но нет, про Америку документов нет. Врать не будем. Не будем судить их строго, что они не пошли в Географическое общество с докладом. Общества еще не было. Да и вообще были не те времена...

Еврейские имена

Очень многое могут сказать еврейские фамилии. К примеру, где зародилась фамилия, как расселялся тот или иной род с течением времени и откуда он происходит, к какому социальному слою принадлежит. И еще очень многое другое.

Общеизвестно, что традиционно евреи различаются по происхождению и делятся на священнослужителей «коганим» — потомков первосвященника Аарона и потомков колена Леви — «левитов», служителей иерусалимского Храма, с одной стороны, и потомков всех остальных колен, называемых «исраэлим», — с другой. (К слову сказать, цари Израиля из Дома Давидова, естественно, к священнослужителям не относились.)

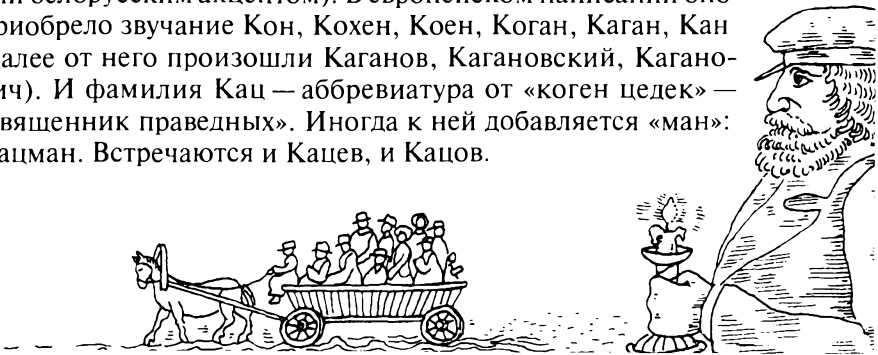
Звание священников — когенов и их помощников — левитов передавалось по наследству. И сегодня фамилии, произошедшие от наименования наследственного титула, очень распространены. Ниже мы об этом скажем подробнее.

В рассеянии — когда Храм уже был разрушен, а главную роль руководителей еврейских общин приняли на себя раввины (подчеркнем, что раввин — не священнослужитель, а наставник, так же, как и синагога — не храм, а место для общей молитвы, проведения ритуалов и т. д.). Уже в раннем Средневековье возникли раввинские роды, где обязанности передавалась по наследству, так же как и глубокое почтение, окружавшее потомков знаменитых раввинов. Кстати, многие из них — потомки когенов и левитов.

Количество этих фамилий очень ограничено, но формы их разнообразны. Все дело в том, что если само имя родоначальника строилось по традиционной еврейской схеме: «такой-то, сын такого-то, сына такого-то и т. д.», то к имени часто добавлялось название города, где раввин жил, — и именно в таком виде оно дошло до нашего времени в виде фамилии. Далее. Потомки раввина — сами тоже раввины — сохраняли в имени генеалогическую линию, но чтобы различаться, добавляли название того места, куда они переселялись. Не могли же, в конце концов, все раввины сосредоточиться в одном месте! Каждая зажиточная и уважающая себя община старалась пригласить к себе раввина — потомка наиболее уважаемого рода. Кроме того, ему слали вопросы по трудным проблемам еврейские общины со всего мира. Из Йемена или с Атласских гор в Северной Африке могли писать в Испанию, Германию, а потом — в Польшу и, соответственно, в царскую Россию. Подписываясь, раввин (а его мнение считалось законом) обязательно указывал город, чтобы его можно было отличить от предка, скажем, с тем же именем, возглавлявшего совершенно другую общину. Так фамилии раввинских родов ширились и ветвились — но при всем разнообразии на одном генеалогическом древе, которое можно проследить до периода сорокалетнего кочевья в Синайской пустыне.

К этому следует добавить, что во всех еврейских общинах знали когенов, левитов и потомков раввинских династий, так что взять себе такую фамилию произвольно было невозможно.

Ниже мы приведем образцы таких фамилий. Слово «коген» на иврите пишется тремя буквами: «каф», «гэй», «нун» («гэй» — примерно то фрикативное «г», которое мы слышим в речи людей, говорящих с южнорусским, украинским или белорусским акцентом). В европейском написании оно приобрело звучание Кон, Кохен, Кoen, Коган, Каган, Кан (далее от него произошли Каганов, Кагановский, Каганович). И фамилия Кац — аббревиатура от «коген цедек» — «священник праведных». Иногда к ней добавляется «ман»: Кацман. Встречаются и Кацев, и Кацов.

К этому же разряду относится и Каплан, что есть то же слово «священник» по-польски (сравните с «капелланом»). В искаженном виде: Каплун и все от него производные.

От слова «леви» («ламед», «вав», «йод») — потомки служителей храма — произошли фамилии Левин, Леви, Левит, Левитин, Левитан, Лев. И фамилия Сегал — от «сган леви» (ассистент левита). Ее другие формы Сигал, Сингал, Сегалов, Сегалович.

Все сказанное выше служит лишь примером и ни в коей степени не исчерпывает богатства форм кохенских и левитских фамилий. Отличать от них следует фамилии Левитский (Левицкий) и Левитов. Это распространенные среди потомков православного духовенства фамилии — такие же искусственные, как Преображенский, Рождественский, Ерусалимский и т. д. Их давали выпускникам духовных семинарий, пользуясь Ветхим и Новым Заветом.

Раввинские фамилии — по причинам, сказанным выше, — имеют в основе названия немецких городов: Ауэрбах (Авербух — в скобках форма на идише), Бахрах (Бакарах), Блок, Эпштейн, Гюнцбург (Гинзбург), Майнц (Минц), Катценелленбоген, Ландау (Ланда). Это лишь малая часть.

Большинство восходят к раввину Менахему Нахуму, жившему в XIV веке в городе Катценелленбоген. Его дедом был Иехиэль Лурия, а бабка — Ханна Минц.

Потомки брали то или иное из этих географических названий (Лория — город в Северной Италии). С течением времени географические названия стали непосредственными фамилиями. Раввинские же — и все еврейские фамилии-аббревиатуры — и восходят скорее всего к рабби Менахему Нахуму.

К примеру, ваша фамилия — Берлянт, и, может быть, вы пытаетесь ее перевести как «медвежья земля», смутно сомневаясь в своем родстве с медведями. Но дедушка, кажется, был из-под Киева, где последних медведей вывели вскоре после хазарских набегов.

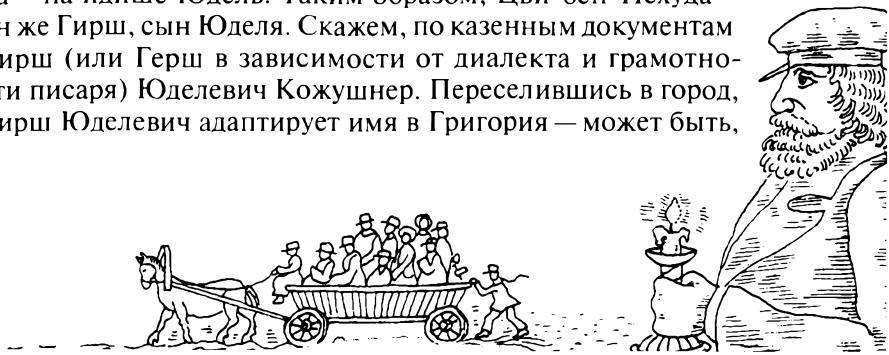
Мы вам сообщим, что фамилия Берлянт, распространенная некогда в деревне Староконстантиновка, Ровно и Киеве, происходит от слова «берлянт», что на идише значит

«бриллиант». Она может звучать как Бриллиант, Брильянт, Берлянд, Брильянщик, а также Димант, Диамант и Дымант. К фамилиям кохенов, левитов и раввинов отношения не имеет. На иврите звучит как Яглом (Ягалом). Всеми этими фамилиями могли зваться члены одной и той же семьи. Могли — но не обязательно.

Имя — шем

Личные и наследственные имена евреев России — то есть собственные имена и фамилии — интересная тема для исследования. Во-первых, как мы уже говорили выше, они характерны для всех ашкенази — подавляющего большинства еврейского населения мира; во-вторых, они имеют свои местные особенности: например, отличаются большой пестротой. К примеру, одного и того же человека могут звать Герш, Гершко, Цви-бен-Йехуда, Герш Юделевич и, так сказать, в миру Григорий Юрьевич. Ничего в этом удивительного. Обычно по традиции новорожденному дают «святое имя» (шем кадош). Оно всегда на иврите и взято из книг Святого Писания. Мальчик получает его на восьмой день жизни — при обрезании, имя же девочки объявляет ее отец в первую субботу от рождения с возвышения в синагоге.

Итак, ребенка называли Цви — дословно «олень». Однако принято, что «святое имя» не произносят часто: его используют при обрезании, при вступлении во взрослый возраст — в тринадцать лет при обряде бармицва, при вступлении в брак, а также при всех религиозных ритуалах; его же пишут на могильном камне. Для повседневного употребления служит «кинуь» — «бытовое имя». Цви — «олень» — «гирш» на языке идиш. А отца зовут Йехуда — на идише Юдель. Таким образом, Цви-бен-Йехуда — он же Гирш, сын Юделя. Скажем, по казенным документам Гирш (или Герш в зависимости от диалекта и грамотности писаря) Юделевич Кожушнер. Переселившись в город, Гирш Юделевич адаптирует имя в Григория — может быть,

Юделевича, а может быть, и Юрьевича. При всем этом тут изменение имени идет постепенно и, как мы видели, логично.

Этого не скажешь о фамилии, в нашем примере — Кожушнер. Правда, каждый, услышав ее, воспримет ее как еврейскую. Таковой она и будет — и в то же время ничего общего с еврейской антропонимической традицией она не имеет и получена очень недавно. Может быть, тогда, когда, собираясь в город, Гершко, сын Юделя Хромого (или Рыжего, или Длинного), пришел в козушненский сельсовет за нужной справкой.

Тут-то ему и написали Герш Юделевич, а фамилию недолго думая произвели от названия поселка Кожушня: Кожушнер. А могли бы и Кожушнянский и т. д.

Евреи, как, впрочем, и другие народы Ближнего и Среднего Востока, фамилий никогда не имели, а назывались только отчествами, присоединяя их словами «бен» (сын) или «бат» (дочь). И каждый уважающий себя человек должен был знать не менее семи имен предков. Поскольку имена могли (а ниже мы увидим, что должны) повторяться, для различения их могли добавить название населенного пункта, где уважаемый предок жил (Иерушалми — Иерусалимский, Фаюми — Фаюмский, Бавли — Вавилонский, а позднее — в странах рассеяния: ми Тудела — из Туделы, ха Руми — Римский, ха Ляди — Лядер — Лядский и т. д.). Иногда же добавлялось прозвище: Яффе (Иоффе) — красивый, Шапиро — благообразный, Клугер — умный; или название профессии: Сандалар (Сандлер) — сапожник, Хайят (Хаес) — портной, Софер — писец и т. д.

Те же, кто происходил из двух священнических родов: Когенов — священников или Леви — помощников священников, обязательно добавляли га Коген или га Леви. Однако развитие общественной жизни требовало, чтобы все граждане имели документы и фамилии. Напомним, что к XVIII веку большинство населения Европы еще не имело устоявшихся фамилий; в России же они не устоялись и к 1917 году (а учитывая восточные владения империи, они установились, дай Бог, к 50-м годам прошлого века).

Сначала потребовали от евреев принять фамилии власти Австрии, причем те, кто от этого уклонялся, получили их от чиновников, зачастую издевательские вроде Эзельскопф — Ослиная Голова! Потом власти Пруссии, занимаясь эмансипацией евреев, даже не принимали к рассмотрению бумаги тех, кто минимум за полгода не взял себе «по-европейски (т. е. по-немецки) звучащей фамилии» (а также не отказался от «азиатского платья», не говорит правильным языком и т. д.).

В России первым предложил обязать евреев принимать фамилии поэт и сановник Г. Державин. При этом он считал, что они должны звучать «на малороссийский лад» и отражать особенности характера и оценку человека властями. Для трудолюбивых и порядочных — Промышленный, для спорых в деле — Швыдкий, для скрытных — Замысловатый или Замыслюк и т. д. Примерно так же давали позднее чиновники фамилии украинским крестьянам: Нетудыхата — владельцу без склада и ладу стоящей хаты, Тягны-Рядно — лентяю, которого с места не сдвинешь, в то время как хорошие хозяева получали вполне по-великорусски звучащие фамилии: не Коваль или Коваленко, а Ковалев. Малороссийские же дворяне предпочитали добавлять к своим фамилиям на «-ко» букву «в» Перерепенков.

Процесс фиксации фамилий евреев завершился к восьмидесятым годам XIX века. В сравнении с фамилиями других народов у евреев повышен процент фамилий, образованных от названий населенных пунктов. Практически все города, городки, поселки, местечки и села бывшей черты оседлости дали начало фамилиям. Бершадь: Бершадский, Бершадер, Бершадчик и т. д.; Варшава: Варшавский, Варшавер и т. д. Кричев, Пирятин, Гусятин, Бердичев, Лелель — со всеми возможными окончаниями.

Другие образованы от имен отцов: Абрамзон, Абрамович, Абрахамович, Абрамов, Аврахамов и даже Ибрагимов.

Очень велико (даже непомерно) количество фамилий от имен матерей. Тут сказалась, очевидно, большая социальная активность женщин, зачастую содержавших не только детей, но и занятых благочестивым изучением Писания

мужей. Ривин, Ривкин, Ривес, Ривас, Ривлин, Рывкин; Малкин, Малкес, Гитин, Гутин, Гитлик и т. д.

Человек, переселявшийся из Австрии (а она начиналась не так далеко от Жмеринки), мог получить фамилию Ойстрах — на идише «Австрия»; из Литвы (что включало Белоруссию, Смоленскую область и т. д.) — Литвак, Литвин, Литвинов; из Германии (сразу к западу от Варшавы): Тайц — «Германия» на идише, Ашкенази — «Германия» на иврите, Немчик.

Встречались просто не изменяемые названия городов в Германии: Ландау, Люцау, Лившиц, Берлин.

Особенно же много было фамилий по названиям профессий: Шнайдер, Шнайдерман, Портной, Портнов, Хайят — все от слова «портной» на разных языках; Шустер, Швец, Сапожник, Сапожников, Сандалар, Сандлер — «сапожник». Отдельно следует отметить только еврейские профессии: Меламед — религиозный учитель, Шойхет — резник, Шадхан, Шадхен — сват, Могел — мастер обрезания.

Для потомков раввинов добавлялось уважительное окончание «ович». Так и появилась прославленная в тысяче анекдотов фамилия Рабинович. Она считается уж настолько еврейской, что другой такой и не придумаешь.

И отсюда же следует, что ничего общего с еврейской традицией она не имеет, и окончание ее — самое что ни на есть славянское.

Если уж брать чисто еврейскую традицию, то это фамилии-аббревиатуры, в которых зашифрованы предки и их заслуги. К примеру, Кац. На первый взгляд — «кошка» по-немецки, а в действительности: «когенцедек» — праведник. «Зак» — «ззра кадошим» — «семя святых». «Маршак» — «морену рабену Шломо Клугер» — «учитель наш, господин наш, Соломон Мудрый» и т. д.

Хотя зачастую имена евреев, по крайней мере употребляемые в быту, не сильно отличаются от русских (хотя бы потому, что значительная часть русских имен заимствована из еврейского языка — Иван, Михаил, Гавриил, Мария и т. д.), тем не менее можно четко выделить набор имен, употребляемых евреями, и имен, ими не употребляемых. К примеру, трудно встретить еврея по имени Иван, Васи-

лий, очень редки — Петр, тем более — Святослав или Вячеслав (хотя чего не бывает!). Зато часты имена Лев, Григорий, Яков, Марк, Михаил, Александр. (Последнее заслуживает более подробного рассказа: оно появилось в еврейском антропонимиконе в 332 г. до н.э. Тогда в Палестину вошла армия Александра Македонского, который проявил подчеркнутое почтение Храму и священнослужителям его. И первосвященник распорядился, чтобы все мальчики, родившиеся в этом году, получили имя Александр, в простонародной форме «Сендер».)

Это связано не только с желанием, не выделяясь в массе именем, все же не выглядеть выкрестом — достаточно сильным в еврейской среде. Это связано со стойким обычаем давать новорожденному имя умершего близкого человека. То есть «шем кадош» совпадет полностью, а для «кинуи» достаточно совпадения «согласного скелета» имени. На иврите ведь пишутся только согласные. Совпадать могут даже не все согласные, но уж обязательно первые. К примеру, мальчика назвали Фридрих (дело было до войны, а имя ассоциировалось прежде всего с идеологически чистым Энгельсом), потому что умерла его бабушка Фейге-Рейзл. Причем обычай столь стоек, что его придерживаются большинство евреев, даже те, кто почти ничего не знает о нем и никогда не слышал выражений «шем кадош» и «кинуи».

Соответственно, ребенок не может получить имя отца. Еврей по имени-отчеству Михаил Михайлович — немислим.

Впрочем, в миру — отчего бы нет, если он по паспорту, скажем, Моисеевич.

Все сказанное выше относится к ашкенази. В восточных группах, наоборот, нарекали ребенка именем живущего уважаемого человека.

Ни горские, ни бухарские евреи (как и окружавшие их мусульманские народы) фамилий не имели, и им давали их по простецкой схеме — по имени отца: Овадьяев, Ильягуев, Авшалумов, Иллизаров, Абрамов, Юнатов и т. д.

В Грузии же в свое время евреев (и «татар» — азербайджанцев, и армян, и собственно грузин) именовали по отцу с добавлением «швили» — «сын».

А Голдене Медине

География евреев, насыщенная библейской терминологией и личным опытом, вполне удовлетворяла их. Но эпоха великих географических открытий не только расширила знания о планете, но и потребовала дать оценку новым континентам и странам. В XIX столетии умы и мысли евреев заняла еще недавно не такая уж известная страна под названием «Америке». Не то чтобы о ней вообще не знали в еврейских кругах! Боже упаси! Мало того, сам первооткрыватель, может быть, и был евреем, и в его команде евреев хватало, а финансировали экспедицию в неизвестное опять же евреи. В голландских и английских североамериканских колониях евреи появились достаточно скоро и даже приняли участие в войне за независимость. И еврейский компонент в истории США стал ощущаться с самого начала их открытия.

Но мы говорим о моменте, когда «американская идея» овладела умами широких масс в российской черте оседлости и австрийской Галиции и т. д., и т. п. Когда в каждой семье, говорящей на идише, появились родственники, обосновавшиеся за океаном и расписывавшие свое житье-бытье, совсем не такое, как в родной Касриловке. Разбогатевшие! Это последнее следует понимать буквально: не забывайте, что о богатстве рассуждали люди, покупавшие на шабес не целую селедку, а столько кусков, сколько было человек в семье. И для которых вода, льющаяся из стены (!), казалась фантастикой. И еще в Америке не было погромов...

Такая страна немедленно получила имя: как бы ее ни называли гои, для евреев она стала «а Голдене Медине» — «Золотая Страна», причем «золотая» — не в смысле «могучая золотом». Нет, именно такая, как говорится, «шейне ви а голд».

«Открытие Америки» в российской черте оседлости и на сопредельных территориях — к примеру, в Галиции, что в стране Ойстрах, вызвало не только смятение в умах, но и большие надежды. В конце концов, Атлантический океан — тоже море, только очень большое. В идише появилось

слово «шифскарте» — оплаченный заранее билет на пароход. И шадхены, сваты-профессионалы, уговаривая потенциальных женихов, говорили о будущем тесте и приданом:

— Дает за ней триста рублей, две шифскарты и козу. Но зачем вам коза при двух шифскартах? Вы же ее все равно продадите, это еще пять рублей...

Тогда же появилась песня и стала фольклорной: «А бривеле дер мамен» — «Мамино письмо». В ней мама пела:

«Ин штут Ну-Йорк, майн тайер зун...» — «В городе Нью-Йорке, дорогой сынок...». Далее перечислялось все, что сынок должен и не должен делать за океаном. И прежде всего: «А бривеле дер мамен золст ду нит фарзамен» — «Не забывай маминого письма».

Если что-то попадает в фольклор, значит, это вошло в народное сознание. «А Голдене Медине» — вошла.

Первопоселенцы обосновывались в Америке. Для начала они брались за любую работу, и все казалось им раем — ган-эйден — по сравнению с тем, что они оставили в России. Кстати, вопреки распространенному — и не только в не-еврейской среде — убеждению, что эта работа была обязательно связана с коммерцией, начинали они, как правило, работать на фабриках готового платья. Фабрики эти основаны были тоже евреями, только приехавшими раньше, уже говорившими по-английски, но не забывшими и идиш. Последний был для них необходим, как орудие производства: без него они не договорились бы с рабочими, которые чаще всего никакого другого языка не знали (ну, может быть, ломаную смесь русского с украинским). А рабочие-единоплеменники необходимы были фабрикантам для получения прибыли, ибо никто другой не согласился бы работать за такие гроши по десять часов. В общем, все по Марксу — а клыгер ид таки гевен! Для не совсем понявших: умный таки еврей был, хоть и мешумед! Что значит — крестившийся.

Либеральные американские газеты того времени буквально кишели гневными статьями о бесстыдной эксплуатации еврейских рабочих на еврейских фабриках легкого платья. Не возмущались своим положением только еврейские портные, грузчики, возчики и прочие. Во-первых, они не умели

читать по-английски. Во-вторых, им в голову не приходили такие глупости: эсплотации-шмесплотации!

Нет, об эксплуатации они не думали: дома — ин ланд фун Мумэ-Рэйзл (как вы поняли, в России) — о таких условиях многие и мечтать не могли. Заботы были о другом: научиться хоть кое-как говорить по-английски (почему-то в этой среде любили называть его тыркиш — турецкий: то ли от привычки на всякий случай все засекретить, то ли от воспоминаний о знакомых «турецкоподданных»), дать детям образование — и не такое, чтоб «Ду ю спик идиш?», а по-настоящему, выбиться из бедности (уже такой, как это понимали в Америке), начать свое дело.

Но ранее всего следовало перетащить в «Голдене Медине» всю мишпуху (это слово в еврейской среде объяснять не надо, скажем только, что происходит оно от ивритского «мишпах», что значило «род»). Во-первых, чтобы чувствовать себя совсем дома — родни тогда у евреев хватало, а чтобы у кого-нибудь был всего один ребенок — кто такое видел? Ближайшими родственниками считались и двоюродные, и троюродные братья и сестры, а потом — ибр дер ям (за морем) — и все уроженцы одного штетла или какого-нибудь подкарпатского села. Вот вам, считай, целый нью-йоркский дом, а то и часть улицы!

Во-вторых, можно было строить свою синагогу — унзере шил (шул — для тех, кто настаивает на литвацком произношении). После этого оставалось выписать своего ребе, служку-шамеса, шадхена, бадхена и начать полноценную штетл-лебн — жизнь, как в местечке ин а гройсер штут Ну-Йорк.

Если, конечно, свой резник-шойхет уже успел приехать...

Можно считать, что благосостояние новоприбывших в Америку постоянно улучшалось, хоть и было ему еще куда как далеко до среднего американского уровня! Но люди мерили не по «Голдене Медине», а по родной Хацапетовке. Доказательством этого возросшего уровня может служить то, что, выписав в Америку всю мишпуху, своего ребе, шадхена и бадхена, резника-шойхета, начали выписывать и целые оркестры клезморим. Клезморим на идише (единственное число — клейзмер) значит оркестранты еврейских национальных оркестров. И правильно,

поскольку так и употребляют это слово в Европе и в Америке (а если в Африке где-нибудь слушают клейзмерскую музыку, то и в Африке тоже, а за Австралию я вам ручаюсь).

Хотя вообще-то на иврите «клей земер» значит дословно «музыкальные инструменты». Но, поскольку вряд ли кто когда видел, чтобы инструменты играли без людей, признаем полную и абсолютную правоту идиша.

Почему мы связываем массовую иммиграцию клезморим с возросшим уровнем благосостояния? А потому лишь, что к прекрасному способен тянуться только более-менее сытый человек.

У голодного — «а хунгерман» — хватает цурес и без музыки...

В конце XIX — начале XX века еврейская жизнь в «Голдене Медине» просто была ключом, особенно в Нью-Йорке. Почему именно в Нью-Йорке, ведь «Голдене Медине» велика? Да потому, что именно сюда, на остров Слез — Эллис-Айленд, — прибывали корабли с иммигрантами из Европы. И именно на этом острове придиричвые чиновники определяли, кому можно въехать, а кому — от ворот поворот. Придирались к евреям, итальянцам, украинцам, португальцам и прочим испанцам. Выходцев из Северной и Западной Европы пускали легко.

Не пускали больных глазами и легкими. Все равно большинство, отмаявши свое на острове Слез, попадали в Америку. За многих ручались родственники, а как вы знаете, у евреев близким родственником считается и троюродный брат жены двоюродного брата первой жены шурина. (У итальянцев, кстати, это примерно так же, так что и они попадали.)

Тут уж начинался важный этап оформления документов. Чиновники же, как и полагается англоязыким людям (даже если их дедушка по-английски еще ни одного слова не знал), не в силах были произнести или записать ни одного неанглийского слова. Иммигранты обычно говорили на идише (хорошо) и по-русски с сильным еврейско-украинским прононсом (плохо). И написать свою фамилию они умели или справа налево, или слева направо, но только не латинскими буквами. Хорошо еще, когда фамилия простая

и всем — даже в Европе — известная, скажем, Коган. Так вот и ее можно было записать: Kogan, Cogan, Kohn, Kohen, Cohen, Koen и Coen.

Причем два первых написания для англоглазого читателя выглядели — вы не поверите! — как ирландские. Сказать бы об этом кому-нибудь в Житомире!

Но это просто Коган. А что делать с Доморощинером, Черномырдиком или, к примеру, Погориллером?

— У нас, — объясняет бедняга, — полсела ойсгебрент — сгорело. Как по-русски говорят, «погорилля». Он меня спрашивает: «Ты откуда?», в смысле фин ванет бисту? Я говорю, что дерфл из ойсгебрент, а он прямо ув пачпорт пишет Погориллер, а лох им ин коп!

В результате попыток записать скопище дико звучащих для англосаксонского уха звуков и появилось множество американских еврейских фамилий. Некоторые из них стали впоследствии даже очень respectable.

Тут надо чуть остановиться и напомнить, что конец позапрошлого — начало прошлого века было временем, когда масса штетл-иден — местечковых евреев — еще не полностью привыкла к необходимости иметь фамилии (в чем очень недалеко ушли от российских крестьян) и рассматривала их зачастую как очередную гойскую выдумку, придуманную специально, чтобы затруднить жизнь фар ди гитэ иден — добрым евреям. А потому мало кто из них задумывался о сохранении наследственного имени и прочих халеймес.

Настоящее имя в местечке — это, скажем, Мотл, сын Песиканторши. (Поскольку кантор на идише — это хазан, можно предположить, что по паспорту фамилия всем нам известного мальчика Мотла была Хазанов. Мотл Хазанов. Или, живи он в наше время и в нашей стране, даже Михаил Хазанов.) А уже совсем настоящее имя, это как в синагоге вызывают к чтению Торы: Довид бен Ицхок. Поэтому никто не протестовал против очередного перла, выходящего из-под пера иммиграционного чиновника. Все равно это все ненастоящее!

Итак, приезжает в Америку некто Довид-Ицхок Клейн (а можно Кляйн, т. е. маленький), причем это прозвище у него только потому, что в местечке из трех Довид-Ицхоков он был самого малого роста. Чиновник пишет Klein

или Kline, а то и вообще Cline, а там недалеко и до Clean, что значит «чистый» и выглядит «чисто по-американски».

Пройдет лет двадцать, и сын приехавших Клейнов переведет фамилию и станет просто Little. И кто потом подумает, что его папа приехал из Нижней Хацапетовки? Что вы, my daddy, прямо с корабля «Мэйфлауэр»*...

Если фамилию и писали правильно, то все равно по-английски она читалась не так, как в Восточной Европе. Возьмем простой случай. Ваша фамилия Шпрингштейн, простая нормальная еврейская фамилия. Навязали ее в Галиции, скажем, австрийские чиновники, когда обязали всех евреев иметь звучащие по-германски фамилии, и написали: Springstein. А по-английски читать получается Спрингстин. То есть в Америке всем ясно, что это такое, а для местечка Бучач — что-то необычайно иностранное. Еврейские первооткрыватели Америки объясняли обычно так:

— Дус ис майн хавер мистер Брюс Спрингстин. Вер-вер! Вус хейст вер? Но, Борух Шпрингштейн бен реб Йосл фин Бучач!..

Что, как уже поняли терпеливые читатели этих заметок, значит:

— Это мой друг мистер Брюс Спрингстин. Кто-кто! Что значит кто? Ну, Борух Шпрингштейн, сын реб Йосла из Бучача!..

Так Зильбер становился Силвером, Зильберштейн — Силверстоуном. Голд, правда, оставался Голдом, зато Гольдман вырастал в Голдмэны.

Самое же в этом занятное, что любой Силверстоун звучит для просто американцев точно так же, как для русских Зильберштейн. И ничего другого...

Полным началом американского еврейства — именно как отдельной ветви — стоит, наверное, считать время, когда новорожденные стали получать «внешние имена», такие, какие могли получить только в Америке. Если читателю эта фраза покажется чересчур заумной, постараемся ее разъяснить. Одно имя еврей получает при брисе — обре-

* Судно, на котором англичане, основавшие первое британское поселение в Северной Америке, в 1620 г. пересекли Атлантический океан. — *Прим. ред.*

зании, и оно всегда сугубо еврейское. Это имя записывается в общине, на бармишве именно им вызовут мальчика к чтению Торы (или, как сказали бы героини нашего повествования, Тэйре), его же запишут в брачный договор, а когда — ибр хиндерт'н'цванциг (через 120 лет) — поставят могильный камень, то на нем напишут то самое имя. Скажем, Зэев бен-Дов, он же — Вольф, сын Бера. Но, возможно, и Владимир Борисович. И на камне будет по-еврейски написано первое имя, а под ним по-русски, к примеру, юрист Владимир (Вольф) Борисович (Берович) Иззагардинер.

Как вы понимаете, наши евреи в Америке быстро поняли, что, конечно, медине-шмедине ис а голдене, но на люди (точнее, цвишен ди гойим) с именем Берл-Айзик или Довид-Перец лучше не соваться. Не Хацапетовка, знаете ли, где, конечно, тоже многие смотрели на Мошек и Шмулек без особого удовольствия и ласки, но все привыкли. Уж, во всяком случае, имени Иван Поперыло никто себе не брал. Но это же Америка! И очень скоро появился — для внешнего пользования — некий набор имен, который чаще всего встречается у евреев. Подчеркнем: американских.

Конечно, был метод самый простой: те же еврейские имена, но в английском звучании. Иосиф — Джозеф, Яков — Джейкоб, Давид — Дэвид, а также Рэйчел, которая Рахиль, Рут — она же Руфь. Тем более что они настолько распространены среди англосаксов, что не воспринимаются как чужие. И очень многие американские (уже!) евреи носят такие имена. К этому следует добавить, что у членов некоторых протестантских сект, коих ин а Голдене Медине — мэр ви Ротшильд хот гелт (переведем это как «пруд пруди»), распространены (особенно, правда, в XIX веке, но и сейчас не редкость) имена супербиблейские: Авраам, Нээмия, Аарон, так что, казалось бы, чего голову ломать — со своим именем вы не выглядите как белая ворона!

Но, согласитесь, одно дело, когда вы Джейкоб Каннингхэм или Рэйчел Стаффорд, а другое — когда Джейкоб Кац или Рэйчел Бердичевски. Есть ведь красивые имена: Сидней, Милтон, Маршалл, Сеймур и еще многие другие, ничего общего с дедушкой из-под Киева или бабушкой из Шклова (у нее даже фамилия Шкловер) не имеющие.

Разве это можно сравнить с Норманом Шкловером или Сиднеем Финкельштейном!

Прошло совсем немного времени, и сказать в Америке: «У меня два брата — Сидней и Милтон», становится примерно тем же, что в Москве заявить о братьях Яше и Марике...

Не будем клеветать на евреев ибр дер ям или заокеанских: в сущности, у них тот же фольклор, что и у российских евреев, и песня «Ойфн припечек брент а фэйерл» не менее популярна среди них и, увы, не более понятна молодому поколению — и та же гефилтэ фиш и бульон мит локшн (с лапшой) стоит на их праздничном столе. А еще у них сугубо национальным блюдом считается борщ — а боршт, который мы тоже любим, но за истинно еврейское блюдо не держим, как, впрочем, и шварцер бройт — черный хлеб, продаваемый как деликатес по высокой цене в еврейских магазинах.

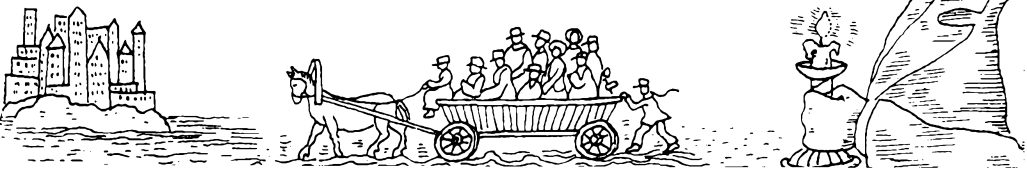
И хотя проблемы в Америке и России у евреев не совсем одинаковые («Аф мир гезукт дозике цурес/цорес!» — «Мне бы ваши проблемы!»), но есть некоторые общие. К именам это относится в полной степени.

Не будем же обвинять всех американских евреев в пристрастии к англосаксонским именам. Хватает там и Дэйвидов, и Джейкобов, и Рэйчел, а последнее время Иланов и Иланит, Ронов и Геул — прямо как в Израиле! Но тенденция к именам, не сразу бросающимся в глаза, как еврейские, существует.

Впрочем, чтобы разобраться с ней, нам придется сделать а шритл аройс фин ди Голдене Медине — шагок в сторону от Америки.

Шажок, правда, не такой уж маленький: назад в Старый Свет. Здешние, так сказать, «старосветские евреи» давно замечены в том, что не любят выделяться своими именами среди окружающего населения. Достаточно того, что выделяются фамилиями. Это, впрочем, тоже не обязательно. Есть и такая слабость, как переделка фамилий, но это встречается все же реже. Во всяком случае, у нас в России (добавим для политкорректности: в СНГ и странах Балтии).

Имена для внешнего мира выбираются нейтральные. То есть в форме, вполне приемлемой и как бы не режущей слух православным. Например: Боря, Гриша, Миша, Ма-

рик, Лева. Женские — Соня (значит, бабушка была Саррой), Маша, Ася. Как-то так само собой получается, что только некоторые имена становятся распространенными именно среди евреев и все реже и реже встречаются у других народов. Прошу понять меня правильно: все перечисленные имена не обязательно говорят о принадлежности носителя к сынам и дочерям Израилевым. Но именно их скопление — в одной ли семье, в кругу ли ваших друзей — позволяет сделать именно такой вывод.

С другой стороны, евреи, не сговариваясь, избегают многих, даже распространенных среди соседей, имен.

Многих ли евреев вы встречали по имени Иван? То, что оно происходит от ивритского Йехоханан, всем известно, но... Или есть ли у вас знакомая девушка Анфиса Кац? Или Лукерья? Сестры Анфиса и Лукерья Кац? Опанас Бергельсон? Как правило, это относится к именам, очень уж национально окрашенным: «русский Иван», к примеру. Что ни говори, а как бы почти любой еврей из тех, что предпочитают замаскироваться, ни старался, а видит предел, дальше которого заходить все-таки неприлично. Опять-таки, а свои что скажут?

Конечно же, правил без исключений не бывает. Я бы даже сказал, исключений демонстративных. Допустим, некий писатель-юморист, бурно начинавший в студенческой самодеятельности, меняет фамилию (то есть сначала берет псевдоним, столь необходимый творческой личности, а потом превращает его в фамилию, родовое имя, так сказать).

Был он, к примеру, Овсищер (все имена в этой истории-ке выдуманные!). Но стал, скажем, Петляев. Потом все его зовут Петляевым, и он сам начинает как бы верить, что он Петляев. Свое имя у него нейтральное, но (см. выше) частое именно, скажем, среди участников КВН. Но уж зато сына он называет (чуть было не сказал «крестит») демонстративно — по-нашему, по-петляевски: Иван. А так как подробности его личной жизни становятся фактами его творчества, то многократно в печати и по телевизору заявляет: «Мой парень Ваня Петляев...»

...Ваня вырос и сам стал появляться на экране, но каждый раз, когда ведущий представляет: «Наш корреспондент в...

Иван Петляев», я, увидев на экране этот идише пунем мит нэзл, сомневаюсь: а не перепутал ли ведущий? (Для несведущих: «пунем» — «лицо», а «нэзеле» — в данном случае «носите»).

Бог с ним, с русским писателем Петляевым! И без него хватает материала, чтобы разбираться и разбираться! И — самое главное — выявить некоторые закономерности, характерные и общие в разных странах и исторических эпохах. Но для этого придется «шажку в Старый Свет» превратиться в довольно длительное пребывание: в одной России чего только не происходило с еврейскими именами.

Скажем, до революции не мог быть еврейский ребенок зарегистрирован иначе, как у казенного раввина, каковой «казенный» был государственным чиновником. Но имена регистрировал только еврейские. И какую-нибудь барышню из интеллигентной семьи, к примеру, дантиста или фармацевта могли всю жизнь звать Аней и Анечкой (Нюточкой, Нюрочкой и т. д., но все по-русски), однако в любом документе она оставалась Ханой Вульфовой. Потом, после революции, когда по всем документам дама уже была Анной Владимировной, выяснялось, что для исчисления пенсионного стажа надо иметь все документы, а они на два имени. И тут — о парадокс Советской власти! — приходилось идти в синагогу и получать там документ за подписью раввина о том, что имена Хана и Анна — суть одно и то же! В общем, генуг мир цурес, так от нох а лох ин коп! Что в неточном переводе по смыслу значит: «Не хватало мне неприятностей, так еще и это!»

Причем особенно болезненно переживали необходимость «идти на поклон к клерикалу» активисты Евсекции*, закаленные борцы с «опиумом для народа». Их-то, как назло, родители наградили такими именами, что Сруль среди них звучало как имя итальянского оперного певца...

Революция отменила пост «казенного раввина», но продолжала терпеть раввина настоящего. До полной побе-

* Еврейская секция ВКП (б). Главной задачей таких национальных секций являлось распространение коммунистической идеологии в среде национальных меньшинств на их родном языке и вовлечение их в «строительство социалистического общества». — *Прим. ред.*

ды передовой идеологии. Обязанности же казенные перешли к загсам. Отныне каждый называл своего ребенка так, как хотел. Поэтому среди изрядно обрусевшей городской интеллигенции полностью исчезли из оборота Ханы и Мендели. Победили Анны и Михайлы. Отчества же, данные при проклятом царском режиме как имена родителей, естественно, сохранились.

Поэтому у людей, рожденных в 20-е, 30-е и даже 40-е годы, вполне нейтральные Аркадии и Львы сопровождались отчествами Исаакович, Абрамович, а то и Михул-Ицкович. О наборе этих нейтральных имен мы уже говорили. Почти не встречались Дмитрии, Сергеи, а тем более Вячеславы и Ярославы. Сочетание Николай Кац, Дмитрий Зильбербойм или Вадим Глускер были совершенной экзотикой. Но уже начинали звучать, особенно после войны.

До войны рядом с перебравшимися в большие города и старательно отряхивавшими всякий прах прошлого со своих ног советскими гражданами еврейской национальности существовал еще мир штетлов — местечек Украины и Белоруссии, а после 40-го года — Литвы. Там звучал по-прежнему идиш, там гражданина Качкеса еще звали Велвл, а не Вячеслав. И из каждого штетла кто-нибудь переселялся в большие города. А с ними переселялись и традиционные еврейские имена.

Надо сказать, что охватившая Россию мода на иностранные имена не обошла и причащающихся к культуре евреев. Более того, у них имена — в основном германские — начали приживаться даже немножечко раньше. Еще до революции «внешние имена» зачастую (хотя и не в очень большом количестве) звучали как Генрих, Арнольд и — увы! — Адольф. Проклятое впоследствии, это имя встречалось чаще других в сочетаниях типа Адольф Лазаревич или Исаакович. Трудно сказать, почему именно имена этого происхождения полюбились рвущимися к европейской цивилизации евреям. Вероятно, это был продуманный акт мимикрии. Согласитесь, что если Ярослав Клугер — сочетание диковатое, то та же фамилия, германская по происхождению, вроде бы прекрасно смотрится с именем Арнольд: Арнольд Клугер. Даже доктор Арнольд Клугер. Можете просто так, что вы себе ломаете язык: Арнольд Моисеевич да Арнольд Моисеевич!

Занятно отметить, что русские немцы, освоившиеся уже в России, ставшие православными и русскими патриотами, в то же время предпочитали имена подчеркнуто славянские, этакие Никита Федорович (Фридрихович) фон Бок или Иван Иванович Ванце.

К именам вроде Раймонд, Вальтер, Густав (Густав Конопаткин — нормальное сочетание для русского человека 20–30-х годов рождения) евреи в целом остались равнодушны, как и к Владленам и Сталиленам (попробуйте расшифровать!). Короче говоря, произошло в который раз одно и то же: евреи вроде бы и взяли себе европейские имена «как у всех», но тут же создали «антропонимическое гетто» с ограниченным набором. Особенно почему-то полюбилось имя Эдуард, Эдик. До такой степени, что я знал стопроцентных арийцев, которым при таком имени приходилось вечно доказывать, что они не евреи. На что им обычно отвечали: «Ну, это мы еще посмотрим, что ты за Едик...» А вот к простодушному борцу с евреями генералу Макашову придирались зря: у евреев Альберт нечасто встречается. У православных — куда чаще. Так что вовсе не врал Альберт Михайлович: он чисто русский.

И все же никак не могу понять, чем руководствовались родители, давая рожденному в 1937 году мальчику имя Адольф. Или в глухом биробиджанском колхозе не было радио, и они ничего не слышали о старшем тезке своего сына, уже крепко набравшем силу в Германии...

Мой сосед, по паспорту Яков Срульевич, не любил это отчество, но скорее всего только из-за неприятного созвучия с русским словом. Поэтому в миру он звался Яковом Израилевичем. И сына его звали Марик — все чин чинном. И уж тем более не был Яков Израилевич — прошу извинить за неуклюжесть выражения! — Иваном, Не Помнящим Родства. Я встретил его, когда он стал дедушкой и катил детскую коляску. Я спросил: «Кто?» Яков Израилевич гордо ответил: «А ид!» В данном случае имелось в виду «мальчик». «Ви руфт зих а ид? — спросил я. — Как зовут парня?», ожидая услышать нечто если не библейское, то хотя бы местечковое. И чуть не сел, услышав гордый ответ: «Ростислав!» Не могу передать на письме рокотание этого заглавного «Р»...

Впрочем, примерно в то же время — лет 25 тому назад — стало встречаться и другое. Как-то моя матушка, придя домой, поделилась со мной свежим впечатлением. Она встретила соседскую девочку Лену, выросшую на ее глазах. Лена гуляла с младенцем в розовом одеяле. «Как зовут дочку?» — спросила моя матушка. «Геула», — отвечала Лена. Мать спрашивала меня, что я думаю, почему дали такое красивое и такое нерусское имя? Я высказал предположение, и оно оправдалось, когда нас позвали «на отвал»...

Ибо массовая алия также сказалась на наборе имен.

Но мы долго задержались на именах русских евреев-ашкеназим. А нам есть смысл поговорить о том, что происходило в этой сфере у горских, бухарских и грузинских евреев, а также у тех крымчаков, кому удалось уцелеть.

А потом заглянуть за границу, но все еще оставаясь в Старом Свете...

Те восточные общины, о которых мы упомянули, подошли к революции и перешагнули ее дату с набором сугубо еврейских имен. Их ветхозаветное звучание, естественно, тоже зачастую было искажено, но совсем не так, как у ашкеназим. Скажем, Овадия мог звучать в Бухаре как Обадъё, Исраэль как Исроил, а в городе Дербент и окрестных аулах многих мужчин звали Хануко. Я сам встречал Хануко Мататиевича Мататиева. У грузинских евреев встречались, правда, и просто грузинские — даже не поймешь, христианские ли — имена вроде Шота и Шалва. Хотя скорее всего это были имена внешние. У бухарских же и горских евреев не встречались имена, которые считались мусульманскими, и имена, считавшиеся русскими. (Впрочем, горских женщин часто звали предметными именами: например, Гюльбахор — на фарси Цветок Весны. Была такая Героиня Социалистического труда, колхозница Гюльбахор (Гюльбоор) Давыдова.)

Эмансипация и включение в социалистическое общество этих общин сильно отставали от темпов, которыми ашкеназим покидали штетл и становились столичными жителями. То ли московские власти, занятые эмансипированием коренного магометанского населения, не так уж обращали на них внимание, то ли товарищи из Евсекции вели свою

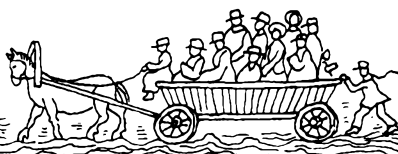
агитацию на идише, которого бедные восточные люди не понимали. (Надо сказать, что, когда яростные недоучки из Евсекции пели сами, они настолько не видели ничего вокруг, что такая мелочь, как «Эр жеж ферштейт нихт» — «Да он же не понимает!», их просто не занимала.) Но не все удалось им изгадить... К началу войны те бухарские евреи, что жили в больших городах: Ташкенте, Душанбе, Самарканде, начали заметно приобщаться к европейской культуре.

То есть в данном случае — к русской. В семьях, конечно же, говорили по-таджикски, детей отдавали в таджикские (где были) школы, но внешние имена стали давать европейские: Аркадий, Борис, Илья — Аркадий Завалунов, Борис Кимягаров, Илья Хаимов. Арнольды и Рудольфы, распространившиеся у русских и многочисленных в Средней Азии армян, распространения не получили.

Тяга к европейско-русскому у них была понятна: темное мусульманское юдофобство, прежде всего — по религиозным причинам, заставляло их видеть эту европеизированность несколько в розовом цвете. В общем-то это и понятно: после полного бесправия в местных ханствах и эмиратах даже генерал-лейтенант Евреинов, первым делом собравшийся выселить евреев, и тот казался светлым будущим, как рабам Древнего Рима — феодализм. (Потом, впрочем, генерал-губернатор, потомок Матюшки Евреина, московского выкреста XVII века, от планов выселения отказался и существенно к единоверцам своих предков помягчел...)

Европеизация — пусть даже и поверхностная — у бухарских евреев обгоняла тот же процесс у городских узбеков и таджиков. (У тех с течением времени тоже появились Игорь Шабдурасуловы и Олеги Шемии-заде.) Но зато если взглянуть на имена для общего пользования, то мы с интересом можем отметить, что они все больше и больше приближались не к именам русских и русскоязычных в Средней Азии, а к именам евреев-ашкеназим: почти те же Гриши, Яши, Левы и Бори.

А это означает, что главным символом европейца для них был все-таки зубной врач Яков Соломонович Кац. Или профессор Геннадий Абрамович Гиндин. Почтенные и уважае-

мые члены общества, сливки местной интеллигенции. Но — свои. Или, как говорили в Бухаре, — айды.

Горские евреи, татский язык которых так походит на таджикский язык евреев бухарских (но все же это не одно и то же), заметно отличались от других еврейских этнических групп хотя бы тем, что среди них был высок процент крестьян. Причем это не обязательно были жители селений: в таком крупном еврейском центре, как Дербент в Дагестане (второй по величине город в республике), было на моей памяти пять колхозов, с разных сторон примыкавших к городу, и три из них были еврейские. Особенно процветавший — им. Ленина, где еврейями были все, кроме Владимира Ильича. (Да и то с этим можно поспорить.) Очень много евреев жило и в сельской местности: скажем, речка Рубас-чай разделяла два аула — лезгинский Хачмензиль и еврейский Хачмензиль. Все это я вспоминаю для того, чтобы пояснить ситуацию с именами. Естественно, крестьянину, работающему в окружении своих единоплеменников и не так уж часто бывающему в городах, незачем менять свое имя: оно для всех и понятно, и привычно. И больше всего я встречался с Шалумами, Нисимами и Авшалумами, а также с Мататиевым Хануко Мататиевичем, Гиляловым Ильей Давыдовичем и т. д.

Но уже тогда, в конце 50-х годов, ребята моего возраста, особенно получившие образование в Ростове, частенько представлялись Сережей Авшалумовым или Аликом Ильягуевым. Правда, такого же возраста лезгины и азербайджанцы тоже предпочитали в русском общении называть себя, скажем, не Али, а Алик, не Низамутдин, а Коля (очевидно, от первого «Н» в настоящем имени, дававшем право звать себя Николаем). Не обошла горских евреев и общекавказская мода на два имени: Тельман и Марат. Я помню дербентского часовщика Тельмана Хаимова. Много лет спустя в Нетании я разговорился с посудомойкой в кафе, молодой девушкой из Дербента. Вспоминая знакомых, я назвал Тельмана. Девушка расплылась в улыбке:

— О, дядя Толя! Я с его дочкой в одном классе училась.

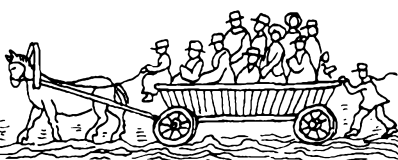
И я понял, что имя Тельман претерпело изменения. Может быть оттого, что в Дагестане оно звучит как мусуль-

манское. Знал бы об этом железный генеральный секретарь компартии Германии тов. Эрнст Тельман. Но его к этому времени давно уже замучили фашисты... Для того чтобы понять своеобразие «внешнего» именника горских евреев, следует вспомнить, что этническая группа эта проживала хотя в основном на Кавказе, но в весьма разных условиях.

Значительная часть обитала в таких крупных культурных центрах, как Нальчик, Грозный, Майкоп, даже Ачхой-Мартан, и существенно отличалась от близких родственников — колхозников и рабочих в Дагестане. Русские имена уже перед войной широко распространились среди кабардинцев, черкесов, балкарцев. Евреи не отстали от масс, и у них стали попадаться имена, редко встречаемые среди других еврейских этнических групп. У горско-еврейского писателя Амалдана Кукуллу (это несомненный псевдоним) маму звали Анна Никитична. Если вы когда-нибудь встречали ашкеназийку с таким именем-отчеством, сообщите, пожалуйста, мне. Это станет ценным филологическим открытием.

Значительная часть горских евреев проживала в Азербайджане. У властей тогда еще советского Азербайджана была довольно хитрая политика в национальном вопросе, в том числе и в принципе официальной записи имен. В отличие от эстонцев, скажем, ставших Хансами Фридриховичами, или узбеков, именуемых Рахматами Мамадалиевичами (а ведь всем, кроме восточных славян, отчества для обращения и повседневного пользования — чужды), азербайджанцы писали после имени отца «оглы» (сын) или «кызы» (дочь). Уважаемых руководителей, конечно, звали в миру на государственно-славянский лад: Гейдар Алиевич, Кюбра Алишевна. Но только их.

Так вот, тихой сапой азербайджанские паспортные столы провели грань между коренными и некоренными народами. И у коренных (куда попали, кроме титульной нации и лезгины, и горские евреи) в документах числилось «оглы» и «кызы»: Абдурахимов Хуссейн Абдурахим-оглы, Хаимов Нисим Мататия-оглы, Ханукаева Ракель Ильягу-кызы. Зато русские, армяне (выделение их как некоренных, кажется, и было главной целью) и евреи-ашкеназим (их еще назы-

вали «европей») оставались Иван Ивановичами, Генрихами Аванесовичами и Григориями Львовичами.

Согласитесь, что в этих условиях записать ребенка с «европейским» именем получалось как-то не с руки. Вы себе только представьте: Ильягуев Николай Вячеслав-оглы...

Грузинские евреи в отличие от других еврейских этнических групп были с точки зрения языка и быта практически неотличимы от грузин других вероисповеданий (а напомним читателю, что, хотя большинство грузин православные, есть там многочисленные мусульманские этнические группы — аджарцы, к примеру; есть и католики). Русские и европейские имена в грузинскую среду проникали и существовали зачастую одновременно и не смешиваясь с такими же, но только в грузинской форме. Вано и Иван, Томэ и Фома, Доменти и Дементий. Объяснялось это тем, что все дореволюционное время церковные записи велись только на русском языке. У евреев же, естественно, такие записи вел казенный раввин.

В условиях Грузии казенным раввином зачастую был ашкеназ, не знавший грузинского языка, или казенный и настоящий раввин был одним и тем же грузинско-еврейским лицом. В раввины не допускали ни Иванов, ни Генрихов, ни других звучных, но чуждых имен. К нашему времени грузинские евреи пришли с «внешними» грузинскими именами Шалва, Нодари, Анзор и с чисто еврейскими, но как бы «огрузиненными» Давид, Абрами, Иосиф (точнее, Иосипи)...

Мода, охватившая Грузию, на «истинно грузинские», а в действительности заимствованные из древнеиранского эпоса имена вроде Тамаз, Рамаз и т. д. обошла грузинских евреев.

(Занятно, что грузинская церковь тоже эти имена не признавала, и человек мог быть по паспорту Рамазом, а по крещению — Лукой или Спиридоном...)

Возьмем очень малочисленную группу крымчаков — крымских евреев. Теперь, впрочем, после немецкой оккупации Крыма — почти исчезнувшую. Кое-где их еще можно встретить в Крыму, Москве, Петербурге, но все, что составляло своеобразие их, боюсь, исчезло навсегда.

В отличие от караимов они никогда не доказывали, что их крымско-татарский язык — это что-то особое. И поскольку уровень образования среди крымчаков был весьма невысок, то и имена у них оставались те же, что были и всегда: слегка переиначенные еврейские и частью — тюркские.

Зато простота фамилий могла бы привести в замешательство любого, кто сталкивался с нею впервые. Колпакчи (шапочник), Куркчи (кожевник), Бахчиванджи (садовник) — полный тюркский Восток. И тут же Ломброзо, Манто — это выходцы из Италии или генуэзских колоний в Крыму. Гурджи, т. е. грузин — потомок выходцев из Грузии. И вдруг тут же Вайншток и Гольдман, предки которых попали в Крым, то ли спасаясь от Хмельницкого, то ли угнанные с прочим населением Украины степняками, но при первой же возможности выкупленные еврейской общиной и осевшие в Крыму...

Но по именам все одинаковы. Представляете себе: Ибрагим Сагак-оглы Вайншток! Русские и вообще европейские имена в их среде корни пустить не успели. Однако знал я очень достойного и образованного крымчака по фамилии Кая («скала» по крымско-татарски), родители которого назвали его в честь Льва Толстого Арсланом. «Арслан» — по-тюркски «лев». А отца его звали Сагак-Юда.

То есть его полное имя звучало Арслан Сагак-Юда-оглы Кая. Но он его перевел, и когда мы общались в 80-е годы прошлого века, он себя называл Львом Исааковичем, подчеркивая свое еврейство на ашкеназский лад.

Однако мы, дорогой читатель, задержались на территории бывшего Советского Союза, впрочем, точнее — России. Теперь никто с уверенностью не скажет: где больше живет представителей восточных еврейских групп, о которых мы до этого говорили, — в России или на прежних местах традиционного проживания. Пора нам сделать шаг на Запад и посмотреть, что же происходило с именами живущих там евреев. Скорее всего стоит посмотреть на евреев польских, чешских, венгерских (на них мы задержимся подольше: это очень своеобразная и интересная этническая группа

сынов Израиля). Посмотрим мы и на евреев французских, английских и, может быть, итальянских. Это уже сефарды, но не такие, как на Балканах, в Голландии и Бельгии — те попали туда из Испании. Казалось бы, чего там выделять какие-то группы, не проще ли пройтись по номенклатурному списку стран Европы? Но в том-то и дело, что нет, не проще.

Ведь тот факт, что евреи живут в какой-то стране, еще не означает, что существует этническая группа такого же названия. Я не знаю, есть ли в Исландии евреи. Скорее всего, что хоть пара семей найдется: Исландия, в конце концов, нормальная страна, и, следовательно, должны там быть евреи. Но группы такой «исландские евреи» в природе не существует (как нет шведских евреев, норвежских и, скажем, сан-маринских). Это будут — если будут! — вполне достойные люди, которые ходят в синагогу, но все они (или почти все) новые переселенцы или беженцы, не имеющие в своем быту, именах, привычках или обычаях чего бы то ни было, что бы их отличало от обычных ашкеназов в Польше или на Украине.

Вы скажете: а как же евреи ин а Голдене Медине? (В Америке?) Они что, фун дер Марс гекимен? (С Марса прилетели?) Ведь все из той же самой Восточной и Центральной Европы. Так-то так, да не так. Слишком уж большую группу они представляют, сохраняющую многое из Старого Света, но за долгую историю выкристаллизовавшуюся в отличающуюся от других групп евреев общину. Со всем общим — свойственным всем евреям — и со своим, особым.

Итак, евреи бывают разные: просто живущие в какой-то стране и составляющие этническую группу — в общих рамках еврейства, разумеется. Такая группа возникает — иной раз из самых разных составляющих — в стране, где евреи живут много веков (или хотя бы несколько). И не только живут, но представляют собой языковую общность, имеют свои специфические обычаи, фольклор и деятели своей (именно своей!) истории.

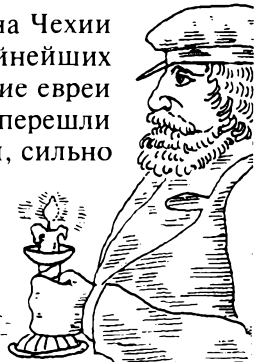
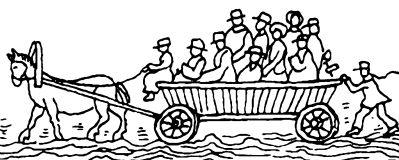
Конечно же, польские евреи с этой точки зрения — типичнейшая и крупнейшая группа еврейства. Чего там долго доказывать! А русские евреи? Они как раз польские

евреи и есть: ибо откуда в Россию евреи попали? Если только, конечно, они не литвакес, то есть йидн фун лите. Как вы помните еврейскую географию, вся Восточная Европа была или Литэ (Литва), или Пэйл (Польша). И в общем, можно сказать, что до самого конца позапрошлого века никакой разницы в именах — да и во всем прочем — не было. Но уже в прошлом веке начали появляться «образованцы», старавшиеся говорить в обществе, а то и дома по-польски и никак не соглашавшиеся на такие имена, как, скажем, Иче-Мейер — этот символ пейсатого, бордатого носителя лапсердака и кипы. Тогда среди этих «почти европейцев» и распространились имена, принятые в христианской среде, но все же нейтральные: Адам, Хенрик, Люциан, Софья, Барбара (что в уменьшительной форме вообще Бася — прямо как аф идиш!). Но даже самые яростные ревнителю своей «польскости» не принимали имен подчеркнуто польских или ярко католических. То есть Збигнегов, Мечиславов (вообще почти никаких имен с окончанием на «-слав»), Кристин, Данут среди трехмиллионной массы польского еврейства было, скажем прямо, очень мало.

Но где теперь те 3000 000 польских евреев? Скажем сразу: отнюдь не все погибли, но сохранились не в Польше, а потому и разговор о них в других частях нашего повествования. Осталось евреев в Польше так мало, что и говорить-то «осталось» не приходится...

Но прежде чем, дорогой читатель, мы перейдем к еврейским этническим и субэтническим группам к западу от Польши, нам следует четко усвоить и запомнить одну вещь, я бы даже сказал, аксиому. Она гласит: «Сколь велико бы ни было еврейское население той или иной страны, сколь своеобразна ни была бы эта группа, она всегда мала по сравнению с пришельцами из двух великих стран (имеются в виду, естественно, Пейл ун Литэ)».

Чехия тут — не исключение. Еврейская община Чехии и особенно Праги — одна из старейших и достойнейших в мире. Входить в гражданское общество чешские евреи начали со второй половины XIX века и тогда же перешли по большей части на немецкий язык (что, кстати, сильно

раздражало пробудившееся чешское национальное самосознание). И внешние имена звучали по-немецки. Помните, Кафка был Францем, а не Франтишеком — это чешский эквивалент немецкого Франц; фельдкурата Каца из бессмертного «Швейка» звали Отто. Почему-то очень пришлось по вкусу эмансипирующимся евреям имена Мориц и Изидор, и в чешских анекдотах евреев всегда звали Мориц Кон (Kohn) и Изидор — тот, правда, мог иметь по-чешски звучащую фамилию Рoubичек. (То есть она звучит по-чешски для всех, кроме чехов.)

Однако количество евреев, так сказать, исконно местного разлива не шло ни в какое сравнение с потомками тех, кто хлынул в столичный (третий столичный в Австро-Венгрии) город Прагу из Галиции и Подкарпатской Руси: то есть все из той же Польши, по еврейской географии — фун Пейл.

А с ними пришли и те имена и фамилии, которые звучат для нас по-еврейски.

Своеобразие и авторитет пражской (и всей чешской) еврейской общины были таковы, что пришельцы почти сразу стали местным евреям подражать. И вчерашний Ицхок становился тем самым Изидором, а Мойше — именно Морицем. Чем, естественно, набор имен отнюдь не ограничивался...

Уже перед провозглашением независимой Чехословакии в 1918 году сформировался достаточно обширный круг евреев, которые в обществе, а зачастую и дома стали говорить по-чешски, тем самым подчеркивая свою лояльность к национальным стремлениям основной нации.

Само собой, что в независимой стране этот круг расширился. И, естественно, внешние имена зазвучали в чешском варианте. Георг стал Иржи (это и есть по-чешски Георг и Юрий, что, как известно, одно и то же имя); Франц стал Франтишеком, Мориц — Моржицем, Йоганн — Яном и т. д. Этому способствовало то, что в чешском языке принято переводить имена: к примеру, верный соратник Маркса (Карела Маркса!) Фридрих Энгельс именуется Бедржихом Энгельсом и даже английский король, который вообще-то Джордж, а у нас — Георг, носит имя Иржи.

При этом даже самые ура-патриоты из чешских евреев все-таки избегали (и, кажется, избегают) подчеркнута чешских имен, не имеющих аналогий в европейских языках.

То есть: ни Цибора, ни Честмира, ни Борживоя, а Яро-славы и Станиславы — очень редки.

Вспомните: много ли у нас вы видели евреев по имени, скажем, Добрыня Моисеевич Коган? На это даже писатель Петляев не пошел бы со «своим парнем Ваней Петляевым»!

Но все же иногда, да и встретится Станислав Гутман. Но не часто.

Среди фамилий чешских евреев, кроме обычного еврейского набора из Коганов (Конов), Кацев и Бродских, довольно часто встречаются такие, как Ледерер, Кригель, Гольдштюккер, Гинзбург. А по-чешски звучат Роубичек, Комарек и еще довольно много других.

Еще до войны среди евреев — особенно пражских и брненских — держался немецкий язык (и, кстати, считался одним из лучших немецких наречий!). Но после войны его как воды смыло.

Но все-таки Франц Кафка, хотя и именовался в чехословацких документах Франтишекком, писал по-немецки. И Макс Брод. И Эгон-Эрвин Киш. А редакция одной из наиболее читаемых немецкоязычных газет «Прагер Тагблатт», где Киш работал, состояла сплошь из евреев. Среди несколько оппозиционных к гитлеровскому режиму немецких интеллигентов считалось очень престижным читать «Прагер Тагблатт»; потом подписка на нее в Германии была запрещена. Но приехав в Прагу туристом, можно было не только отведать пражских сосисок и ветчины — в Германии перед самой войной это уже стало дефицитом — но и, сев в кафе, раскрыть «Прагер Тагблатт». Конечно, только в таких местах, где не могли застучать активисты — земляки и из местных немцев-нацистов.

Тем не менее большинство детей из еврейских семей уже ходили в чешские гимназии. Очень популярны были в стране поэт Иржи Ортен, погибший впоследствии в лагере Терезин, и писатель-юморист Карел Полачек. Тот ухитрился издаваться даже при оккупации — под любезно одолженной фамилией друга-арийца.

Фамилия Полачек (и другая форма: Полак) звучит для чехов почти как Рабинович в России. В анекдотах там часто фигурирует пани Полачек (или Полак). Чтобы понять юмор ситуации, надо помнить, что по-чешски к любой женской фамилии (даже иностранной!) добавляется окончание «-ова»: к примеру, президент Клинтон и пани Клинтонова; президент Путин и пани Путинова (а был бы наш президент Ивановым, так супруга стала бы в чешской печати Ивановова). Как же надо было не знать чешского языка, чтобы называть себя «пани Полачек»! (Вроде Анна Петровна Иванов.)

Боюсь, что этот анекдотический факт лучше ученых исследований показывает ситуацию чешского еврейства, не вовремя попавшего между двух стульев. А то и жерновов...

Читатель, наверное, обратил внимание на то, что мы в предыдущих частях говорили о чешских евреях, а не о чехословацких, хотя совсем еще недавно Чехия и Словакия были единой и не такой уж большой страной. Не такой большой, чтобы разница в еврейских общинах обеих частей была столь уж заметной. И тут вы ошибаетесь. Разница была огромной: в восточной части Чехословацкой республики жили совсем уже другие евреи — венгерские, — принадлежащие к одной из самых заметных в мире еврейских этнических групп. (Заметим в скобках, что дальше к востоку находился регион Чехословакии — Подкарпатская Русь, часть Галиции с самым еврейским из всех еврейских населением, с лучшим идишем и так далее. Но разговор сейчас не о нем, хотя подавляющая часть и чешских, и венгерских, французских и американских и прочих евреев вела корень именно из этих мест.)

Прежде чем начать обстоятельный разговор о венгерских евреях, будем надеяться, поучительный и полезный, вспомним о том, что совсем недавно — в историческом плане — Венгрия не была той маленькой страной, которую не сразу разглядишь между незаметной Австрией и такой же Словакией. Некогда это была очень большая страна.

Венгрия — составная часть Австро-Венгерской империи, второго после России по величине государства в Европе — включала в себя Словакию, половину Румынии, половину Сербии, Хорватию, Закарпатскую Украину и прочая,

прочая, прочая. Мы, естественно, приводим современные географические названия. Тогда же это было Королевство Венгрия с единственным государственным языком — венгерским. Остальные в лучшем случае могли преподаваться в школе как факультатив. Вопрос языка для нашей темы очень важен, ибо без него нельзя было добиться ничего, даже в лавке торговать.

С середины XIX столетия, когда идея двуединой — австрийской и венгерской — монархии получила конституционное подтверждение, Венгрия стала стремительно развиваться. Росли города, стекалось в них население. Еврейское же население стекалось туда, обгоняя другие этнические группы на корпус. Не было в галицийских и подкарпатских деревушках и штетлах семьи, которая бы не делегировала кого-нибудь из своих членов в Будапешт, Пожонь (ныне Братислава), Коложвар (теперь Клуж в Румынии). Это выглядело почти как исход в «Голдене Медине» — в центральноевропейских масштабах, разумеется. К тому же ехать ближе, все понятнее, а окажетесь вы шлимазлом — ночь пути, и вы уже у мамы в хате.

Короче говоря, к началу прошлого века процент еврейского населения в Будапеште был примерно такой, как сейчас в Нью-Йорке.

Причина таких провенгерских настроений была довольно проста, хотя и неожиданна. Дело в том, что при переписях населения Венгерского королевства в составе Австро-Венгрии евреи учитывались как венгры, в каком бы уголке страны они ни жили и даже если не владели венгерским языком. Ведь главной слабостью страны было то, что нигде, кроме собственно Венгрии (в нынешних границах), венгры не составляли большинства.

Следующим этапом «овенгеривания» стала повальная замена имен и фамилий. Делалось это просто: надо было поехать в Будапешт, подать заявление в соответствующий департамент и, заплатив не столь уж большую сумму, выйти из департамента не Мойше Эстеррайхом, а Эркенем Миклошем. (По зеркальной ко всем европейским венгерской грамматике имя пишется обязательно после фамилии.) Случай с Эстеррайхом не выдуман мною: именно так опи-

сывает смену фамилии своим предком классик венгерской литературы Иштван Эркенъ. Собственно говоря, фамилия была придумана более благозвучная и начиналась на «Э», чтоб столовое серебро не менять, но предок по дороге напился, забыл придуманное имя и взял название первой же железнодорожной станции, начинавшейся на «Э».

Обычно же в фамилию венгерского образца превращали имя отца (тоже на венгерский лад): Тамаш, Габор, Шимон (это и по-венгерски Шимон). Сравнивая с привычными нам русскими системами наименования, можно сказать, что получались Фомин, Гаврилов (а имя Габриэль очень распространено среди евреев), Семенов. Еще чаще брали название города или села: Дебрецени, Шарашпатаки, Колжвари. Звучит очень по-венгерски? Не более чем известные нам Кричевский, Бердичевский, Каневский.

К примеру, венгры очень гордятся американским физиком, Нобелевским лауреатом Сент-Дьерди. Но Сент-Дьердь — это маленький городок, я бы даже сказал, местечко в Восточной Венгрии.

Завершая, стоит сказать, что обычно венгерские евреи хорошо знают и свои еврейские имена. В Будапештской синагоге я увидел двойную мраморную доску в память главного раввина. По-венгерски: «Доктор Фекете Берталан». И рядом — на иврите: «Рабби Менассе бен-Иссахар». И все: без «доктора», без «Фекете», без «Берталана»...

Заключение

Любой приличной книжке нужен эпилог или — если она претендует на научность — заключение. В первом случае завершается сюжет; во втором — подводятся итоги. Поскольку в нашей книге — хвала Всевышнему! — сюжет завершен быть не может и итогов подводить не приходится, мы обойдемся без этого аксессуара солидного издания.

Наоборот: будем считать все, что вы прочитали, лишь началом. А заключения не будет, пока светит Солнце.

Содержание

Самое краткое предисловие	
О чем эта книга, почему она так называется, о вреде невежества и пользе элементарных знаний	5
Глава I,	
где рассказывается о событиях древности, хотя и не столь уж глубокой, о княжествах у озера Тана, о повелителях огня, о том, может ли еврей быть бароном и крепостным и почему он вряд ли работал палачом, а также о весьма странной профессии	8
Глава II,	
где рассказывается о людях трехцветных, пещерных и просто раскосых, да еще кочевниках, при этом все эти люди — евреи, хотя человека по фамилии Либерман среди них не встретишь.	60
Глава III,	
где рассказывается о герах — людях, добровольно взявших на себя нелегкий груз, а также о том, откуда взялись узбек Земельман и бурят Бершадер.	92
Глава IV,	
где рассказывается о местах куда менее экзотических, чем княжества у озера Тана, но тоже очень — с точки зрения нашей темы — малоизвестных, а также объясняется, почему стоит сказать доброе слово об албанцах	105

Глава V,
где рассказывается о трудящихся и красильщиках,
о профессиях, «записанных» как еврейские, а также о том,
что не все евреи — адвокаты, но почти все адвокаты —
хотя и не у нас — евреи 156

Глава VI,
где рассказывается о еврейских словах и словечках
и еврейской географии, согласно которой Европа состояла
из двух великих государств и нескольких поменьше;
об открытии Золотой Страны, изменившей эту географию;
об именах и фамилиях, а также о том, как история
и география эти имена меняли и почему 209

Заключение 265

Минц Л.

М62 Блистательный Химьяр и плиссировка юбок / Лев Минц. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 272 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-105-2

Писатель и этнограф Лев Минц рассказывает о еврейских общинах, существующих по всему миру, о происхождении еврейских имен и фамилий, о еврейских профессиях и особой еврейской географии, щедро сдабривая свое повествование историческими фактами, лингвистическими изысканиями, социологическими данными, байками и анекдотами. И в конце концов дает ответ на вопрос, как, распространившись по всему свету, евреи тем не менее сумели сохранить общность и остаться единым народом.

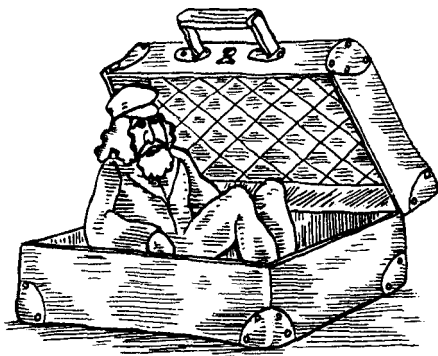
УДК 392

ББК 26.8

История. География. Этнография

Лев Минц

Блистательный Химьяр
и плиссировка юбок

Редактор В. Петров
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 25.12.2010.
Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 17. Тираж 3000 экз. Заказ № 4571.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13
Тел. (495) 637-45-49
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Лев Минц
Блистательный
Химьяр
и плиссировка
юбок

У этих людей кожа разных оттенков, разный разрез глаз, они восприняли разные культуры и говорят на разных языках. И тем не менее все они — евреи. Распространившись по миру, евреи сумели сохранить общность, сцементированную традицией и верой, и при этом оставить свой след в истории народов, среди которых им довелось жить. Этнограф Лев Минц рассказывает о нелегкой судьбе евреев, о происхождении еврейских имен и фамилий, о еврейских профессиях и особой еврейской географии, щедро сдабривая свое повествование историческими фактами. А экскурс в тонкости иврита и идиша сообщит читателю весьма неожиданные сведения о происхождении слов «шмон», «ксива», «мусор», «малина», «халява»...

Лев Минц долгое время работал в журнале «Вокруг света». В нашем издательстве вышли его книги «Котелок дядюшки Ляо» и «Придуманные люди с острова Минданао».

ISBN 978-5-91678-105-2

9 785916 781052